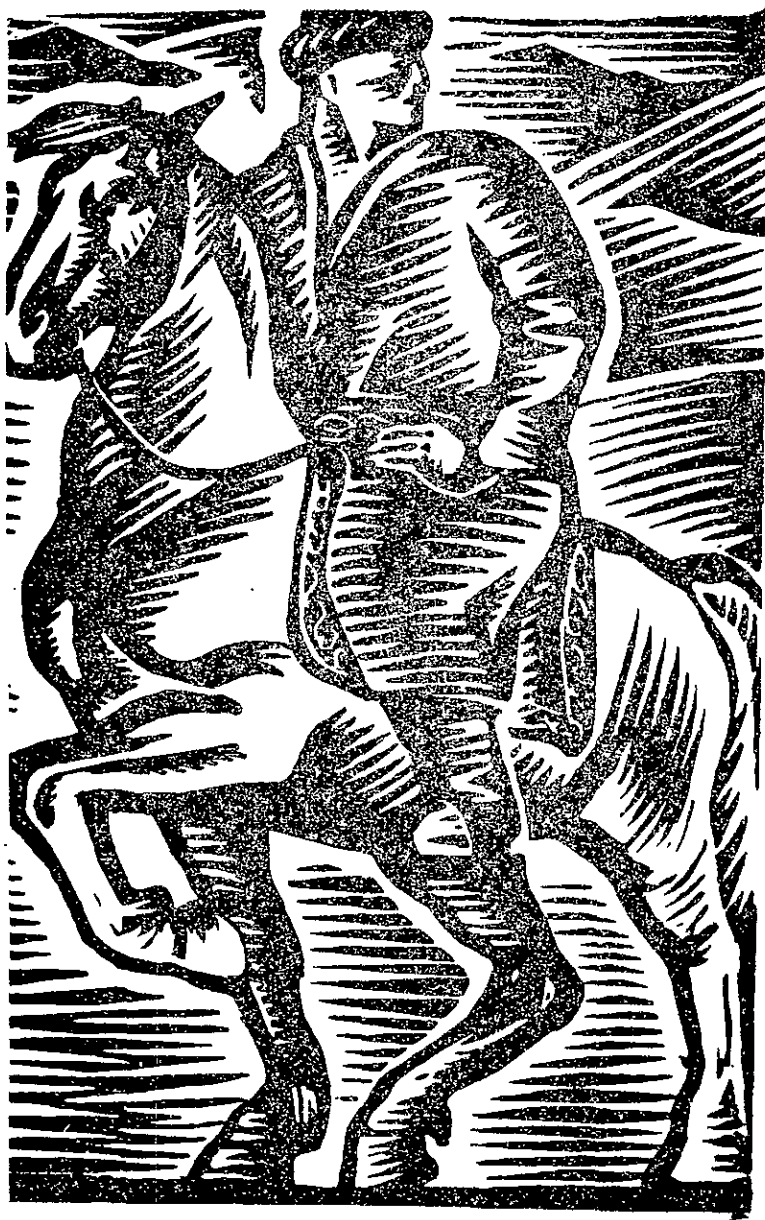

К-13
Т 5/6
ААЛЫ ТОКОМБАЕВ

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

РОМАН

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД
С КИРГИЗСКОГО
ВЛАДИМИРА ЦЫБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ — 1968

Токомбаев А.

Т—51

Перед зарей. Роман в стихах. Ф.
«Кыргызстан», 1968.

296 с. 4000 экз 1 р.56 к. В пер.

Больше четверти века работал народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев над своей эпопеей «Перед зарей». Действие её начинается в 1916 году, в преддверии Октября. Роман отражает национально-освободительное движение в Киргизии, установление Советской власти.

В 1967 году А. Токомбаев за этот роман был удостоен звания лауреата премии им. Токтогула.

Книжна.

7-4-3

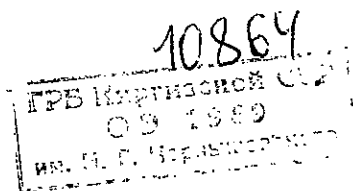
О РОМАНЕ А. ТОКОМБАЕВА «ПЕРЕД ЗАРЕЙ»

Творчество одного из признанных мастеров многонациональной советской литературы, народного поэта Киргизии Аалы Токомбаева внесло неоценимый вклад в развитие новой, национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, новой литературы киргизского народа.

Один из основоположников киргизской советской литературы А. Токомбаев отдал работе в ней свыше сорока лет. Им написано множество лирических стихотворений и поэм, повестей и рассказов, пьес, критических и публицистических статей. И в каком бы жанре он ни работал, к какой бы теме ни обращался, все отмечено явственной печатью таланта большого, истинного художника.

И все же подлинной творческой стихией А. Токомбаева является стихия поэтическая, именно в ней отчетливее всего проявились наиболее сильные и характерные стороны его таланта. Стихотворением Аалы Токомбаева «Время прихода Октября», опубликованным в первом номере первой киргизской газеты «Эркин-Тоо» («Свободные горы») 7 ноября 1924 года, начиналась история киргизской профессиональной литературы. Вся его поэзия, включая роман в стихах «Перед зарей», по праву может быть названа художественной летописью киргизского народа, летописью, в которой отразилось прошлое народа, его героическая борьба за новую жизнь, за новый общественный строй. «Если попытаться охватить поэзию Аалы Токомбаева в целом, то она представится грандиозной эпопеей, повествующей о торжестве в Киргизии всепобеждающих идей партии, о преобразующей силе Октябрьской революции!». «Аалы Токомбаев — поэт мужественный, нежный, мудрый и простой. Силу его поэзии, как и любого подлинного поэта, я вижу в ее верности жизни... Если позволительно такое сопоставление, я сравнил бы поэзию А. Токомбаева с домом, двери и окна которого широко распахнуты ветрам и грозам. Поэт не бежит, не прячется от жизненных бурь и гроз, а идет им навстречу, встав во весь рост. И поэзия

И. Б. Юнусалиев. Эпический поэт революционной борьбы. Журнал «Ала-Тоо», 1964, № 12, стр. 6.

его становится масштабной и значительной»¹. — писал балкарский поэт, лауреат Государственной премии имени Горького Кайсын Кулиев. Литовский писатель и драматург И. Склиютаускас отмечает, что Аалы Токомбаев «является любимым поэтом и литовского народа. Произведения поэта на литовский язык переводятся издавна»². А датский писатель Ханс Шерфиг называл А. Токомбаева «отцом киргизской литературы»³.

Роман «Перед зарей» является не только крупной вехой в развитии эпической поэзии А. Токомбаева, но и важным событием в киргизской советской литературе.

Сюжетную основу романа составляют события национально-освободительной борьбы киргизского народа против царизма в 1916 году и установления Советской власти в Киргизии.

Национально-освободительное движение 1916 года, охватившее восточные окраины царской России, получило свое отражение не только в киргизской, но и в других литературных народах Средней Азии и Казахстана, «Ботогоз» С. Муканова, «Решающий шаг» Б. Кербабаева, «Священная кровь» Айбека ныне хорошо известны всеюзнному читателю. Большое внимание уделяется этой теме в казахской литературе. Назовем здесь пьесы «Зарницы» М. Ауэзова, «Жалбыр» Б. Майлина, «Амангельды» Г. Мусрепова и Б. Майлина, «Степь» И. Джансугурова. В киргизской литературе данной теме посвящены повесть «Аджар» К. Баялинова, драма «Не смерть, а жизнь» Дж. Турусбекова, повесть «Долгий путь» М. Элебаева, повесть «Молодцы» К. Маликова и другие произведения.

Тема восстания 1916 года заняла значительное место и в творчестве А. Токомбаева. Борьба за счастливое будущее, мужество, отвага и мудрая сдержанность народа, отраженные в повестях «Раненое сердце», «Время летит», «Мы были солдатами», в поэмах «Встреча в Китае» и «Майлыбай», не оставляют читателей безучастными. Однако в ряду названных произведений роман «Перед зарей», бесспорно, — наиболее значительное явление.

Первая часть романа («Кровавые годы»), изданная в 1935 и 1940 гг., и вторая его часть («Перед зарей»), изданная в 1947 г., впоследствии были переработаны и объединены в одну книгу, которая в 1962 г. вышла под названием «Перед зарей». В этой новой редакции романа бросаются в глаза значительные изменения и дополнения, внесенные автором в течение длительной творческой работы над этим произведением.

Тридцатилетняя история романа «Перед зарей» является не только историей роста художественного мастерства одного поэта, но прежде всего историей трудных поисков

путей к высокому профессиональному уровню киргизской советской литературы, историей, которая может многое сказать будущим поколениям киргизских писателей.

Посвященные прежнему редакциям романа выступления критиков можно подразделить на три основные группы: к первой группе относятся такие статьи, в которых роман оценивается только положительно⁴; ко второй — выступления, где в основном делаются отрицательные отзывы⁵; к третьей — статьи, в которых отмечаются как сильные, так и слабые стороны произведения⁶. Анализ достоинств и недостатков всех этих критических работ позволяет нам высказать свое отношение к тем или иным проблемам, поднятым в этих статьях, выдвинуть и проаргументировать свои суждения.

Учтя справедливые замечания общественности, А. Токомбаев в корне переработал свое произведение. Новая, переработанная редакция романа получила высокую оценку критики⁷, и в 1966 году Токомбаев за этот роман был удостоен звания лауреата республиканской Государственной премии имени Токтогула.

Исследование мастерства Токомбаева-романиста выдвигает множество различных историко-литературных и теоретических проблем. В настоящей статье наше внимание обращается лишь на некоторые, важные для выяснения основных черт поэтического стиля А. Токомбаева, проблемы.

Прежде всего надо сказать о поэтическом мастерстве А. Токомбаева в художественном обобщении исторической действительности. Историческая основа романа не ограничивается отражением только крупных исторических событий в жизни киргизского народа того периода — восстания 1916 г., переселения киргизов в Китай и возвращения их на родину, установления Советской власти в крае. Историзм произведения определило глубокое изучение автором своеобразия народной жизни в изображаемую эпоху, общественных и экономических отношений тех лет, национальной психики народа и т. д.

Перемены в жизни киргизского народа, происшедшие после присоединения края к России (применение плуга в пахоте и возделывание новых культур киргизами, развитие товарно-денежных отношений и новая структура хозяйства в киргизских аилах и русских селах, появление новых видов

¹ К. Есенкоджоев. «Кровавые годы». Газета «Ленинчил жаш», 1947, 1 марта; С. Липкин. Подвиг и трудолюбие. «Литературная газета», 1947, 25 февраля; М. Бодякова. Киргизская литература. М., 1947; К. Кулиев. Масштабы и краски жизни. «Литературная газета», 1958, 18 октября.

² Ж. Бердибеков. О романе Аалы Токомбаева «Кровавые годы». «Кызыл Кыргызстан», 1948, 24 января; У. Джанишев. Парочное произведение. «Советская Киргизия», 1947, 27 февраля; его же. Произведение, где мало правды. «Кызыл Кыргызстан», 1949, 5 марта.

³ М. Шогинян, К. Зелинский. Уроки одного издания. В книге: К. Зелинский. Литературы народов СССР. М., 1957, стр. 342—355.

⁴ Б. Маленко. Дружба перед зарей. Газета «Советтик Кыргызстан», 1963, 27 октября; К. Артикбаев. Роман о дружбе. «Ала-Тоо», 1963, №6; его же. «Перед зарей». Газета «Советская Киргизия», 1966, 30 ноября и монография «Поиски и находки». Фрунзе, издательство «Кыргызстан», 1966; Ш. Уметалиев. Незнакомые знакомцы. «Ала-Тоо», 1964, № 4.

¹ К. Кулиев. Масштабы и краски жизни. «Литературная газета», 1958, 18 октября.

² И. Склиютаускас. Близкий друг литовского народа. Газета «Советтик Кыргызстан», 1964, 24 декабря.

³ Х. Шерфиг. День рождения. «Правда», 1965, 8 ноября.

почтово-телеграфной связи и единственного транспорта, введение административного управления по волостям, уездам и т. д.), широко отображены в романе. А наряду с этим глубоко показано обострение социальных противоречий, вызванное усилением эксплуатации трудящихся масс колонизаторами и местной феодальной верхушкой. Напомним здесь об изъятии лучших земельных угодий, о многочисленных налогах и поборах с трудового народа, приведших к разорению бедняцкой части населения, а также о позорной реквизиции на тыловые работы в царскую армию мужчин-киргизов, в число которых попадали, как правило, только бедняки. Все это, конечно, ускорило открытое столкновение между коренным населением и русской чиновничьей администрацией.

Указывая на фактор усиления эксплуатации национальных окраин царизмом в период империалистической войны, В. И. Ленин писал: «...вследствие этого не только возможны и вероятны, но и прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны». Это высказывание великого Ленина было подтверждено массовым выступлением народов Средней Азии и Казахстана против колонизаторской политики русского царизма. Как и любое крупное движение народных масс, оно было подготовлено всем ходом истории, классовой эксплуатацией трудящихся и политической обстановкой, создавшейся в результате колонизаторской политики царского правительства.

Заслуга А. Токомбаева заключается в том, что в его романе художественно верно и ярко отражена политическая обстановка в крае, вскрыты внутренние мотивы народного движения, показана роль трудового народа в решении судеб восстания.

Вспыхнувшее стихийно, без серьезной политической и организационной подготовки широких масс, восстание не достигло своей конечной цели, не привело к победе над царизмом и не могло этого достигнуть в силу объективных исторических причин. Верный жизненной правде, Токомбаев не скрывает слабостей этого народного выступления. Однако художественная ценность романа состоит в том, что в нем изображаются не только разрушения и страдания, смерть и печаль народа, но и его не сломленная трагедией воля, его стремление к борьбе и высокий оптимизм. Этой верой в будущее счастье народа пронизаны все образы, поступки и думы героев.

«...Надо смеяться или горевать там, где содержание романа вызывает смех или горе, вместе с персонажами радоваться или ого, злиться, а если понадобится, и разделить их слезы. Только в этом случае мы сможем удовлетвориться прочитанным произведением», — справедливо отмечал А. Токомбаев, и читатель соглашается с ним, когда закрывает его книгу. Несмотря на то, что судьбы главных героев романа Мурата, Алымкула, Джунуша и Антона сходны и взаимосвязаны, каж-

дый из них наделен своим собственным «горем» и «смехом», радостью, думами и поступками, словом, — характерами. Многие, что было у тогдашних киргизов: мудрость и мужество, выносливость и отзывчивость, поэтическое дарование и красноречие, честолюбие и сдержанность, гуманизм и беспримесная темнота, справедливость и наивность, — все это можно обнаружить в натуре старого Мурата. Так, его поэтическое дарование и мудрость раскрываются в главах «Оружие», «Печальная весть», «Мы не умрем», «На грани жизни», человечность и справедливость — в главе «Как хотели убить Антона». Каждая из черточек характера этого героя получает убедительную и многогранную психологическую мотивировку. Мурат стал любимым и уважаемым в народе не столько из-за своих ораторских наклонностей, сколько главным образом благодаря опыту былого человека, человечности и справедливости. Он не забыл доброту Антона, который с киргизами делился своим хлебом в голодный год. Вот почему старик без колебания обращается к людям Толека с призывом освободить Антона из плена [глава «Как хотели убить Антона»]. Подобную справедливость он проявляет еще при первой стычке Абыла [товарища Алымкула] с сыном феодального судьи. А когда по дороге в Китай беженцы застряли на перевале Ак-Огуз, Мурат находит выход — советует зарезать пропадающий скот и мясо кусками приморозить к склонам ледяных скал, т. е. проложить своеобразную лестницу к вершинам ледяного хребта, остановившего переход на ту сторону перевала. (Вспомним, что сходную находчивость, спасительную для участников народного восстания, обнаруживает мудрый старик Танаке в пьесе «Зарицы» М. Ауэзова).

После кончины Алымкула в Текесе его другу Джунушу эту тяжелую весть сообщает Мурат. И это поручение своих соплеменников он выполняет с большим тактом и человечностью. Чтобы психологически подготовить Джунуша к восприятию вести о непоправимой утрате, Мурат делится с ним философскими размышлениями о неизбежности смерти, о закономерности чередования начала и конца жизни и, постепенно заглушая горе Джунуша, подводит его к мысли о необходимости продолжения дела Алымкула. Таких эмоционально впечатляющих эпизодов в романе немало.

Вместе с тем А. Токомбаев не стремится идеализировать образ Мурата, представить его эталоном мудрости и человечности, а показывает и историческую ограниченность его мировоззрения, наивность в оценке изменяющейся действительности [глава «Последний сход» в новой редакции романа].

Мастерство писателя в эпическом произведении не сводится к созданию одних лишь масштабных полотен народной жизни. Неменьшим образом оно проявляется в умении создавать типические характеры с богатым и своеобразным внутренним миром, со сложной, реалистически обрисованной психикой. С этой точки зрения заслуживает особого внимания колоритный образ Алымкула.

Путь Алымкула — это типичный в дооктябрьские годы путь передового представителя киргизского народа. В тот период жизни, когда человек вырастает из «одежды» патриархальных представлений, начинает понимать классовые противоречия и вступает в борьбу за свои права, Алымкул был сослан в Сибирь, подобно великому киргизскому акыну Токтогулу. Такому суровому наказанию он был подвергнут за то, что поднял руку на джигита бая Толека, которому было поручено отнять у Алымкула его любимую девушку. В новых главах «Двое» и «Воспоминания», написанных для новой редакции романа, повествуется о связях Алымкула с русскими друзьями Иваном и Андреем, об их совместной работе на лесопилке и беседах перед восстанием. Узнав от Антона о подготовке к революции в России, Алымкул окончательно поверил в то, что путь, избранный им, единственно верный. Он решает возглавить восстание против царизма, чтобы «влиять каплю» своей энергии и крови в большую народную волну.

Подготовив Алымкула к участию в восстании таким естественным ходом событий, автор добился реалистического углубления образа героя. В характере Алымкула он отмечает не только ум, смелость и жизнерадостность, но и политическую незрелость, излишнее добродушие, которые привели героя к ряду ошибок перед восстанием и в период самого восстания. Так, поддавшись уловкам своих классовых противников, в том числе и Толека, Алымкул соглашается на сближение с феодалами-предателями, прощает прежние сделки Толека. Отсутствие политической закалки не позволило ему увидеть и разгадать двуличную природу «своих», национальных врагов, о которых еще В. И. Ленин говорил: «Буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией, угнетающей нации за спиной и против своего народа»¹.

В суровом реалистическом показе автором ошибок, мучительных идейных исканий его героя упрекать Токомбаева нельзя, ибо этот герой еще не прошел школы открытой политической борьбы масс. Было бы необъективным, если бы автор романа изобразил Алымкула убежденным революционным борцом. Это не соответствовало бы фактам реальной действительности и логике развития характера данного героя.

Характерен показ революционного созревания подобных личностей во всех литературах народов Средней Азии и Казахстана как сложного, нередко драматически напряженного процесса. Таков путь Артыка из «Решающего шага» Б. Кербазева, Аскара и Амантая из «Ботогёза» С. Муканова, Юлчи из «Священной крови» Айбека. У всех этих героев далеко не сразу, постепенно зреет чувство протеста и классовой ненависти, исподволь крепнет в них революционная убежденность, воля к борьбе с угнетателями, что и приводит их в ряды участников восстаний 1916 года.

Сходство судеб ряда персонажей романов «Решающий шаг», «Ботогёз», «Священная кровь» и «Перед зарей» отнюдь не говорит, что эти персонажи друг друга повторяют или являются продуктом простого подражания. Напротив, каждый из этих героев вырос на своей национальной почве, обладает отчетливо индивидуальными чертами характера, действует в конкретно-исторических обстоятельствах. Сходство их объясняется общностью исторических судеб тех народов, чьими сынами они были, единым источником революционных идей, которым они питались.

Говоря об образе Алымкула, нельзя не заметить того факта, что А. Токомбаев продолжает мастерски лепить обаятельный облик народного героя и после его смерти. В плачах Нурджан, верной подруги героя, в словах народных певцов Эсента и Исы открываются новые стороны человеческой и доброй, нежной и великодушной натуры Алымкула, провозглашается бессмертие дела борца за народное счастье.

В романе «Перед зарей» есть один особенно важный аспект воссоздания исторического прошлого Киргизии. Речь идет об изображении сближения русского и киргизского народов, об усилении в них чувства интернациональной дружбы. Одним из первых в киргизской советской литературе поэт рисует зарождение дружеских отношений между русским пролетариатом и трудящимися-киргизами, их классовую солидарность и единство целей, совместную борьбу за свободу и счастье в освободительном движении и революционных выступлениях. При этом в полном соответствии с исторической правдой дружба между этими народами утверждается как закономерное явление, подготовленное всем ходом истории и крепнущее в процессе интенсивного общественного развития. Романист с большой художественной убедительностью показывает, что эта дружба исходит не только из интересов двух наций (русской и киргизской), но и из общих интернациональных интересов.

Мотив утверждения дружбы между нациями особенно сильно звучит в эпизодах с участием Антона, Марии, Эсента и Токтохуна. В романе важное место принадлежит образу Антона, героя, накрепко связавшего свою судьбу с жизнью и борьбой киргизского народа. В прологе, включенном в новую редакцию романа, Антон изображается как передовой представитель русского народа, верный друг трудового киргизского люда. Он сочувственно относится к киргизам, которые не хотят проливать кровь в бессмысленной первой мировой войне, а их протест оценивает как отголоски антивоенной борьбы русского пролетариата. Словом, с первого знакомства с Антоном читатель понимает, что он человек со зрелым классовым сознанием, мечтающий о свободе всех народов, в том числе киргизского. В дальнейшем он не остается посторонним наблюдателем разворачивающихся событий, а активно участвует в них и вместе с другими героями эпопеи — Муратом, Алымкулом, Джунушем — проходит сложный путь борьбы.

Таким образом, новые главы, раскрывающие истоки друж-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 23, стр. 49.

бы между Антоном и Алымкулом, представляют собой важное органическое звено в художественной ткани романа. На примере истории творческого создания образа Антона наглядно прослеживается направление поэтических исканий художника, дальнейший рост его идейно-художественного мастерства.

В прежних редакциях романа этот персонаж впервые появлялся в главе «Атака», затем повстанцы пленили его, и он лишается возможности активных действий. Плененный кузнец в первых же столкновениях повстанцев с царскими войсками был убит, заслонив своим телом Джунуша от пули царского солдата, этим и заканчивалось его участие в романе. И дружба Алымкула с ним выглядела явной катанкой, данью заданной идее. К тому же поступки Антона «не вписывались» в сюжетные линии романа, поскольку о них лишь вскользь говорилось от авторского лица. В новой редакции романа уже при первых встречах с Алымкулом Антон выглядит не как пассивный собеседник, а раскрывает перед Алымкулом смысл революционной борьбы, стремится вселить в него веру в победу народа, выступает как убежденный борец, имеющий перед собой ясную цель. С первых же страниц читатель узнает, что он был изгнан из центра России, сослан в Киргизию за участие в революции 1905 года. Эти и подобные штрихи придают образу реалистическую конкретность и убедительность.

Подобной характеристики Антона прежде не было. В новой редакции также нет исчерпывающих сведений о жизни этого персонажа. Тем не менее важные стороны его биографии становятся ясными. Например, нигде не говорится о культурно-образовательном уровне Антона. Зато всем известно, что он собирает (словно в подтверждение замечательных слов Маркса и Энгельса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других») киргизские народные песни и сказки, что он хорошо знаком с киргизским фольклором. Читателю без лишних комментариев становится ясно, что только человек широкообразованный и далеко смотрящий вперед мог посвятить себя благородному делу изучения «неписаной истории» народа. Становится после этого понятнее и приход героя в лагерь участников освободительной борьбы против «своего» царя. Словом, все действия Антона в романе так или иначе мотивированы, не вызывают сомнений у читателя. И это еще раз говорит о серьезной работе художника над образом в процессе творческого пересоздания эпопеи.

Несмотря на огромные жертвы, тяжелое, почти безвыходное положение на чужбине, киргизские беженцы после разгрома восстания не пали духом, не покорились злой доле. Как говорят в народе, пока не было конца жизни, не было конца и надежде. Герои романа свято верят в то, что вернут-

ся на родину. Эта оптимистическая идея пронизывает всю вторую часть эпопеи.

Если в первой части романа обрисованы истоки братской дружбы между Антоном и Алымкулом, повествуется о ее закалке и жестоких испытаниях временем, то во второй части тема дружбы получает новое звучание, раскрываясь в отношениях между представителями молодого поколения — дочерью Антона — Марией и соратником Алымкула — Джунушем.

Образ Джунуша в первой части романа только намечен. В новых главах «Вестник», «Народ не ошибается», «Последний сход» и «Жестокая схватка» рассказывается об активном участии этого героя в подготовке восстания, о его храбрости, проявленной в схватках повстанцев с карателями. В первой части романа внутренний мир Джунуша, его особенности глубоко еще не раскрываются. Эту задачу автор выполняет во второй части романа. С каждым испытанием открываются новые черты характера Джунуша, натура его обогащается новыми качествами. Особенно ярко его душевное возмужание, способность руководить массами проявляются во время борьбы беженцев с голодом, а также в сценах возвращения их на родную землю. Вместе с Джунушем мужественно переносит все суровые испытания, выпавшие на долю народа, верная Мария, один из примечательных образов поэтической эпопеи А. Токомбаева.

События в романе «Перед зарей» завершаются возвращением беженцев на родину, приходом победной зари Октября в свободные отныне киргизские края. Герои романа Мурат и Нурджан, Джунуш и Токо вместе с Антоном, Марией и Железновым радостно встречают рассвет новой эпохи. В мастерски написанных финальных сценах романа еще раз проявляется важнейшее достоинство поэтического таланта А. Токомбаева — верность исторической и художественной правде.

Итог многолетнего труда поэта, грандиозная эпопея «Перед зарей» — эпопея большого идейно-воспитательного значения. Художественные образы, созданные в ней, обладают огромной силой эмоционального воздействия. Достигнуть этого художник смог только благодаря мучительно трудной и кропотливой работе над каждой клеткой такого сложного художественного организма, каким является многоплановый стихотворный роман.

Переработка романа осуществлялась по нескольким направлениям. Вводились новые главы и строфы, устранялись длинноты, углублялись психологические характеристики персонажей, точнее и ярче становилась речь героев и т. д. Специальный экскурс в творческую лабораторию поэта показывает, что все изменения и добавления преследовали одну главную цель — добиться предметной конкретности поэтической мысли, образной и логической завершенности эпизодов, необходимой реалистической убедительности характеров, сюжетных ситуаций, речевых характеристик. Для того чтобы каждая поэтическая строфа звучала в нужном интонационном ключе, вобрала в себя максимум конкретно-образной содержательности, художник во многих случаях устранял попер-

ностно-описательные строки, повторы, неточные в языковом отношении выражения.

В образной системе монументального эпического произведения А. Токомбаева большое место занимает символика, характерная для творческой манеры поэта вообще. Подчиненная задачам реалистического отображения жизни символическая образность в творчестве А. Токомбаева служит одним из действенных средств художественной выразительности. Характерный случай использования символической образности встречается в главе «Приготовление», где изображается момент сходки жителей аила, на которой обсуждается вопрос об отправке молодежи на оборонительные работы в царскую армию. Участники сходки становятся свидетелями того, как близ аила огромный черный беркут схватывает детеныша беззащитной косули. Косуля бежит за беркутом, но скоро срывается с крутой скалы. Тем временем выследивший хищную птицу охотник убивает беркута. Озабоченные тяжелыми думами перед отправкой сыновей на фронт люди воспринимают эту сцену как бесспорное доказательство того, что хищник, посягающий на их интересы, тоже не уйдет от наказания. Здесь символический образ помогает автору с большой эмоциональной убедительностью и наглядностью выразить мысль о неизбежной расплате царских стервятников за свою кровавую антинародную политику.

Справедливости ради надо отметить, что поэтическое полотно А. Токомбаева не лишено отдельных недостатков (не совсем четкая разработка некоторых сюжетных коллизий, элементы поверхностной описательности в обрисовке отдельных эпизодических персонажей и т. д.). Однако, взыскательный художник, Токомбаев не считал работу над созданием своего любимого детища законченной. Готовя роман в 1966 году к новому изданию, поэт еще раз тщательно просмотрел и улучшил его содержание и форму.

К. Артыкбаев,
кандидат филологических наук

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Больше четверти века работал Аалы Токомбаев над своей эпопеей «Перед зарей». От строки к строке, от слова к слову — по крупице складывалась большая и впечатляющая картина народной трагедии. Это произведение одновременно — и рассказ, и драма, и лирический монолог, что делает его не только многоплановым, но и многоинтонационным. В его основе — исторические события 1916 года, когда восставшие против мобилизации в армию киргизы потерпели поражение от карателей. Справедливое народное восстание бедняков подчас получало националистическую окраску, когда к нему примазывались бая и манзны, такие как персонажи романа Толек и Ашим, и, наоборот, носило революционный характер, когда им руководили люди, ставшие впоследствии большевиками.

У Аалы Токомбаева точное описание исторических событий подчинено правде. Вот почему роман «Перед зарей» — произведение художественное и историческое. И в центре его — трагедия тысяч и тысяч людей. Одни из основных героев — сам автор, потому что свою судьбу поэт как бы вливает в единый поток характеров и событий.

В детстве Аалы Токомбаеву самому пришлось видеть, как каратели расстреливали толпы почти неорганизованных и невооруженных людей.

Опыт народной трагедии 1916 года весьма поучителен, особенно сейчас, для борющихся за свободу стран Азии и Африки.

Восстание было обречено потому, что оно не было организовано, потому, что не было у него единой цели.

И лишь Октябрь принес победу, потому что он сплотил народ и засветил перед ним ленинскую зарю. Таков основной смысл романа, такова правда истории.

Основные герои романа ищут смысл жизни, мучительно ищут правду и находят её позже, в рядах большевиков.

Судьба Алымкула колоритна. Он не только правдоискатель. Он — борец. Он — человек. Он — сам народ. Через царскую каторгу, через непонимание отсталых своих друзей проносит он мысль о единстве русских и киргизов. И хотя он гибнет, жив Джунуш и ещё тысячи ему подобных народных вожаков.

Основной художественный материал романа «Перед зарей» — человеческие судьбы. Но это не всё. Автор проявил великолепное знание быта и языка народа, используя народную речь, народные формы поэзии.

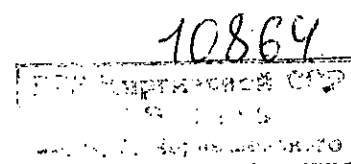
Я старался найти в русском языке такие формы, интонации, чтобы и русский читатель сумел понять путь киргизского народа к освобождению — к ленинской правде.

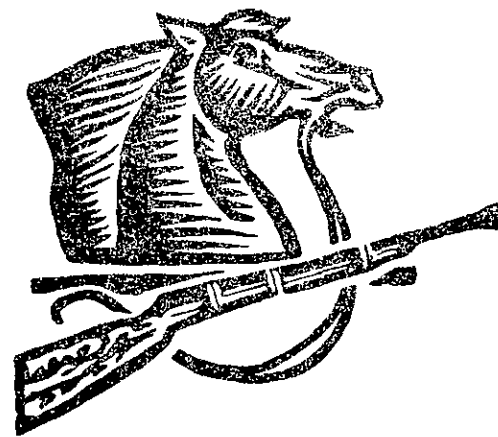
Владимир ЦЫБИН.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2—1708

ОТ АВТОРА

Я знаю — не хватило бы мне силы
Все описать, о прошлом говоря,
Какие беды вынесли аилы
В шестнадцатом году, до Октября.

Я память в сердце слышу, словно рану.
Они во мне живут, бывшие дни.
Из сердца своего я их достану
И дам слова —
Пусть говорят они!

В сердцах у вас пускай запечатлятся
Слова мои навечно, навсегда.
Пусть перед вами снова повторятся
Те памятные, горькие года.

Сумею рассказать о тяжелой доле —
Людская боль давно во мне болит.

И тем сильнее народ полюбит волю,
Чем яростней жестокость заклеянит.

И можно ли с обидою слепую
На наши дни исподтишка взирать?
Ведь все досталось не само собою,
А с бою приходилось добывать.

И я, надежды вдохновенной полный,
Мечтал давно за этот труд засесть,
Ведь в малой капле — тоже свои волны.
Ведь в слабой капле тоже сила есть!

О, если бы сумели возвратиться
В наш век, подобно перелетным птицам,
И Пушкин, и Шекспир, — тогда навек
Смогла бы эта капля превратиться
В одну из самых многоводных рек!

«Чем завтрашний курдюк, — есть поговорка, —
Так лучше уж сегодня потроха».
И я не жду других певцов без толку,
Сегодня вам нужна моя строка.

У всех узнавших горе и утраты
Народов
Есть мудрейшие умы.
Хочу воспеть я мудреца Мурата,
Что свет зари увидел среди тьмы.

Перебирая в песнях своих даты,
Хотел не упустить я ничего.
И измерял я мудростью Мурата
Достоинство народа моего.

Я клятву дал исполнить труд свой тяжкий,
И все слова взял у народа я.
Блестит и яхонт, и блестят стекляшки,
Лишь сам народ мудрейший есть судья.

Пусть труд мой в сердце памятником станет —
О доблестных и смелых я писал.
Как ни горька, как ни тяжка ты, память,
Пусть смелые взойдут на пьедестал!

ПРОЛОГ

Темны, суровы над Тянь-Шанем тучи,
И прогибаются под ними кручи,
И стрелы молний острых на лету
Пронзают их глухую темноту.

Вытаптывает град тяжелый колос.
Град бьет вслепую, глухо, наугад,
И над землею небо расколосось,
И ливни, как жнивье, вокруг стоят.
И вот уже забились птицы в страхе,
И раненые крылья прячут птахи
И с громким криком падают в траву,
Как падают казнимые на плахи...

И кони налетали друг на друга
И на дыбы вставали от испуга,
И падали от молний скакуны,
И застывали, словно валуны.

Град прокатился по земле широкой,
Неудержимо хлынули потоки,
И зазвенели новые ручьи,
И лужи появились на дороге.

И, закативши кверху юрты полог,
Чтоб видеть ливень средь полей широких,
Глядят на ливень джатакчи¹. И плечи
Ребята моют в светлых струйках скорых.

А старики глядят: «Под дождь их тянет,
Ведь от дождя простуда не пристанет».
И одобряют взглядами отцы
Отважных, самых шустрых: «Молодцы!»

А ливни льются и о землю бьются,
И ребятишки радостно смеются,
Восторженные дети джатакчи,
И дождику кричат: «Скачи, скачи!»

¹ Джатакчи — бедняки.

Мурату в юрту густо ливень хлещет,
Проклевывает войлок, словно кречет,
Сквозь дыры льется, будто из ведра,
И вместе с ним врываються ветра.

У каждого порога в струйках талых,
Озябнув, засиделись аксакалы,
Но веселяют аксакалов лица:
«Джигит из юрты вышел посушиться!»

И тут же возле юрт, где дым и сырость,
Антонова саманка приютилась,
И сам Антон стоит задумчив, тих,
Глядит на ливень из дверей своих.

В соседней юрте, где темно, как в чаще,
Сапожник пьет из деревянной чаши.
Он дует в кожаный кувшин со зла:
Так надо, чтобы боль в спине прошла.

«Это аллах велел платить поборы,
Чтоб были они к сроку и поболе.
Что тут поделаться, если суждено
Переносить мучения и горе!

Ведь со слезами сердце утекает,
Не плачь, — жену он тихо утешает, —
Ведь горе — караван: придет — уйдет!
И снова все на сердце заживет.

А ты, жена, побереги ребенка,
Я видел сон, что он смеялся звонко.
Что делать!
Со своим я свылся горем:
Чуть кашляну — и кровь польется горлом...»

Антон глядит — дождь продолжает литься,
В окошко бьется раненою птицей,
И мать ребенку голову под дождь
Подставила, светла и яснолица!

Ах, маленький, брыкаешься чего ты!
Сейчас бы взрослым все твои заботы,

Не заходись, малыш, в слезах горячих,
Не будь, малыш, ты ежиком колючим!

Тысячелетья табунами мчались,
Не проходили беды, не кончались,
И стлался дым по травам, по лесам
И густо подымался к небесам.

«И неужели так все время будет!» —
Стоит Антон в раздумье, брови хмурит
И думает угрюмо, тяжело:
«Живет, не умирает это зло!

А царь-то наш, «поилец и кормилец», —
Вот и надейся на цареву милость,
Надейся, верноподданный, служи,
За самодержца голову сложи.

Кто враг — не знают даже россияне,
Действительный, извечный. «Вера с нами!
Германец — враг единственный у нас!» —
Твердили нам настойчиво не раз.

Идет война, и плач по всей округе,
Идет война, забушевали вьюги
Свинцовые.
Лежит в сырых окопах
Одетая в защитный цвет Европа.

Там сеют смерть уже два года пушки,
Исходят громом ружья у солдат,
Осколки роют пашни и опушки,
И пулеметы хлещут наугад.

Попы кропят водою убиенных,
Царю и богу, и присяге верных.
Солдат за это умереть готов.
И смерть в глаза глядит с чужих штыков.

Споткнулся — и исходит в смертном крике,
И всадники захлебываются в гике,
И пули, словно град стальной, летят,
И конница готовит к бою пики.

Ссдады речь заводят о любимых,
О тех, что чутко в снах витают дымных
Среди чужих, заснеженных полей.
Солдаты вспоминают матерей.

И говорят о детях своих малых,
Которых видят в снах своих усталых.
Солдаты спор заводят неспроста:
За что они в полях воюют талых!

На улицах берлинских, петроградских
Дома оглохли от шагов солдатских.
Висит над ними фронтовое небо,
И нищие кричат: «Подайте хлеба!»

Но есть границы горю и печали...
Постойте! — и Антон повел плечами,—
Ведь должен же конец всему прийти,
Чтоб власть несправедливую смести...

А ливень отшумел и откачался,
Умаялась на пастбищах гроза...
В окошко кто-то тихо постучался,
Сверкнули, словно лезвия, глаза,

И наш Антон отпрянул удивленно,
Когда они сверкнули на Антона.
Раскаты грома замерли вдали:
«Уж не жандармы, случаем, пришли!»

Жена, что у печи нахлопоталась,
Взглянула на окно и испугалась:
«Стряслась беда какая-то, поди!»
Антон стучит в окошко: «Заходи!»

Гость входит, улыбается, как другу,
Антону он протягивает руку:
«Я — Алымкул, из ссылки я бежал,
Тот самый пильщик, сирота...»

«Узнал!
Неужто ты живым вернулся, сокол!»
Надолго ли вернулся, издалека!»
Нежданному визиту рад Антон,
Как брата, Алымкула обнял он.

ДВОЕ

Возле елки звенит все сильней,
Все слышней,
Будто бы колокольчик,
Веселый ручей.
У подножия елки, под кровом зеленым
Присел Алымкул с другом давним Антоном.

То смеются они, то опять замолчат,
Чтобы возле ручья посидеть, помечтать.
Как костер, разговор все сильнее горит,
С давним другом своим Алымкул говорит.

Много сказано слов о былом, обо всем.
Он проводит рукой по волне, как веслом,
И ручей, замирая, на месте стоит.
...Алымкул к сердцу друга тропинку торит.

* * *

И Антон улыбается
И кладет на плечо ему руку:
«Видно, эти скитанья по свету
На пользу тебе и в науку.

Ты скитался по свету,
Где таежные стынут леса,
Где не птицы поют—
А метелей слышны голоса.

Только ты не грози
Напрасною местью Толеку,
Ты запомни, что ярость слепа
И подобна буранному снегу.

Он ведь только комар,
Хоть и кажется сильным и грозным...
Надо не комаров убивать —
Разрушать комариные гнезда...

И теперь, когда грозный
Шестнадцатый год наступил,

Весь народ вострепнулся
И силу в себе ощутил.

Словно вдруг окатили
Родниковой холодной водою,
Словно вдруг пригрозили
Неминуемой и страшной бедою.

Жить нельзя без земли,
Без свободы —
Народ понимает.
И теперь на царя и на баев
Справедливый свой гнев подымает.

Все, кому в темноте
Вдруг забрезжили новые дали,
За свободу свою
Знамя битвы великой подняли!

Расскажи обо всем,
Пусть услышит тебя весь народ,
И по правде твоей
Пусть он правду свою обретет.

«Каторжанин» — ты именем
Этим высоким гордись.
«Каторжанин» — и, значит,
За правду народа борись».

... У подножия ели,
У спустившихся наземь ветвей,—
Будто бы колокольчик,
Веселый ручей.

Держат песенки в клювах.
В дремучих лесах здесь и там,
Держат певчие птицы,
Чтобы их разнести по лесам.

И журчат ручейки,
И журчат ручейки, как всегда,
Ручейки те для жаждущих,
Словно бессмертная вода!

И смородины смотрят
На горы, поля и леса—
Вот такие всегда
У влюбленных красавиц глаза!

Только гордые ели
У горных могучих стремнин
Пробивают насквозь облака
Остриями высоких вершин.

Сколько здесь над травой
Весенних стрекоз!..
Все сильнее
Гонят эти стрекозы
Напившихся кровью слепней.

«Нам бы тоже двуногих слепней
Гнать стремительней вон!»—
Так опять Алымкулу
Говорит, улыбаясь, Антон.

Красных бусинок жимолости
Над ними пылает костер.
Словно скалы будя,
Беркут с клетотом крылья простер.

Беркут вольно летит,
Лишь под крыльями ветер свистит.
«Нам бы тоже вот так!»—
Алымкулу Антон говорит.

И о чем говорили они,
Размечтавшись еще горячей,
Никому не расскажут об этом
Ни горы, ни ель, ни ручей!..

Алымкул тихо тронул рукою
Речную, седую струю:
«Ты послушай, Антон,
Что про жизнь расскажу я свою».

ВОСПОМИНАНИЯ

И Алымкул воспоминанья будит —
Прошедшее пред ним встает в упор —
И смотрит на Антона, улыбаясь,
И начинает тихо разговор,
Как сильно он соскучился о друге,
Которого не видел с давних пор:

«Все кажется на месте: реки, горы,
Земля все та же, то же — на земле,
И, словно прежде, водопад сверкает
С высокой кручи, солнцем — на скале.
И только глянешь на него, как сразу
В глазах рябит.
И видишь в синей мгле:

Полянку, где давно пилили бревна,
Заросшую дремучею травой,
Солончака плешины вековые,
На них копыт след ржавый, ножевой,
И побелевшие, как будто кости,
Те колышки, что вбиты были мной.

И по кустам полным-полно малины,
Смородины веселый, алый цвет,
Дотронешься нечаянно рукою —
И брызнет на тебя прохладный свет.
Здесь все, как прежде. Только в твои кудри
Насыпала судьба холодный снег.

За эти годы, прожитые в ссылке,
Наверно, как и ты, я стал седой.
Усы твои, я вижу, побелели,
И на бровях пурги налет густой —
Следы переживаний и сомнений.
Мы связаны единою судьбой».

Антон смеется весело и громко,
Зрачки его сверкают, как роса:
«Ты что еще во мне, мой друг, заметил?
Не зря хитринкой вспыхнули глаза!» —
«Я не хочу, чтоб наступила старость,
И в вашем сердце навсегда осталась».

А сам подумал: «Крепок друг мой телом.
Он вынес все невзгоды, как скала,—
Не зря о нем молва давно пошла,
Что он — батыр, что он душой открытый.
А речь народа — истина сама:
Что скажет он — прилипнет, как смола!»

«Вот ель стоит в иголочках зеленых
И от земли почти не поднялась,
Не выросла почти за эти годы.
Три года для нее прошли, как час.
И лес стоит, все тот же шумный, крепкий,
И держит на весу все так же ветки.

Как хороша земля моя родная!
Она всегда нам, как отец и мать.
И, ни на миг ее не забывая,
Не смел в далекой ссылке я мечтать,
Что всю ее от края и до края
Увижу я когда-нибудь опять.

Прошло три года, словно три столетья,
Три года в дальних сгнули краях,
Но сохранилась старая землянка,
Где был когда-то общий наш очаг,
Где жило нас три пильщика веселых
С неукротимой силою в руках.

В землянке этой тесной, неказистой
Жил вместе с нами и Иван-ворчун.
Она была нам и мечеть, и церковь.
О, сколько дней минуло, сколько лун,
С тех пор, когда работали мы вместе,
Еще не зная этих горьких дум!

Иван шутил над нами, чтоб молились
На то, что он нарисовал в углу,—
Мол, чтите божью мать.
Головешку
Брал в руки

И, смеясь, грозился он:
«Давай-ка, брат, тебя изображу я,

Хотя и запрещает ваш закон!»
Он сразу за работу принимался,
Веселым добродушным согрет,
И на большом куске коры сосновой
Он рисовал старательно портрет—
Где тень подбавит, где подбавит свет:
«Иконою у нас он будет новой».

Своим изображением напуган,
Я замирал от страха перед другом,
И прятал я сосновую кору,
Уверенный, что это не к добру...
А он «Аминь!» «иконе» говорил,
То ли серьезно, то ли внозь шутил.

И наш мулла, бывая на делянке,
Просиживал до вечера в землянке.
Икону ставил он лицом к стене.
И громко на коленях в тишине
Творил намаз вечерний свой с охотой,
И уезжал, хваля нас за работу.

Землянка нам была мечеть и церковь:
Кому — Иисус Христос, кому — аллах.
Мы вместе жили, веселились вместе.
Два бога разных — в двух висят углах.
Но если дело господа касалось,—
Что мы совсем чужие, нам казалось.

Хотя мы были дружные ребята,
Стоявшие один за одного,
Не знали мы, кто прав, кто виноватый,
Чей бог был прав — никто не знал того.
В том нет греха... Шел спор наш не со злом.
Ведь вера у нас разная была».

Антон смеется весело, сердечно:
«Ты это хорошо сказал сейчас.
В том нет греха и нет беды, конечно,
И никого не обвинят из нас.
Не только из-за бога — из-за нас
Бывают споры жаркие подчас.

И, откровенно говоря, на деле
Киргиз не очень верен своей вере,
Он истый мусульманин не совсем,
Он мало был испорчен мусульманством,
Поэтому с упорным постоянством
Он верит добродушно духам тем».

И Алымкул сказал Антону снова:
«А вообще-то спора никакого
Серьезного и не было в те дни.
Зачем друзьям напрасные тревоги!
Но почему, если всемогущи боги,
Объединить нас не смогли они? —

И Алымкул добавил вдруг с улыбкой. —
Опять вы что-то пишете в тетрадь!
Наверно, снова наши песни, сказки,
В которых сердце может лишь вздыхать.
Антон-тюре!¹ Из сказок тех и песен
Что о киргизах вы могли узнать?»

«Из песен я узнал печаль народа,
Из эпоса — души его гранит,
А из санатов — мудрость вековую
И храбрость ее ярую, крутую.
Народ, создавший красоту такую,
Своих господ, я знаю, победит!

Здесь сказки без опаски сочинялись,
На песню здесь амлы собирались.
Здесь, что ни слово — настоящий клад.
И честные сыны моей России
Узнать слова киргизские простые,
Помочь киргизам в их судьбе хотят!»

И все-таки из этих слов Антона
До сердца Алымкулова дошло
Пока еще не все...
Слова простые
Запомнились одни: «Сыны России».

¹ Тюре — вежливое обращение, знак уважения.

От этих честных слов в душе светло,
И, значит, быть добру,
И сгинет зло!

И Алымкул растроганно, достойно
Сказал Антону:
«Сердце беспокойно
Народа моего, и оттого
В мелодиях своих и древних сказках
Он щедр всегда на правду без опаски!
Для гостя не жалеет ничего.

Меж зоркостью такой и слепотою
Моей,
Как между небом и землею,
Есть разница...
И я не все понять
Сумел пока, когда вы говорили.
Меня нигде пока что не учили —
У вас учусь, чтоб тоже зрячим стать!

И о своих товарищах тоскуя,
Теперь, Антон-ага, узнать хочу я,
Чтоб рассказали вы мне, где они...»
«Ты об Иване и Андрее! Слушай:
Судьба друзей твоих сложилась хуже,
Чем на полянке, в горестные дни.

Теперь тебя обрадовать мне нечем,
Иван назад вернулся искалечен,
И без ноги, и без руки домой.
Андрей погиб давно на поле боя...
И нет на свете горше этой боли.
И потому царя — пора долой!

И, стойкостью с невзгодами померясь,
Иван-ворчун, уж скоро будет месяц,
Как на руках скончался у меня.
Он все искал оторванную ногу,
Пока не отдал душу свою богу,
Жизнь и войну постылую кляня!»

Антон усы старательно пригладил:
«Наговорились обо всем мы за день,
Мы думаем с тобой одно и то ж.
Мы оба ищем верную дорогу,
И оба прозреваем понемногу,
И мы найдем, где правда, а где ложь.

Народ всегда пройдет сквозь все пороги
И не собьется со своей дороги.
И все ему свершенья по плечу!
Где гневу справедливому граница!
Пусть палач на троне устрасится—
Пусть не спится ночью палачу!»

Так двое разговор вели открытый
Там, где ручей под елями журчит,
Как снегом, пеной белою покрытый...
Один — высокий, молодой джигит,
Другой — в годах, прямой, орлиной стати,
И в волосах немного серебра...
Чтобы меня не торопил читатель,
К событиям мне перейти пора...

У ЗЕМЛЯНОГО ОЧАГА

Высоко вершины Ала-Тоо
Вознеслись в чалме из ледников.
Опоясал густо лес сосновый
Склоны неприступные хребтов.

Небеса раскинулись устало,
Землю всю накрывши синевой.
Все природа здесь перемешала:
Радость и печаль, и ель с сосной.

Словно в море окунулись горы,
Достают вершинами до звезд.
Слету звезды падают,
Просторы
Прожигая искрами насквозь.

И цветут вершины белым цветом.
Грезит колос звуками и светом,
Тайнами вселенная полна.
Бьется мысль,
И звенит струна.

А земля на небо загляделась,
Млечный путь разбрызгал звездный сок.
Кажется, рукою тронешь вереск —
На ладони вспыхнет огонек.

В очаге огня веселый лепет,
И над ним склонился бел, как лебедь,
Старый человек...
У старика
Мысль струится быстро, как река.

Мысли в сердце шевелятся глухо.
Все молчат: и старцы, и старухи.
А старик сказал, хлебнув джармы:
«Дочери, и вы, мои сыны!..»

Он потрогал бороду степенно
И погладил не спеша колено—
С этого всегда он начинал:
«Слушайте, что скажет аксакал!

Скоро девяносто лет на свете,
Как живу я. И за годы эти
Лишь на кляче ездить мне пришлось.
Что я видел! Горести и плети!

Ездил не на лошади — на палке.
И со мной играло в догонялки
Счастье...
Только горе горькое терпел,
И всю жизнь одну похлебку ел.

Все же от надежды нерушимой
Ни на пядь не отрывался, нет!
Нищету терпел
И без калыма
Смог жениться в пятьдесят я лет...

Чтобы ясно жить — живи открыто!
Чтобы конь скакал — нужны копыта!
Чтобы был мужчина не один,
Должен у него родиться сын!

Помню: было лет мне очень мало,
Русские пришли сюда.
Сначала
Распахали землю, что века
Здесь, в горах, нетронутой лежала.

Битвы меж казаками и нами,
Что кипели яростно веками,
Прекратили, и ушел раздор.
Больше наших девушек кокандцы
В плен не угоняли... И, признаться,
Не было такого до сих пор.

«Чертовыми сосками» картошку
Муллы стали злобно называть...
Мы же звали «земляной лепешкой» —
Им мы не поверили опять.

Раньше мы баранами платили —
Деньги их в торговле заменили.
Этого нам не забыть вовек!
Бедным нынче ездить стало просто —
Ведь теперь всего одна повозка
Тащит сразу десять человек.

И не то, что раньше — ситец носим,
Плугом пашем и косою косим,
И готовим сено про запас —
Русские добру учили нас.

Взять хотя Антона и Метрея.
Верим мы антоновым словам —
Он известен скромностью своею
И в беде всегда поможет нам.

А Метрей — друг за друга вместе!
Нам они грозили: «Мы окрестим
Всех, кому земля их дорога!»
Так забрали пашни и луга!..

* * *

Среди киргизов хищников немало
Теперь,
Что осуждают без вины...
Лишенные скота и пастбищ — в скалы,
В ущелья навсегда оттеснены.

Всех неимущих мертвыми считали
И все их пастбища себе забрали,
Оставили одни каменья им.
А бая, чтоб земли побольше дали,
И малолетним даже выделяли,
Как будто взрослым, свой отдельный «дым».

А кызыл-чоки¹, яростны, жестоки,
За горло брали, требуя налоги...
И вот теперь правители на фронт
Народ угнать пытаются, как скот.

Хотя совсем мы радостей не знали,
Себя одной надеждой утешали,
Что после смерти сыновья с тоской
В могилу бросят горсть земли родной.

Ведь говорят, что царь сказал о бедных:
«Пусть подданные молятся усердно
За власть и за победу на войне.
Молитесь, бог на нашей стороне!

И праведно мое царево слово:
За счет врага я одарю любого,
От генералов до людей простых
Я не забуду подданных моих».

И потому для новых битв победных
На фронт берут не богачей, а бедных!
Что, кроме жизни, бедному терять!
И отдаем мы сыновей последних!..

¹ Кызыл-чоки — слуги бая.

Пусть тот, кто никогда забот не знает,
В бою свое богатство защищает.
А что же бедным людям защищать!
Мы стали жертвой богачей опять!

Ведь если б жить богато все мы стали,
То нашу землю сами б засевали.
Наверно, как живет простой народ,
Не знает царь...
А если знает — врет...

Что мы бедны, бездольны — царь причина.
Пусть своего я не имею сына,
Но все-таки скажу без мудрых слов:
Душа моя болит за бедняков...

И аксакал вздохнул при этом тяжело
И протянул соседу свою чашку —
По старому обычаю, с сурпой.
И вновь очаг пылает земляной...

И все вздохнули горестно, устало...
А женщина, что шерсть все время пряла,
Смотрела молчаливо на сгонь,
Оторвалась от пряжи и сказала:

«Ведь что ни день — то все страшней и хуже,
И что ни весть — все горестней она!
Пока жива — не разлучусь с Джунушем,
Уж лучше бы погибла я сама!»

Тут все заговорили, закричали:
«О байбиче, помочь нельзя печалью!
Иной здесь выход —
Наши сыновья
У Алымкула каждый день не зря!»

«Что впереди! Одно лишь пепелище!..
А ну, Нурджан, похлебки дай, скорей!
Мы, старики, все превратимся в нищих,
Когда лишимся наших сыновей!»

«Эй, черномазый сирота, куда ты
Запропастился!
Может, ты заснул!
Спой жалобную песню, что когда-то,
В Сибири сочинил наш Алымкул!»

«О Абаке, мне в том признаться горько,
Ее наполовину знаю только,
Всю песню не сумел я одолеть!..
Но если вы велите — буду петь!»

Сощурил рыжий мальчуган глазенки,
Снял с головы дырявый малахай,
По волосам провел ручонкой тонкой...
Старик махнул рукою:
«Начинай!»

И вот мальчонка улыбнулся людям
И воздуха набрал побольше грудью,
Чуть-чуть передохнул, перетерпел
И вдруг высоким голосом запел:

«Голубое озеро — в радуге
Предстает пред глазами, радуя,
Словко вижу его я издали,
Словно брызги вспыхнули искрами!»

Я в плену, без любви, без имени!
Где же, горы мои вы синие!
Никогда ваш сын не покается,
Он птенцом без стаи скитается.

В подземелье не видно солнышка,
Прорасти не сумеет зернышко,
Скоро годы мои закатятся —
Никогда ваш сын не покается!

Я, попавший в места угрюмые,
О тебе, край родной, лишь думаю.
Светит в небе чужим Медведица,
Ты предчувствуешь, что нам встретиться!

Как мне хочется по горам идти!

Ты всегда живешь в моей памяти.
Прилетел бы к тебе я издали —
Кандалы мои крылья стиснули.

Сделай тропкой меня ты вольною,
Сделай горной чинарой стройною,
Сделай чистым пшеничным зернышком,
Буду колосом звенеть солнышку!

Как мне это терпеть,
Как вынести!
Если б крылья большие выросли,
Выше беркута, выше сокола
Я взлетел бы в небо высокое!

Я летел бы без сна и отдыха
Выше ястреба,
Выше облака,
Над лесами летел, над топами
В край, где горы стройны, как тополи!

От тоски по тебе,
От горечи
К самой дальней поднялся б звездочке,
Чтоб увидеть тебя мне, родина,
До тропиночки и до елочки.

Только где эти крылья сильные!
Как поднимаешься в небо синее!
Человек—не орёл,
И горестно,
Что мечта моя не исполнится!

Далека ли свобода, вскоре ли!
Есть ли правда, чтоб с ней не спорили!
Есть ли воин,
Без битвы сломленный!
Без народа я обездоленный!

С кандалами моими в небо ли!
Я не выдержал,
Если б не были
В эти годы крутые, грустные,
Мои братья со мною, русские!

Без поддержки друзей, без помощи
Я б погиб от нужды и горести,
Серой дымкою взгляд мой заститя,
И тоскою хватает за сердце!
Но я верю — мечта исполнится!
Отомстим богатеям полностью.
Ведь не зря же мечтаю столько я.
Что умрёт это время горькое!»

Тут слепой Камбар сказал: «Довольно,
Мне эту песню дальше слушать больно!
Неужто погибать нам
В тяжкий час!
Ведь нет скота и нет земли у нас!»

И друг на друга, страха не скрывая,
Глядели люди,
Глаз не отрывая...
И ночь на всех давила темнотой,
Грозил им неведомой бедой.

Старик зевнул,
Прикрыв усы рукою:
«Пусть нам грозят великою бедою.
Чего вы приуныли у огня!
Удачу объезжают, как коня!

Ведь храбрые без боя не сдаются,
Найдется выход, участь-то одна!
В народе батыри всегда найдутся
В тяжёлые,
Как эти, времена!

Отбросивши былой раздор и зависть,
Лишь сообща мы победим врага!...»
И, тяжело на палку опираясь,
Он тихо отошел от очага.

Сыромятину девушка мяла.
«Ух,— вздохнула она,— устала».
Было грустным лицо Нурджан,
Словно ночь на него упала.

Взгляд ее, как ущелье, глубок:
В нем живет Алымкул-дружок.
И мечта о любимом, как нить,
Тихо сматывалась в клубок.

«Ах, судьба! Ты цветком была!
Не сгорит моя память дотла.
Если был бы здесь Алымкул,
Я арчей для него бы цвела».

И, услышав про Алымкула,
Мать его тихонько вздохнула.
Лишь подумала, погадала,
Как вдали его увидала.

С Алымкулом — друзья толпой!..
Все — и старый, и молодой —
Принять их лошадей спешат.
Мать всплеснула руками: «Ой!

Жеребеночек мой, живой!»
Отовсюду наперебой,
За вопросом — опять вопрос:
«Что за вести ты нам привез!»

...Был большой разговор о том,
Что в солдаты берут кругом,
Что старухам и старикам
Сторожить остается дом...

«Ныне мы — сыновья страны—
На два стана разделены.
Знайте, люди, что байская знать
Нас решила под суд отдать».

«Собирается наш народ —
Подымается на господ.
В море капли попробуй счесть —
Так в народе людей не счесть!

Если дунет народ — пурга!
А заплачет — из спез река!
Если будет единым он —
Победит любого врага!

И пойдем мы, местью горя,
Вместе с русскими на царя!
Сыновья поднебесных гор,
Справедливый возьмем топор!»

«Значит, русская беднота
Вместе с нами была всегда,
За одно и то же стоит!—
Так воскликнул Камбар-старик.—

Кто убитый в бою лежит!
Над кем черный ворон кружит!
О ком русская плачет вдова!
О тебе, в шинели мужик!

Кому бедствия всех веков!
Кого больше всех!
Бедняков!»

Алымкул взял в руки комуз
И запел про свою любовь.

Эту песню в чужих краях
Алымкул согревал на губах,
Каторжане ее в холода
Сберегли в своих сердцах.

«Мои руки железом скованы,
За спиною — охранники-вороны.
У костра в тайге согреваешься —
Путь далек до друзей-товарищей.

Только я о тебе подумаю,
Про любовь мою, про звезду мою—
Ни следа твоего, ни имени,
Только небо чужое, синее.

Утро радует, если солнечно,
А любовь, если с ней не горестно.
На лице у любимой — родинка,
Словно маленькая смородинка.

Почему ты во сне сторонисься!
За тобою во сне не угонишься!
Просыпаться мне утром боязно—
Сразу станет на сердце горестно.

Уплываешь из глаз, как облако,
И весь день без тебя нет отдыха...
Что ни шаг — то иду по лезвию.
На ногах кандалы железные!

Ты была мне цветком-подснежником,
Ты была мне радостным вестником.
Ты была мне, как песня лучшая,
Моя нежная, неразлучная!

Через все года, расстояния
Уменьшаются расставания,
Ивы шепчутся и качаются—
Расставания уменьшаются!

Когда нам приходилось встретиться —
Желтый снег осыпался с месяца,
А когда мы встречались взглядами —
С неба звездочки сами падали!

Не беда, что мы жили в бедности,
Нет богатства ценнее верности.
Эти дни теперь словно не были!..
Это ль в прошлом живу я,
В небыли!

Я подумаю, помечтаю ли,
Сразу прошлые дни растаяли.
Слышу голос твой всегда около —
И нет беркута, нету сокола.
Ах ты, время, меня не минуло,
В край суровый, чужой закинуло!

Мои руки железом скованы,
За спиною охранники-вороны,
У костра в тайге согреваешься,
Путь далек от друзей-товарищей.

Не один я насильно угнанный,
Не один живу без возлюбленной,
Не одна ты живешь, как звездочка,
Но одна ты стройна, как елочка!

Хоть сто лет жди, вернусь я, выживу,
Я из памяти тебя вызову!
Хоть сто тысяч змей пусть жалятся —
Память будет тебе лишь жаловаться!..»

Эта песня, через хребты,
Через все расстоянья лети,
Сокровенной нежностью слов
Сердце девушки засвети!

И, краснея ещё сильнее,
Алымкул о Нурджан своей
Думал ласково про себя:
«Без нее не вернулся б я!»

НАЧАЛО

Золотыми лучами пыля,
Солнце светит на все поля.
Кто-то из стариков сказал:
«Если б царь этим солнцем стал!..»

Туча черная, не тумань
Беловерхий мой край Тянь-Шань!
Собрался на великий сход,
Собрался киргизский народ!

В полукруг — по закону так!
Словно верхом — узун-кулак¹.
Словно буря, новая весть:
«Царь народ забирает весь!»

«Это горе — как с неба гром.
Вряд ли мы свободу найдем,
Если будем слушать царя
И сынов на войну пошлем!»

¹ Узун-кулак — новость, дословно — «длинное ухо».

Так высокий джигит сказал,
И нахлынуло, как обвал:
«Пусть народ мой услышит весь,
Пусть услышит недобрую весть!

Нам оружия не дадут,
Говорят,
Нас и в бой не пошлют,
Говорят.
Безоружные —
В первом бою
Сложим голову мы свою!

Лучше б в руки дали ружье,
Лучше пасть нам в бою, чем так.
Объяснили бы, для чего
Мы воюем,
И кто наш враг!

Власть коварна, как каракурт.
Не увидеть нам наших юрт —
Богачи нас в списки внесут!
Так готовьте быстрее бунт!..

Мы отдали войне овец —
Разорились теперь вконец!
Мы отдали своих коней.
А теперь отдадим сыновей!!

Наши земли — в чужих руках,
Наша рыба — в чужих сетях,
Наши пастбища — богачам,
Только горы остались нам!

Мы по воле царя должны
Сыновей отдать для войны!
Баи нас продадут легко, —
Кто примирится с этим! Кто!

Нам винтовки бояться дать.
Чем же нам себя защищать!
Безоружных враг перебьет,
Пока будем окопы копать!

И без этого мы все дни
На своей земле не вольны.
И ни матери, ни отцу
Не узнать, где лежат сыны!

Кызыл-чоки нас будут гнать —
Кызыл-чокам не воевать!
Все погибнем до одного,
Если будем спокойно ждать!

Нет у нас ни юрт, ни коней.
И желает байская знать,
Чтобы не было сыновей.
Разве будем спокойно ждать?

Так за что же сражаться нам!
Запродали мирзы купцам
Наши пастбища и сырты,
Подбираются и к горам!

Без земли, без воды народ
Обнищал — нету злей судьбы.
Слезы в наших глазах стоят,
А на спинах — растут горбы.

Ведь известно — у богачей
Не возьмут на фронт сыновей.
Если нам заодно не встать —
Будут слезы литься опять!

Бай откупится, бай богат!
А бедняк — всегда виноват!
Мы — игрушки у них в руках,
Потому что мы — в бедняках!..»

Каждый думал, сжимая плеть,
Словно саблю,
В своей руке:
«Или вольная жизнь, иль смерть
От родимых гор вдалеке!»

Люди хмуро толпой стоят.
Зубы стиснуты,

Темен взгляд.
Люди хмуры, как в плену,
Проклинают в душе войну.

* * *

В это время от дальних скал
Косуленок вдруг побежал.
И над ним, словно туча, взмыв,
Распластался огромный гриф.

Он крыльями черными жертву накрыл,
Железные когти кривые вонзил
И поднял её высоко и понес,
Как будто пушинкою груз его был!

А мать косуленка
И старый куран
Бежали за хищником тем по горам,
Бежали, насквозь прошибая кусты,
Готовы рогами идти на таран...

А гриф, что на землю спустился,
Опять
Взмыл кверху, чтоб жертву подольше терзать,
И сел на скалу...
Косуленок визжал —
В предсмертной тоске ему виделась мать.

Куран же не видел ни тропки, ни скал,
Все выше к свирепому грифу скакал...
Но выстрел раздался откуда-то вдруг —
Куран, на бегу спотыкнувшись, упал.

Могучей любви материнской полна,
Косуля бежать продолжала одна,
Неслась, словно вихрь, все на свете забыв, —
И вместе с обвалом
Упала в обрыв,

В бездонную пропасть, в бездонный провал.
А гриф косуленка терзать продолжал.

О, слабого участь, о, слабого страх —
Когтистая смерть ожидает в горах!..

Судьба косуленка на горной тропе
Напомнила всем о жестокой судьбе,
Которая их сыновьям предстоит.
«Немедля на битву, киргизы!» — звучит.

Повсюду звучит: «Мы устали терпеть!
Ведь нас посылают на верную смерть,
И каждый своим будет грифом убит».
И тут старики зарыдали навзрыд!

Судьба незадачливых этих косуль
Напомнила им,
Что погибнут от пуль
Вот так их сыны на царевой войне,
Что больше не видеть им свой Иссык-Куль...

«Не вынести нам этой новой беды,
За нами идут только горечь и страх,
Лишившись детей
И земли, и воды,
Мы все, старики, превратимся в бродяг».

А гриф в этот миг на скале —
Как скала,
Он пищей насытился свежей сполна.
Вдруг выстрел раздался, другой...
И в обрыв
С вершины упал, как подкошенный, гриф.

И вот из последних, слабеющих сил
Когтистыми лапами гриф засучил,
Как будто цепляясь за душу свою,
Он крылья об острые камни разбил...
И с радостью каждый на друга глядит:
«А все-таки хищник свирепый убит.
Так, значит, приходит погибель и злу!
Народ, как скала. Кто повалит скалу!

Царевой войне объявляем: «Война!»
Пусть будет земля наша вечно вольна...»

И, слыша отважные эти слова,
Примолкли джигиты...

Но тут тишина,
Как будто от пороха, разорвалась:
«Будь проклята сытая царская власть!»
«Откупятся баи, как прежде, скотом!»
«В солдаты к царю никогда не пойдём!»

А вот алымкулова страстная речь:
«Уж лучше нам в битве жестокой полечь,
И мы разговаривать будем с царем
Лишь острою пикой и острым клинком!»

Пошел средь народа киргизского гул
Такой, что, казалось, он землю прогнул.
А хитрый Толек, что молчал до сих пор,
Вдруг исподволь хитрый повел разговор:

«Как стая ворон, что галдеть задарма?
Чего закипели вы все, как джарма!¹
Спокойней! Чего нам вставать на дыбы?
Ну что мы поделаем против судьбы!»

Известно в народе киргизском давно:
Такое решать только умным дано...»
И снова с усмешкой Толек говорит:
«Есть умные люди, им смысл открыт.

И ты, Алымкул, верь поэтому мне:
Веленье аллаха крепко, как гранит,
Ведь царь — это бог, что живет на земле!
Что царь повелит — то народ совершит!

Ведь это наш долг перед русским царем!
И подданный бить ему должен челом,
А тот, кто бунтует, кто против, тому
Одна лишь дорога осталась — в тюрьму».

«Что верно, то верно, — добавил мулла, —
Ведь воля царя справедливой была.

¹ Джарма — хлебный напиток.

Не нам ли, киргизам, царь белый — отец!»
И липкие эти слова, как смола.

Джигит Алымкул видит: люди молчат!
И гневный на бая бросает он взгляд:
«Не все здесь, как ты,
Если сгнили мозги,
Так это у нас, Бай-аке, говорят!
Толек, не твоей теперь плети свистеть,
Такая пора — иль свобода, иль смерть!»

Поверим богатому — наверняка
Прольется бедняцкая кровь, как река.
Ты так передай богатеям от нас:
Решили айлы нарушить приказ.

Сегодня приказ — в сердце храбрость иметь!
Сегодня приказ — против власти посметь,
Сегодня приказ — всем приказам царя
Народ объявил справедливую смерть!»

Один из джигитов с коня соскочил,
Толека спиной своей заслонил.
Народ возмущению вокруг зашумел —
Народ Алымкула давно полюбил.

Народ погудел, пошумел и затих,
Народ толковать стал о схватке двоих:
«Недавно вернувшись из ссылки домой,
Привез Алымкул справедливость с собой!»

ОРУЖИЕ

Дробным стуком разбужена рань.
Не спокоен глухой Тянь-Шань,
Здесь и там гулкий стук кирки,
Стук кирки —
Джигиты крепки!
Возле горна — лица горят,
С наковален искры летят:
«Быть оружию, —

Дробный стук,—
Быть оружию.
Будет суд!»

В горне искры пышнее грив.
Богатырскую грудь оголив,
Смуглоплечий киргиз кует
Так, что молот в руках поет!

Искры вспыхивают, густы,—
Пусть работают кузнецы,
Сталь куется, и стали звон
К небу синему вознесен!

Обливается потом кузнец
Самый старший — устал вконец!
В сталь обрушивается удар
Так, что гори покачнулся весь!

Груды, груды ножей и серпов,
Кос сияющих и топоров,
Вилы выточены, кривы,
Прокаленные до синевы.

Сталь об сталь. Стук литой, крутой.
Сталь пылает, течет струей.
Чтоб в себя весь огонь забрав,
Стать смертельным весом булав.

И калили они огнем
Наконечники острых пик,
Надевали на шест потом,
Пригоняли к нему впритык!

Самый старый кузнец устал —
Он у горна весь день стоял,
И, очнувшись, как после сна,
Удивленно пробормотал:

«Птицы громко в лесу поют,
Дятлы клювами в сосны бьют,
Эти дятлы, как кузнецы,
Друг от друга не отстают.

Посреди лесной тишины
Переклики птичьим слышны.
Тихо смотрит сова в кустах
Свои длинные серые сны.

Только кобчик и пустельга
Налетают исподтишка,
Налетают на малых птах —
Остается пух на кустах.

Сколько птичьих песен вокруг!
К звуку новый кладется звук.
И на землю с треском плоды
Осыпает дикий урюк.

Осыпается птичий свист,
С тонких веток сыплется вниз.
Птицы певчие, столько их,
Сколько в кузнице этой искр!»

Кто-то из молодых сказал:
«Дай-как молот, если устал,
Если сила и удаль есть,
То показывай их не здесь!»

Кто готовит пороха куль,
Кто готовит градины пуль,
Кто булавы, а кто клинки,
Чтобы были в бою крепки!

Все торопят: «Скорей, скорей!
Сделай пику мне подлинней». —
А другие твердят: «Давай
Саблю,
Чтобы была острей!»

И готовят все, как один,
Набалдашники для дубин.
И нахваливают кузнецов:
«Поглядите, каков, каков!»

И прицениваются, как купцы:
Хороши ль у клинков концы.

И подходят важно к мехам,
Шутят:
«Примете в кузнецы!

Ты, наверно, батыр, устал.
Что-то трудно дышать ты стал,
Ты б, джигит, отдохнул чуть-чуть,
Ты вздохни, джигит, во всю грудь!

Мы сражаться идем со львом,
С самым страшным своим врагом.
И я спрашиваю, Алымкул,
Может, зря на него идем!..»

И поник джигит головой,
Как от раны от ножевой.
«Трусишь ты раздувать меха! —
Был ответ Алымкула такой. —

Дай раздую меха я сам,
Чтобы пламя — по небесам,
Ты, мирза-Ашим, как старик,
От работы такой отвык.

Ты невзгод таких не терпел,
Ты на тоях одних сидел,
Злобный, черный, как каракурт,
Не тебя в солдаты возьмут!

Не такой ты, Ашим, как мы,
Ни тюрьмы тебе, ни сумы,
Не скрываться, Ашим, тебе
Так, как нам, на глухой тропе!

Лучше ты уходи к отцу —
С нами быть богачу не к лицу...»
Одобрительно слушал народ
И сочувствовал молодцу.

Мол, джигит за нас постоял,
Что ни слово — то наповал.
И «джигиты огня» взялись
За меха свои: «Навались!»

Гневом злым Ашим обуян:
«Подводи коней, Мусакан!
Им охота на смерть идти —
Этот путь не подходит нам!»

Алымкул смеется:
«Ха-ха!
С бедняками сын бедняка,
Не уйдет Мусакан от нас,
Не уйдет в решительный час!»

Мусакан Ашиму в глаза
Говорит:
«Знай, Ашим-мирза,
Безъязыкий язык обрел,
Зорким стал слепой, как орел!
Мусакан будет верен не вам!
Где народ — там Мусакан,
Где народ-боец — я боец,
Так учил Мусакана отец».

Алымкул смеется опять:
«Для чего тебе рукоять
Золотая!
И нам ты, бай,
Если трусишь — кинжал отдай!»

У Ашима дрожит рука,
И глядит он исподтишка,
И отвязывает кинжал,
И в глазах у него тоска.

И угрюмо смотрит народ:
«Воздавали кому почет!»
У Ашима темно в глазах,
К сердцу тихо крадется страх!

И ручки придержали бег,
Словно слушали чей-то смех.
И опять пронеслось в толпе:
«Ведь Ашиму плевать на всех!»

А мирза, побелев, сказал:
«Не спасет ни ружье, ни кинжал
От великого гнева царя,
Так что вы готовитесь зря!»

Лес гудит, как тыщи подков,
Лес еловый шумит, суров.
Это пики куют себе
Сыновья всех бедняков.

Так дышите, меха, всюю!
Сабли точатся навесу,
Пули градом летят в мешки,
Набирают тяжесть клинки!

И из жимолости сухой
Пули, пули, одна к одной.
Чтоб летели не наугад —
В масле долго их кипятят.
И когда Джаманкару, когда
Не хватило пуль, — не беда,
Бусы новые подала
Джаманкару жена тогда,

Чтобы ими он мог стрелять!..
Алымкул подумал опять:
«Кольца женщины отдадут,
Чтобы мы могли воевать!»

Сквозь густые ветви арчи
Льются солнечные лучи.
Вооружается весь народ!
Кузнецы утирают пот.

День и ночь в огне и в дыму,
День и ночь дым глаза им ест!..
Надевают они чалму
Из железа
На крепкий шест!

Вот, оставив лучи на хребте,
Солнце скрылось там, в темноте.

В горне тоже огонь погас —
Наступает отдыха час!

И, как солнечные лучи,
Посреди потемок густых
Лишь поблескивают ручьи.
Алымкул прилег возле них.

Кто-то вдруг раздвинул кусты:
«Принимайте нас, кузнецы!
Ныне нами убит куран —
Это лучший подарок вам».

Тут Мурат, седой аксакал,
Алымкула обняв, сказал:
«Мне явиться велел Ашим,
Чтоб на тое ему играл...»

А охотники говорят:
«Что-нибудь нам сыграй, Мурат!
Что-нибудь сыграй, наконец,
Ты, Мурат-аке, наш певец!»

И Мурат, комузист седой,
Взял из кучи клинок кривой,
Засмеялся весело он:
«Кто уйдет от него живой!..»

«Ты, Мурат, знаешь с давних пор:
Быть певцом богатых — позор!
Разве твой единственный сын
Будет нужен, скажи, всем им!

Подними на него комуз свой,
Подними на него голос свой,
Бай Ашим на фронт не пойдет —
Он надеется на свой скот».

Тут вмешался Джантай-старик
[Он во всем разбираться привык]:
«Вот минует пятнадцать дней,
И у нас заберут детей!

Мы похожи на коз — бедны,
Сыновей мы отдать должны.
Баи, вижу я, — в стороне,
Так уж лучше сгореть в огне!»

И от этих слов Алымкул
Справедливых опять вздохнул,
И в знак дружбы Джанаю он
Руки крепкие протянул.

«Этой боли не позабыть —
Было всякое на веку.
И осталось мне столько жить,
Сколько глупому мотыльку.

О единственный мой сынок,
Хорошо, что порвать ты смог
С богачом Ашимом,
Ведь он
С бедняками всегда жесток!

Видеть сына в последний раз —
Не хочу,
Умереть в беде после вас —
Не хочу.
Чем за это все заплачу!
Пусть играет комуз для вас —
Я хочу!

Так послушайте песню мою —
Я о горестях вам спою,
О лишениях этих дней
Расскажу я в песне своей».

Комузист комуз в руки взял,
Струны ласково потрепал,
У щеки его чуть погрел,
Чтобы он послушно запел.

Вот струна за струной, дрожа,
Друг за дружкой бегут спеша.
Все сильнее трещит костер,
Люди слушают, не дыша.

Комуз вздрагивает, как живой,
Под его умелой рукой,
Тихо слушают все вокруг
Голос песенный, молодой!

ГОЛОС МУРАТА

Вот в руках Мурата комуз яростно поет —
Он отправил песню новую в полет.
«...С той поры, как родился Мурат в
горах,

На себе он испытал бедняцкий страх.

Это время обещает нам беду,
Только где другое время я найду!
Как бы страшен, как бы тяжек ни был
гнет,

Мы мечтали — время новое придет.

Только в это оставалось верить нам,
И когда промчалась новость по горам,
Весть, что власти забирают на войну,
Неспокойно стало сердцу моему!

Так послушайте меня вы, сыновья,
Так послушайте, о чем же песнь моя.
Разве мы лишь для страданий рождены!
Мы бедны и виноваты без вины!

Сколько горя довелось нам пережить!
Я хочу об этом смело говорить.
Это горе вековое, этот страх
Не уместятся ни в песне, ни в сердцах.

Сыновья, вы, словно сосны, высоки,
Как олени, на шаги вы все легки,
Даль туман застлал —
Не видно ничего,
Так скажите мне, как выйти из него!

Вот сижу я вместе с вами у огня,
Столько дум и столько песен у меня!

И все думы мои только об одном:
Почему мы это терпим! Так живем!

Без веревок нас связали по рукам,
Как косули, ищем пищу по горам,
Собираем лишь курай да барбарис,
Истерзали нас до кончиков ресниц.

Время всех нас заковало в кандалы,
Горе рядышком,
А радость — все вдали,
Переполнена лишеньями пора,
Весь народ иссушен ими, как кора.

У нас землю нашу отняли навек
И дорог степных лишили нас и рек,
Наши пастбища распаханы давно,
Только горе нам оставлено одно!

Наши думы от печали тяжелы.
Только думы закуешь ли в кандалы!
Царь жесток, и жестока царева знать,
Гонит нас она, как стадо, воевать.

И похожи на летающих мышей
Наши души,
Что при гибели своей
Липнут к стенам бездны темной, вековой,
Наши души оробели перед тьмой!

Наши души, как улары, до поры
Голосят с высокой каменной скалы.
Как же душам успокоиться! Опять
Нашу кровь хотят безвинно проливать!

Мы, как зайцы, убегая от волков,
Ищем место поспокойней под кустом,
Для страданий наших тяжких вырыт ров.
Только кто же из него уйти готов!

Нам жилища — лишь ущелья да хребты,
Мы, как дичь, быстрее прячемся в кусты,

Пред бедою не встаем мы, как один,
Потому не разгибаем своих спин.

Так когда ж народ поднимется стеной,
Выше голову поднимет пред бедой!
И когда привяжет к поясу клинок?
Крылья выправит орел — наступит срок!

Мы не стебли полевых весенних трав,
Мы не травы луговые — лес булав!
Много крови нашей в схватках пролилось,
Только воли нам добиться не пришлось...

Нет покоя по аилам, нет житья,
Негде нам развесить нашего тряпья.
Разговор о том ведется столько лет,
А на деле разобраться — силы нет!

Где земля подобна бархату!
У нас.
Где джигит подобен ястребу!
У нас!
Где на подвиги готов и стар и мал!
Где народ вот так столетиями страдал!

Узнается бег тулпара на скаку.
Сколько раз всего лишались на веку!
Ни воды и ни земли теперь у нас,
Нам остался только ветер про запас!

Ни лугов у нас, ни речек, ни озер.
А остались только горечь и раздор.
Как в отчаянье великое не впасть,
Ведь над нами столько лет шайтана
власть!

От поборов мы навек разорены,
Даже дыма очага мы лишены,
За кочевьями вослед бредет печаль,
На детей расправил когти свои царь!

Наша знать — она опять обманет нас
И послужит ему верно в этот раз.

На верблюдиц старых стали походить —
Нам по детям своим тоже слезы лить...

Мне Антон недавно правильно сказал:
«Белый царь задумал злое, аксакал,
Ваши баи, ваши мирзы заодно
С ним всегда, вы это знаете давно!

Белый царь принес одни лишенья вам...
Остальное ты обдумать должен сам.
Я, хотя камыр — неверный, но всегда
Будет совесть перед бедными чиста.

Чем могу я, тем помочь я вам готов,
Царь набрал солдат из русских мужиков,
Посылает он на смерть своих солдат,
Лишь калеки возвращаются назад».

Как постигнуть, как все это мне понять?
От земли не можем крылья оторвать,
Мы над пропастью притиснуты к стене.
Где же выход! Расскажи-ка, песня, мне!

Кто не чувствует душою всей сейчас —
Улетают сыновья навек от нас,
Безвозвратно, наши горные орлы!..
Как же с этим примириться, батыри?

От вестей ужасных гул стоит в ушах,
От вестей ужасных тьма стоит в глазах,
Руки слабнут и сгибается спина,
Пусть от песни распрямляется струна!

Кто поможет нам в беде, презревши
страх!

Только эхо откликается в горах.
Наши тропы растоптали скакуны,
Мы бедны и виноваты без вины!

Мы, как лодка, среди темной глубины,
Мы в пучину наших бед погружены.
Мы — как лошадь молодая, без копыт:
Как ни бьется, как ни ржет—а все бежит!

Нас, как щепку, по слепой волне несет,
Наши лица почернели от забот.
Как же будем жить, беды не одолев!
На царя пускай опустится наш гнев!»

ГОРЕСТНАЯ ПАМЯТЬ

Сделав сотни клинков, булав,
Среди копоты, гула, искр
Кузнецы, наконец, устав,
По ущелию разбрелись.

Где беседы идут,
Где смех,
Кто про горе, кто про успех.
Когда небо раскрыло глаза —
Месяц сыпать стал лунный снег.
Комузист джигиту сказал:
«Алымкул, расскажи о Джама!».

Алымкул поглядел в костер.
«Что прошедшее ворошить!..
Но о милой Джама до сих пор,
До сих пор не могу забыть!»

Комузист — лукавый старик —
Все равно на своем стоит:
«Без горячей любви большой
Что такое джигит молодой!

Если молод — то нужен конь!
Если молод — в крови огонь!
Молод — сам ты себе судья,
Расскажи, ведь просят друзья!»

На джигита люди глядят,
На джигита глядят и молчат,
Гладит бороду аксакал:
«Расскажи, сынок, о Джама!»

В небе месяц подковой блеснул,
Тихо заговорил Алымкул:

«Это правда, любил я Джамал,
Это правда — по ней я страдал,
Словно барс, попавший в капкан,
Связан был по рукам и ногам.

Словно свет звезды, ее взгляд,
Голос — как серебро цикад.
Думал я среди бед и мук
Никогда с ней не знать разлук!

Сколько сохло сердец по ней!
Сколько загнано в скачках коней!
Сколько мирз сулило калым
И назад уходило с ним!..

Был отец у Джамал суров,
Не имел ни коней, ни коров.
Лишь одно сокровище — дочь —
У родителей-бедняков!

Бровь, как ласточкино крыло,
По лицу летела светло,
Ей тогда было столько лет,
Когда смотрят с тоской вослед!

Кто о ней не вздыхал в ночах,
В чьих она не жила мечтах!
Каждый счастьем считал,
Чтоб впредь
Еще раз на нее посмотреть!

Чтоб добиться ее руки,
И богатые,
И бедняки
Приезжали из дальних мест,
Позабыв про своих невест.

Ведь невеста всегда взаперти,
Никуда не может уйти.
Пусть жених урод иль шайтан,
Лишь бы только калым был дан!

Вот такая участь у них —
Лишь бы был богатый жених.
Но Джамал на это в ответ
Говорила всегда лишь «нет!»

Я влюбился навек в Джамал,
Когда руку ее пожимал,
И посватать ее за меня
Брата старшего я послал.

Засияли, как бирюза,
У невесты моей глаза.
Голос был и нежен, и тих:
«Алымкул — достойный жених!»

А у баев совет большой.
Каждый с белою бородой.
И решили они, как один:
На ней женится байский сын!

Главный бай Толеку сказал:
«Твоя родственница — Джамал.
Скоро выборы... и потому
Сыну ты помоги моему!

А калым! Что калым для нас!
Повелим — каждый скот нам даст!
Мое слово — знаешь его!
Нам ведь надо беречь родство!

Если хочешь быть другом впредь
И опору во мне иметь,
В знак согласия дай руку мне,
Чтоб друзьями нам стать вдвойне!»

У Толека хитры глаза:
«Столько лет мы с тобой друзья,
Честь сродниться с родом таким.
Наш товар, ну а твой — калым!»

И два бая, как кони, ржут,
Они руки друг другу жмут.

Поклонились и разошлись.
Вот коня Толеку ведут.

За услугу подарок — конь!
Под копытом любим — огонь!
А что скажет отец Джамал?
Все равно, что б ни сказал!

Весть быстра — у ней два крыла.
Весть к отцу в тот же день пришла.
«Дочку я не продам за калым!» —
Так сказал он друзьям своим.

«Как могу! — закричал в пылу, —
Дочь родную отдать волю!
Породнить ишака с цветком —
Мою дочку с байским сыном!..»

Никому от него добра!
Черен рот его, как дыра,
А ресницы — кабанья шерсть,
Ему только в заливке скресть!

Это козни твои, Толек!
Ты на горе Джамал обрек,
Тебе мало твоих овец! —
В гневе так говорил отец. —

Если я тебя не убью,
Если кровь твою не пролью,
Пусть меня проклянет земля,
Пусть падет беда на семью!»

Шлет Толек гонца на коне:
Пусть, мол, родич придет ко мне.
«Ему нужен не я, а дочь,
Так что ты поверни-ка прочь!»

Бай Толек — за бока: «Ого-го!
Я пока что хозяин всего,
Пусть поймет — это воля моя.
Кто хозяин: бедняк или я!»

Против бая — веками так —
Что поделать может бедняк!
И когда пятый день истек,
На своем настоял Толек.

День... второй... Нет, не дни — года!
Я узнал: у Джамал беда,
Я узнал: за другого ее
Отдает Толек навсегда!

И тогда я себе сказал:
Нету жизни мне без Джамал,
Нет, не быть ей в чужих руках,
Так решил на свой риск и страх.

Я не смог быть кислой бузой,
Чтобы пил меня бай любой,
Чтоб на игрищах цвет Джамал
Байский сын, шутя, обнимал!»

Алымкул улыбнулся.
«Пусть
Не смущает вас, что хвалюсь,
Когда только начал свой путь,
Ветрогоном был я чуть-чуть.

Чей же голос был звонче всех,
Веселее и громче смех!
Да, джигиты передо мной
Гонор свой теряли порой».

Рассмеялись весело все.
Лунный свет скользит по росе.
Алымкул, нашутившись всласть,
На траву повалился, смеясь.

Кто-то крикнул: «Браво, джигит!
Ведь любовь — нам забава, джигит!»
И сказал дехканин хромой:
«Вечно бесится молодежь!»

Алымкул помедлил чуть-чуть,
Обнажил широкую грудь,

На дехканина посмотрел
И, сияя, опять запел:

«Белый сокол, летящий к тебе,— это я!
Белый лебедь в твоей судьбе — это я!
Я летаю — не улечу,
Вечно видеть тебя хочу!

Как прекрасен твой тихий смех!
А душа твоя лучше всех.
Все, что было у нас с тобой,
Знает только месяц седой!

Голос твой, как звон серебра,
Голос твой, как горный поток...
Для меня ты всегда была,
Как для поля — красный цветок!

Кинешь взгляд — я горю опять!
Не могу о любви молчать.
Твои брови — из серебра,
Расписал их кончик пера.

Твои груди, как два холма,
Они сводят меня с ума...
И в тоске о любви своей
Бьется сердце мое сильнее!

Без тебя я несчастлив был,
Словно беркут, лишенный крыл!
Если «да» ты не скажешь мне,
Пусть сожгут меня на огне!

Сколько мне любовью гореть!
На любовь любовью ответить!

Мы, надеждой своей полны,
Были клятве давней верны.
Если баям уступит отец,
Разве будет любви конец!

Я хочу лишь тебя любить!
Я хочу в вышине парить.
Я хочу одно: все года
Быть с тобою одной всегда!»

Песней тронутые простой,
Старики снова просят: «Спой!»
Алымкуп улыбнулся: «Что ж!»
И погладил струну рукой.

«...Белым соколом в вышине
Быть хочу,
Белым лебедем на волне
Быть хочу,
Чтоб, над белой вершиной кружась,
В твои нежные руки упасть.

Была б белою рыбкой в реке,
Была б пеною зыбкой в реке —
Я к тебе все равно, Джамал,
По волнам бы пришел налегке!

Дотянусь до тебя рукой!
Дотянусь до тебя тоской!
Много мирз еще, мой цветок,
Тех, что тянутся за тобой!

Будет сердце ль светлее дня!
Иль тебя возьмут от меня!
Так иди за сердцем моим!
А родня! Ей нужен калым!

Так приди же сквозь боль и тоску,
Чтоб друг друга не звать «ку-ку»,
Как кукушкам в густом лесу,
Поклевавшим на листьях росу.

Пусть нас бедность с тобою ждёт,
Пусть мешает любви сам чёрт —
Звёзды будут в сердцах у нас.
Верю — время такое придёт!

Если смерть на чёрном коне
С чёрной саблей примчит ко мне,
Буду рад я своей судьбе,
С вечной думою о тебе...»

Погасили свои зрачки
Многомудрые старики.
«Это правильно, Алымкул!
Ты пошёл всему вопреки!

Что слова? Слова есть слова.
Бедность делает слабым льва.
А теперь не только невест —
Забирают народ наш весь!»

«Подожди, — кто-то вновь сказал, —
Пусть доскажет он о Джамал!» —
«Что нам скажут мирза и бай!» —
«Так что ты рассказ продолжай!»

«Наш закон на том и стоит,
Чтобы слушать, — сказал старик, —
Чтобы слушать и понимать,
Так что просим тебя продолжать!»

«...Вон на той седловине, где снег,
Жил в аиле своём Толек,
Рядом жил на её краю
Бай, что сватал Джамал мою!

На большой седловине той,
Собирались они на той,
Собирались два богача,
Чтобы выпить кумыс густой...

Весть галопом через хребты:
«Собрались к Толеку сваты,
Всем известно, что баю Толек
Самый первый теперь человек!»

Чем мы хуже других! Ведь есть,
Есть у бедных бедняцкая честь!..

Когда густо потемки легли,
Мы тайком Джамал увезли.

И нашелся какой-то пес —
Он на нас Толеку донес...
У Толека один ответ —
Десять слуг поскакало вслед.

Белый месяц сквозь облака
Показал седые бока,
И когда ушла темнота,
Доскакали мы до хребта.

Но настигла нас байская злость.
Вдруг: «Ловите их!» — раздалось.
Налетели они с дубьём,
Закричали: «Убьем, убьем!»

Девять их на конях. Трое нас.
Мы схватились — искры из глаз!..
Так сошлись грудь в грудь,
Кость в кость,
Наша честь и байская злость.

Давний друг мой, силач Абыл
Сразу двух с лошадей свалил,
Но с седла повалился вдруг
Под копыта второй мой друг...

Вдруг один из погони тайком,
Чтоб с Абылом-богатырем
Не сойтись, —
Ударил коня
Сзади раз и другой клинком.

Вот скакун заржал сгоряча,
Повалился на землю он...
На Абыла, на силача,
Навалились со всех сторон.

Мы дрались из последних сил...
Так был схвачен я и Абыл.

Нас, арканом руки скрутив,
Привезли к Толеку в аил.

Собран был многолюдный сход.
Бай Толек выходит вперед,
Он глазами Абыла ест:
«Похититель чужих невест!»

И приехал судья в аил
Вместе с приставом, стар и сед,
И с Абылом нас осудил,
Осудил он на десять лет!

Заковали нас в кандалы —
Нет позорней той кабалы,
Когда, кривды не одолев,
В сердце носишь лишь боль и гнев!

Нас пригнали к черной беде,
Нас пригнали к горной руде.
Не нагнись, чтоб воды испить,—
Стражник может тебя убить!

И дорога в лихой мороз
Стала тверже от наших слез.
Стал для нас и в стужу и в зной
На вес золота хлеб ржаной...

А когда в забое обвал
Стойки все свалил наповал,
В суматохе, в дремучей мгле
Друг Абыл упал и не встал...

Так меня обошло добро!
Эти годы на мне, как тавро.
Трижды жаркий подснежник цвел,
Пока я домой не пришел!

Хоть вернулся, но не застал
Я живую свою Джамал:
Над рекою стоит скала —
Там Джамал свою смерть нашла...

Сколько раз солнцу вставать,
Столько раз ее вспоминать:
Вечны звезды в рассветной мгле,
Вечна память о ней во мне!

Вот и все...»
И тут Алымкул,
Вспомнив все, тяжело вздохнул:
«Только память в глазах стоит».
«Горя — море», — сказал старик.

СПОРЫ

Народный гнев, как горные потоки.
О царские указы, вы жестоки!
Взметнулось по округе, как набат:
«Не будем поставлять царю солдат!»

А бай Толек кричал на сходках слепо:
«Царь — это все! Такая воля неба!
От бога он! — кричал на всю округу.—
Кто на него поднять посмеет руку!!

Царь — есть слуга любимейший аллаха,
И мы должны служить ему из страха
И из любви.
И свят его закон,
И волен нас карать жестоко он!

Не наше дело рассуждать, джигиты,
Ведь обещают те, что имениты,
Уладить все, уладить и решить,
Чтоб нам с царем опять в согласие жить!

У пристава совет вчера собрался,
И каждый на указе расписался,
Что нам, как верноподданным царя,
Ослушаться ни в чем его нельзя!

А кто пойдет против его закона,
Кто против его верных слуг пойдет,

Тому позор на голову падет!
Ведь сила нашей власти вам знакома.

Мы — ваша знать. Мы это не допустим.
Царь — это царь! Любим народом
русским.

И кто посмеет пикнуть — смерть тому,
Смутянов всех упрячем мы в тюрьму!»

Нет силы яростнее в мире целом,
Которую б сравнил с народным гневом;
«Позор!» —

Слова упали, как гора.
«Нам за оружие браться всем пора!»

Со стороны раздался смелый голос,
Словно от грома небо расколосось:
«Народ, прошедший через столько бед,
Отвергнет твой неискренний совет!

В России, знайте, бедняки отныне
Встают, подобно яростной лавине,
И восстают против царя и тьмы,
И с русскими восстанем вместе мы!

В России — угнетенных миллионы,
И все они — против царя и трона!
И поняли они давно сполна,
Что бедным людям не нужна война!

Разутых и раздетых разве нету
Средь русских, обездоленных людей!
И я узнал на каторге: к ответу
Они призвать готовы богачей.

Придет конец проклятой власти скоро.
Тюрьма, Сибирь — одна у вас опора.
Солдатский штык — надежный ваш оплот!
И все-таки сильнее вас народ!

Народ! Бери оружие в свои руки,
Чтоб больше не терпеть войны и муки,

Чтоб на чужих израненных полях
Не умирать, с землей своей в разлуке!

Скажите, люди, разве справедливо
Нам воевать ради чужой наживы!
В крови нам захлебнуться и слезах,
Если не встать с оружием в руках!»

Послушал сход крутое это слово,
Заволновался, зашумел сурово:
«Ради чего покинем отчий кров!
Ради кого должны пролить мы кровь!»

В глазах Толека яростные искры.
«Джигиты, вы его хватайте быстро!»
Джигиты те, что в стороне стояли,
На Алымкула бросились и стали
Вязать его веревками. Но тут
За Алымкула бедные все встали!

И бросились они на слуг Толека.
Такого не случалось здесь от века,
Чтобы, забыв про страх свой вековой,
Открыто дали байским слугам бой!

«Убейте!» — закричал Толек с испуга.
Сам завернулся в волчью шубу туго.
Народ же зашумел сильнее вокруг
И бросился на злобных байских слуг.

Тут в ход пошли и кулаки, и палки,
Никто еще такой не видел свалки,
Уже кой-где мелькает тускло нож...
Кто за кого — тут разве разберешь!

Такой отроду драки не случалось.
Все завертелось, все перемешалось.
Сошлись в жестокой схватке, как быки,
Со слугами Толека бедняки!

Трусливые старшины с писарями
Смотрели испуганными глазами

И начали по склону отступать
Вслед за Толеком, прячась за кустами.

Не признавая больше старой власти,
Народ весь
Разделился на две части,
Стоит повсюду небывалый гул:
Одним — Толек,
Другим же — Алымкул!

«Мы с нашими врагами злыми сладим!
Скорей же на коней горячих сядем!
Тот, кто не с нами,
Проклят тот народом!
И мы тому презрением заплатим!»

Такое у Мурата было слово.
Он тотчас снял седло с коня гнедого.
«Обычаи отцовские храня,
Я в жертву богу приношу коня!»

Он пальцы омочил в крови: «Клянемся,
Что насмерть мы в бою с врагом сойдемся,
А кто отступит в правой битве вдруг, —
Как этот конь, умрет от наших рук!»

И разнеслось по склонам и курганам:
«Пусть Алымкул над нами будет ханом!» —
«Хан — тот же царь!» —
«Но добрый и — из нас!
Он справедливым будет и желанным!»

Четвертый крикнул: «Не было такого,
Чтоб царь был из народа из простого!» —
«Царь может быть из нас, из бедняков,
Лишь только крепко б помнил наше слово!»

А Алымкул сказал:
«К чему раздоры!
Мы сами для себя самих опора.
Мы поклялись не изменять народу
И жизнь отдать до капли за свободу!

Мы силою должны у богачей,
Предавших нас, скорей забрать коней!

Мы победим, нас будет очень много!
А чтобы не пришла врагу подмога,
Чтоб не пришли каратели сюда,
Нам надо перерезать провода.

К утру должны мы быть готовы к бою,
А хлеб и творог заберем с собою,
Оружие возьмем у кузнецов,
У баев — самых лучших скакунов!

В равнинах наших властвуют казаки,
А нам остались только буераки.
Осталось нам от щедрости такой
Лишь то, что между небом и землей...

Лишь бай правы — выше нет закона!
Ведь наступили мы на хвост дракона
И стали мы лицом к лицу с врагом.
Уж лучше умереть, чем жить рабом!»

И криками наполнено восстанье,
Как пламя над засохшими кустами.
«Нет бая, чтоб любил простых людей,
Мы заберем у баев лошадей!»

Один кричит: «Наш бай умрет скорее,
Чем скакуна отдаст нам, не жалея!»
Другой: «Нет, нас боится и отдаст!»
А третий: «Бай из хитрости за нас!»

Один кричит, нахмурившись сурово:
«Возьмем коней из рода нам чужого!»
Другой, перекричать стараясь гул,
Твердит: «Пускай решает Алымкул!»

НЕ СОН ЛИ ЭТО!

Ала-тоо пунное под бурой
Облаков медвежьей темной шкурой.

И хребты огромны, как киты.
О моя земля, прекрасна ты!

И журчат ручьи в долине каждой,
Облака, словно орлы, парят,
И архары, темные от жажды,
Тонких архарят своих поят.
Птицы переклик ведут, как стража,
О моя земля! Ты та же, та же!
Видишь ли, идут в ночной туман
С Алымкулом светлая Нурджан!

И следят они за лунным кругом,
Не встречаясь взглядами друг с другом,
И ведут безмолвно с давних пор
Лишь руками нежный разговор.

У Нурджан пять тоненьких косичек,
Словно пять проворных черных птичек,
По коленям — только лишь нагнется,
Словно слезы, темный волос льется.

Иногда она чуть-чуть вздыхает,
А потом, игриво наклонясь,
Шею Алымкула обвивает,
Темными косичками хвалясь.

«Ночь сейчас счастливая настала.
Я хочу, чтоб ты не забывала,
Как со мной обнявшись ты стояла,
И луна нам шкуру барса стлала.

Ныне время выпало такое,
Что расстаться должен я с тобою,
Мне сказали: «Ты иди проститься,
Завтра может всякое случиться...»

Пусть любовь все беды побеждает,
Пусть с тобой нас утро повенчает,
И сердца сольются, горячи,
Так же, как весенние ручьи!

Вздрыгнула Нурджан, взглянув на друга,
Вздрыгнула, как будто от испуга.
Не умея прятать свою грусть,
Прошептала тихо: «Я боюсь...»
«Наяву или во сне все это!
Свет луны погас в лучах рассвета,
Ясным стал далекий небосклон.
Явь ли это! Или только сон!!

«Сам ответь — так девушка сказала. —
Сам!» — и на зарницы показала.
«Сам ответь», — Нурджан опять вздохнула,
Слыша сердцем сердце Алымкула.

Сердце Алымкула — сердце барса —
Вдруг в груди забилося часто-часто,
И до сердца девушки без слов
Донеслась, дошла его любовь.

Звездочки с луной переглянулись
И друг другу ясно улыбнулись,
Озарив лучами небеса,
Заморгали звездные глаза.

ОБМАН

I

Со лба Толека пот все тек и тек,
Кроваво-красной степь ему казалась,
И оттого, что был тяжел седок,
Спина коня все время прогибалась.

Склонилось солнце вниз,
И там, во мгле,
Цвели лучей последние остатки...
Словно хотели рассказать о схватке,
Которая кипела на земле.

Когда на сходе все в тупик зашли,
Вдруг вверх взметулись серой пыли струйки

И показались всадники вдали.
«Кто это!» — закричал Толек в испуге.

И вот вблизи уже копыта бьют,
Вот всадники, подъехав, рассказали,
Что начался мятеж,
Что поднят бунт,
Что русского помещика связали.

Но волостной ушел — и жди беды.
Промчалась весть стремительно, как пуля,
Что появился вождь Амангельды —
К нему из русских многие примкнули.

Он грамотой владеет и клинком,
Велел он разорвать все наши списки.
Теперь уже свободы сроки близки:
В Москве—война простых людей с царем.

И, говорят, два бека в схватке злой,
Уже столкнулись. Первый бек—бедняцкий,
Сцепился с ним господский бек—второй,
Идут бои средь улиц петроградских.

«Не знали мы, что завтра всех нас ждет,
Ведь если смерть — она придет однажды!
И все-таки нас бунта клич зовет,
И разве не поднимется здесь каждый!!

И наш аил к восстанию готов,
Готовы ль вы! Мы ждем от вас ответа».
Стоял Толек. Не мог найти он слов.
Свалилась весть, как тяжесть, на Толека.

Глаз от земли Толек поднять не мог,
Как будто перед ним лежала пропасть:
«Что говорить! Играет нами бог.
Народ взволнует наш любая новость».

Он кнутовищем по седлу стучал,
Другой рукой разглаживая брови.

Один джигит все время наготове
У стремени хозяина стоял.

В сторонке ото всех с муллой мирза
Сидели с удивленными глазами.
«Народ остановить уже нельзя,
Препятствовать начнем — погибнем сами!

В кулак зажать мы не смогли народ,
Бессильны мы теперь и бесполезны,
Но если не смирю их,
То вобьет
В меня, я знаю, гвозди сам уездный.

Об этом знают в племени Тынай —
Уездный многих там казнил без чести.
Ведь есть закон: не можешь — уступай!
А что, если пойти с народом вместе!

И, может быть, отыщется просвет,—
И замигал мулла глазами кротко. —
Пока не поздно—мой прими совет:
Примкнем к народу. Он для нас—находка!

И примет нас он с радостью большой,
И мимо нас власть снова не минует.
Бродяга верховодит им такой,
Как Алымкул. Петля по нем тоскует...

Послушен будет нам, как прежде, он.
Народ — он тайна.
Он бывает странным.
А правда ли, что зашатался трон!
И что у русских — два враждебных стана!

А мне давно не нравится Антон.
Меня ни раз чутье не обмануло.
Что мы с тобой не видим — видит он,
К тому же он советчик Алымкула.

А наши джатакчи, они не прочь
С ним побрататься крепко.
И к тому же

Ходили слухи, что Антона дочь
Сердечно дружит столько лет с Джунушем!

Скажи, мирза, на что не даст ответ,
Чего не знает он и в чем не зоркий!
Он собирает наши поговорки.
Иль нашу веру принял свиноед!

Как может он царя не защищать,
Когда идут сражения такие!
«Мятеж ваш справедлив!»
Как мог сказать
Такое настоящий сын России!

Всё слухи... Где же правда!
А где врут!
Вникай, чтоб в стороне вдруг не остаться,
Узнай, какие времена придут,
А вдруг наш царь не победит германца!

Чтоб ни было, один остался путь —
Быть с Алымкулом вместе и с народом,
И нужно осторожно и с подходом
Готовиться, чтоб завтра как-нибудь
Держаться, как в былые времена...»
Вдруг старец крикнул:
«Разве вам не странно —
Народ наш разделился на два стана...
Он — звёздочка во лбу у скакуна!
Такой же малый...
И не лучше ль нам
Власть дать тому, кто самым храбрым будет!
Хоть русский он, но верьте старикам:
Антон вернее всех ваш спор рассудит».

«Нет! — подпевала-болуш¹ крикнул вдруг. —
Какой он русский, если до сих пор он
Против царя...
И русский нам не друг,
Ведь ум у русских черен, словно ворон!

¹ Болуш — волостной.

Послушайте внимательно меня,
Ответьте, почему народ без страха
Вновь вспыхнул будто масло от огня,
Не слушаясь веления аллаха!

Какой же толк от власти бедняков!
Нет проводов. А также и бумаги
Сожгли. И что!
А все же толк наков!
Врага не сломишь при одной отваге!

Мне белый царь ведь тоже не отец.
Мне тоже, как и вам, придется плохо,
Хотел я посоветоваться здесь,
Да Алымкул затеял суматоху.

«Отбившегося — волку!» — знаем мы,
Один — погибнет поздно или рано.
Вести народ — нам мудрые нужны,
Как старец,
Чтобы слушались смутьяны.

Помолимся! Аллах в добре своем
Дарует нам дорогу к нашей воле,
На помощь духов предков позовем,
Чтоб никогда не ведали мы горя.

Меня народ не слушался вчера,
Погорячился я, скажу по чести.
А разве мало делал я добра!
О боже, лишь бы быть с народом вместе!»

«Вот так давно бы, — старец произнес, —
Так бог хотел, чтоб понимали всё вы,
Если за нас стоите вы всерьез,
То даже старцы умереть готовы.

И все-таки скажу: тогда с тобой
Наш Алымкул схватился не впустую,
Ведь ты его оклеветал с мирзой,
Потом сослал на каторгу глухую...

Прощенья попроси ты у него
За каторгу, за ссоры и за зависть». —
«Я виноват, что сделать я того
Не смог...» —
Болуш ответил, улыбаясь.

II

У себя гостей Толек встречает.
Алымкул с друзьями подъезжает
На горячих взмыленных конях,
Боевые шимдаки¹ в руках!

«Заходите!» — толст Ашим, как тесто,
Уступает он джигитам место
И кивает каждому по-бычьей,
Соблюдая в строгости обычай.

Бай Толек глядит как виноватый:
«Проходите, что ли, жеребята.
Неисповедима власть аллаха,
Потому народ восстал без страха...

Пред тобой я, Алымкул, виновен,
Не прощать меня ты, сын мой, волен.
Но сейчас для распрей нету времени:
Нынче время боевого стремени!
Я тебя сослал неправым словом,
Ты ж вернулся с каторги здоровым.

Что обида? Время ль для обид?
Может, я прощения не стою,
Но стою с повинной головою...
Пусть же будет так, как сход решит!

Алымкул, я говорю, как сыну,
Хочешь — и камчу свою накину
Я тебе на шею вот сейчас,
Лишь бы это примирило нас!²

¹ Шимдак — бунчук.

² Праздничный киргизский обычай.

«Дело не во мне, Толек, как видишь,
Разве с корнем память свою вырвешь?
Память, как удар камчой, крепка.
Не затем сюда издавека
Я приехал с верными друзьями,
Чтобы запылал раздор, как пламя,
А затем, чтобы поднять народ!
Ты же покажи себя делами!»

«Бай Толек одумался, джигиты,
Встал на нашу сторону открыто!» —
Вдруг раздалась возгласы вокруг.
И когда народ собрался в круг,
Вышел бай Толек на середину,
Вышел, как положено по чину.
«На разведку должен ты идти». —
Он притворно обратился к сыну.

«Ну, какой мирза-Ашим лазутчик!
Надо ведь все выглядеть получше,
Алымкул для этого надежней,
Алымкул отважней, осторожней!»

Все помыли руки...
И тем часом
Принесли большие чашки с мясом.
Алымкул промолвил в тишине:
«На разведку лучше схать мне!»

А Толек прищурился чуть-чуть:
«Дал горячий уголь им лизнуть!»
И сказал с усмешкою кривою:
«Ты возьми товарища с собою».

А мулла сказал: «Двоим опасней, —
Говорил батыр Чаргын порою!»
А Джунуш сказал: «И я с тобою!» —
«Нет, Джунуш, ведь что один, что двое,
Все равно не воевать во тьме.
Легче одному пробраться мне!»

«Все-таки, — сказал Джунуш с тоскою, —
Если надо — саблею прикрою».

И сказал притворно бай Толек,
Осторожный, хитрый человек:

«Он по-русски говорит! Он сможет.
Ты, хотя отважен в битве, все же
Ты не знаешь языка, пойми!
Схватят — засекут тебя плетьюми!

Алымкул найти сумеет выход.
Одному идти — немало выгод.
Если его схватят — скажет так:
«Я у казаков простой батрак».

Озабочен бай Толек для виду:
«Никому не дам себя в обиду!
Даже норовистый вороной
Конь не спотыкнется подо мной!»

«Оставайтесь живы и здоровы, —
Алымкул сказал джигитам снова. —
Буду жив — встречайте здесь меня
Через три или четыре дня».

«До свиданья», — он сказал и руку
Бай-Толеку подал, словно другу.
Лишь Джунуш, нахмурившись, молчал,
Взгляда от земли не отрывал.

Тут старик, сидевший тихо с краю,
подавив с трудом глубокий вздох,
Руки вдруг простер, благословляя:
«Пусть тебе в пути поможет бог!»

Алымкул не мешкает, спокоен,
Со стены снял булаву. И вот
Встал Джунуш и руку подает:
«Пусть не я... Джапар хороший воин.

Ты его возьми», — сказал в тревоге.
Алымкул нахмурился чуть-чуть.
«Все. Меж нами пусть лежит дорога...
Алымкул, счастливый тебе путь!..

Будь здоров. И возвращайся снова.
Подведите скакуна лихого!
Чтобы ветер дул — не продохнуть!
Алымкул, счастливый тебе путь!

Если спеть попросите вы снова,
Вот оно, уже готово слово!
Ветер доброй памяти подул.
Скачет, словно пламя, Алымкул!»

КОНЬ И АЛЫМКУЛ

«Травы всколыхнулись, покачнулись,
Кураи за солнцем потянулись,
От стремительного бега скакуна
Сотрясается земля, как стремяна!

И от бега скакуна на вольной воле
По земле мчат перекасти-поле,
Тихо вздрагивает листьями арча,
Встречный ветер злобно шубу рвет с плеча.

Конь в разбеге, словно пламя над землею,
Отливает своей гривой вороною.
И от топота его за три версты
В страхе птахи быстро прячутся в кусты.

Ах ты, конь-скакун, крылатый, словно птица,
Под копытами твоими пыль клубится,
Хвост по ветру развевается густой,
Грива плещется струею огневой!

Ноги быстры,
Ноги тонки, как у лани,
Так и стелются в разгоне над камнями.
Словно полночь юга, воронья масть,
Белая звезда во лбу твоём зажглась!

Он несется между рытвин без опаски,
Словно вылетел из самой светлой сказки.
Над горами чудной лодкою плывет —

То копытом,
То звездой во лбу сверкнет!

Грудь его—словно пса-тайгана,
Шерсть его—как иглы у бурана,
Он, как конь крылатый Чинкоджо,
Мчится, мчится,
Дышит горячо.

Подымает ветер конь надежный,
Мчится Алымкул, как вихрь снежный.
Скачка полы шубы развела
За его спиной, как два крыла.

Пика тускло светит под рукою,
Стремя глухо бьется под ногою,
Степь бежит назад под скакуном,
Степь хранит сказание о нем!

Алымкул, о соловей мой горный,
В каждом деле смелый и проворный,
Два зрачка—острее острых пик!
Ты в глаза беде смотреть привык.

Конь бежит—крепка его подпруга.
Алымкул зря не неволит друга.
Алымкул—надежда всех друзей.
Он скупого сделает щедрей!

Гнев его порой подобен смеху,
Смех же—у кого беда—в утеху.
Смех—как снег: нахлынет—и светло.
Смех—не гнев: пройдет—не тяжело.

И любви подобна его шутка,
И улыбка светит людям чутко.
А когда печальным он бывал —
Словно беды всех в себе собрал.

Он живет не хитро, без оглядки,
Сядет на коня—так нет посадки
Лучше и красивей, чем его.
Радуетса сам он: «Каково!»

Верный друг обиженным и сирым,
Признан он джигитами батыром.
У него совсем не для красоты
Честность, как для жемчуга весы.

Славен он своим веселым нравом,
Шутки он бросает прямо: на вам!
Бросит слово гневное со зла —
Кажется, что острая стрела!

Сердце Алымкула всем открыто,
Для красавиц лучше нет джигита.
Глянет—и любая расцветет,
Отвернется — вслед ему вздохнет...

А глаза спокойны и упрямы,
Смотрят с гордым вызовом и прямо.
Не привык хитрить и отступать.
На широком лбу темнеет прядь.

Не привык, к чужой обиде зорек,
Говорить туманных поговорок
И кривых намеков, хитрых слов —
Слабого орудия лжецов.

Если скажет слово — это слово,
Звонкое, литое, как подкова.
От него бросает сразу в дрожь
Хитрую, оглядчивую ложь.

В каждом горе остается верным,
В каждом деле назовется первым.
А с самим беда случится вдруг,
Никогда о ней не скажет вслух,

И в седле, как ястреб, он спокоен,
А с коня сойдет — как тополь строен.
Если взглянет он в глаза кому,
Улыбнется каждый вдруг ему.

От молодежь статных куда деться!
На него не могут наглядеться.

Только бросит искоса он взгляд —
Сразу щеки пламенем горят,

Стариков восторгом захлестнуло.
Только увидали Алымкула,
Восклицают:
«Этот молодец
Нас во всем заменит, наконец!»

Так прославил добрыми словами
Мутаке-акын в своем сказанье,
На комузе струнами звеня,
Алымкула и его коня!

В ПЛЕНУ

Желтый ветер пополам распорот,
Всадник в кулаке сжимает повод.
Дума впереди его летит.
Искры у коня из-под копыт!

Пыль стоит, не сваленная ветром.
Под конем земля сама трещит!
Камешки, как альчики, при этом
Вылетают, словно из пращи.

Ох, копыта, згонкие огнива!
На ветру горит густая грива,
Ветром до корней вся прожжена
Грива молодого скакуна.

Много звезд от склона и до склона.
Ночь сползла на горы, как попона,
И продрогли звезды на ветру
По краям седого небосклона.

Вот преснулись певчие ручьи,
Вот преснулись в рощах соловьи.
«Вот идет!» — раздалось на пригорке.
Это заскучали перепелки!

Сизый пар над травами клубится.
По лицу джигита пот струится,
Застилает взор — и Алымкул
Снова рукавом его смахнул.

Конь летит, как птица...
Бьют копыта,
Белой пеной вся спина покрыта,
Пена закипает на зубах,
И глаза косят его сердито.

А когда чуть-чуть взошло светило,
Заспешил наш Алымкул к аилу.
Едет смело: робость не к лицу,
Не к лицу такому храбрецу.

«Ничего в дороге не случилось,
Лишь под скакуном
Земля кружилась!
Я проехал долгий, трудный путь,
А теперь немного отдохнуть!»

Спрыгнул он с коня, высок и молод,
На седло закинул тонкий повод.
Посмотрел вокруг неторопливо,
Потрепал слегка коня за гриву.

Убедился — нет врагов в округе,
Отпустил тогда коню подпруги,
Перебросил повод через гриву
И прилег, раскинув вольно руки.

Все-таки опасность не забыта —
На душе тревожно у джигита.
Лишь заснул — и, словно скакуны,
Прискакали к Алымкулу сны.

... Высоко, у облачных пределов,
Он в архаров посылает стрелы.
Только стрелы те в них не летят —
Снова возвращаются назад.

Сон другой: дракон ползет по скалам,
Где прополз—озера в дыме талом,
Изогнулся, чтоб хлебнуть воды,
Но с боков теснят его хребты.

Сон еще: бежит в горах дорожка,
И к нему подходит друг Алешка...
Конь хромает на одно копыто,
Крылья у него все перебиты,
С неба люди странные орут:
«Потерпи — и крылья заживут!»

Вот подходит мать. В заплатах платье.
Вот народ стоит вокруг. Объяты...
Вот Ашим с друзьями
Иступленно
Нож вонзает в скакуна Антона.

Вот Нурджан стоит, застыв на месте.
«Только ночь с тобой пробыли вместе,
Ночь всего. И встали между нами
Дали... с неприступными горами...»

Сон в глазах все прошлое колышет,
Травы первый ветерок колышет.
И раздался гулкий топот близко,
Только Алымкул его не слышит.

Восемь яростных коней отборных!
Восемь седоков в накидках черных
Спрыгнули со взмыленных коней,
К спящему подходят: «Кто ты! Эй!»

«Что за человек здесь появился!» —
Старший за клинок кривой схватился.
«Надо бы его схватить сейчас!» —
Друг его хитро прищурил глаз.

«Может быть, из наших это кто-то
Спать прилег, уставши от работы,
Может быть, лазутчик, кто поймет!
Подождите! Может, это черт!»

«Что вы всполошились! Что за крики!
Ну-ка, лучше приготовьте пики.
Подойдем поближе—поглядим,
Если что—покончим сразу с ним».

И тяжелые нахмурив брови,
С острыми клинками наготове,
Двинулись они, как будто в бой,
Двинулись на спящего гурьбой.

Первый подошел, второй... четвертый...
Алымкул лежит, как будто мертвый,
Окружили жертву поплотней
И пинают сапогами: «Эй!»

Не привстал, не шевельнулся спящий...
«Это кто!»— один глаза таращит,
«Это кто!»—спросил его другой,
Алымкула трогая рукой.

«Ты лицо открой ему, не вижу!»
А другой: «Ты подойди поближе».
Третий: «Ты клинком пошевели
Иль, не дав проснуться, заколи».

«Убивать его сейчас не надо,
Чолпонбай за труп не даст награды,
Чтобы он награду выдал нам,
Кинем мы на спящего аркан».

«Восемь нас, а он один!»—сказали.
Кинулись на спящего и стали
Связывать веревками его:
«С нами справится один едва ли».

Как ни бился Алымкул с врагами,
Те его избили сапогами.
И, на шее затянув аркан,
Впереди коней своих погнали.

«Неужели не увижу край родной!
Неужели не пойдут киргизы в бой!
Если я казаками пленен!..»
Тут Антона — друга — вспомнил он.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Облака плывут по-над горами
Белыми, большими скакунами,
Пахнет осенью и тополь, и сосна,
Этим запахом земля напоена.

И стога стоят повсюду куполами,
Светят блики золотые над полями,
И созревшие плоды блестят слегка,
И роса на них, как капли молока.

И земля, как мать детей, покорно
Убаюкивает ветром тихим зерна.
Красота, бессмертна и светла,
Землю всю с любовью обняла.

Бьют кузнечики в тугие молоточки,
Кажется, в траве звенят звоночки!
Вся окрестность солнцем тучным налита —
Из любой былинки смотрит красота.

Только человеку ныне круто,
Свет всех звезд печальней почему-то.
Чем он заслужил! И в чем причина!
Человек—вселенной середина!

Кланяясь ветрам с отрогов горных,
Хлеб роняет наземь свои зерна...
Только нету тех, кто в этот срок
Им подняться бы с земли помог.

И валяются арбузы здесь и там,
Расколело их жарою пополам.
Тишина среди арбузов золотых,
Где же люди, что заботятся о них!

Где дехкане, что их сеяли, растили!
А теперь плоды покрыты серой пылью.
Пропадает на корню весь урожай,
Или сразу обезлюдел этот край!

Клубы пыли, клубы пыли над землею
Позастлали дали серой пеленою.
Скакуны, устав, кусают удила,
Суматоха в Асылбаш-аил пришла!

Вихрь, пыль у тесных юрт ложится,
Слезы горькие у чабанов на лицах,
Едут всадники на взмыленных конях,
Молнии горят на их клинках.

Асылбаш-аил затих во мраке.
Гонят двести пленников казаки.
Люди плачут, люди стонут и бредут...
Их казаки на кургане посекут!

Вместе с ними Чолпонбай вовсю смеется.
На клинке его—серебряное солнце,
У игривого гнедого скакуна
Серебрятся дорогие стремени.

Вместе с ними едут баи, волостные...
И от сытости лоснятся воронье,
И от сытости багровый, как кумач,
Подхихикивает Сапарбай-толмач.

Есть у пристава надежная охрана.
На боку его клинок возле нагана.
Сзади пристав у левого плеча
Расплывается улыбка толмача.

Слуги бая—кызыл-чоки—зубы скалят:
«Ой, не стойте на дороге — кони свалят!»
Позади них—бедные дехкане.
Каждый связанный плетется на аркане.

Их держали без воды, плетьюми их били.
Пожелтели лица их от пыли.
Стали волосы дехкан за ночь седыми.
«В чем же мы все виноваты перед ними!»

Их веревками связали туго-туго,
Как овечек, притянули их друг к другу.

Их плетьюми секут, несчастных, как хотят,
Хоть никто из бедняков не виноват.

Найманбай же, силы духа не теряя,
Крикнул громко при народе Чолпонбаю:
«Кровь безвинных проливаешь без конца,
Словно мстишь им за убитого отца!

Если кто и виноват, скажу заране,
Это я во всем виновен,
А дехкане
Чем виновны, чем виновны!
Сам не знаю,
Эй, Джантай-батыр! Мы верили Джантаю!

Справедливым ты прослыл, Джантай, когда-то.
Ведь по правде, чем дехкане виноваты!
Чем шестьсот киргизов наших заслужили,
Чтоб конями, чтоб конями их давили?
Чем их мучать, невинных, плетью бить,
Лучше вам меня, виновного, убить!

Знают все: у Чолпонбая—только сила.
Нет нигде ему враждебного аила.
Если все ж его не любят чабаны,
То, поверьте, нету нашей в том вины.

Для джигита нет страшной позоры —
Убивать дехкан безвинных без разбора.
Ведь народ не победишь, не перебьешь!
И от кары справедливой не уйдешь!»

Пристав поднял свою толстую камчу,
Что-то грозное промолвил толмачу.
Багровеет он:
«Что с ними говорить!
Под землей наговорятся, может быть!

Что скажу тебе—ты должен передать:
Жалко нам людей, конечно, убивать,
Но они, подобно глупому скоту,
Сами смерти своей ищут, на беду.

Если знает кто «Потемкина» судьбу,
Тот совсем не позавидует ему.
Пусть он знает, что никто из бунтарей
Головы не спас тогда своей!

Он погиб, узнать свободы не успев.
И на вас такой падет, киргизы, гнев!
На защиту трона встали корабли,
Мы матросов быстро в чувство привели!

Это — русские. Они—это не вы.
Царь захочет—не сносить вам головы!
Царь захочет и конец наступит вам,
Трон расшатывать—куда вам, дикарям!»

Так сказал он и поехал быстро далее,
Чолпонбай с Джантаем тут захохотали,
Чтоб начальству смехом угодить.
... Шли дехкане—скакунами их топтали...

Среди пленников и Алымкул шагает.
«Пусть нас пристав пятым годом не пугает,
Ведь запомнил я недаром с детства:
У царя к народу каменное сердце!..»

Плачут дети,
Глухо стонут аксакалы,
Во все стороны несчастных разметало,
А другие же, не выдержав неволи,
Без дыханья оставались в чистом поле.

Глухо ухала земля, печали вторя.
«Так прощайте! Мы с собой уносим горе!
Оставайся непокорным, мой народ!
Мой народ страдания все перенесет!

Ты не плачь, не убивайся, не стенай!
Ты на лучшее надежды не теряй.
Не бывает без конца любая даль,
Как джигит, перекося свою печаль!

Если в жизни ждут меня одни страдания —
Это бога для меня предначертанье.
Много мне пришлось терпеть неправоты.
Были б люди, словно белый хлеб, чисты!»

Расстается со своим сыном старуха
И в отчаянье кричит охране глухо:
«Дайте мне его хоть раз поцеловать!
Я тогда судьбу не буду проклинать».

Сын глядит на мать печальными глазами,
Окруженный обиженными клинками,
И кричит ей на прощанье сын:
«Мать, мужайся, я в неволе не один!

У кого пощады мне ты просишь тут!
Близко к нам не подходи, а то убьют!
Эти звери, эти нелюди—враги!
Лучше, мама, ты себя побереги!»

Кто-то тихо говорит своей жене:
«Ты, любимая, не подходи ко мне,
Палачи, они ведь сердца не имеют —
Ни тебя и ни меня не пожалеют!»

Алымкула во все стороны качает,
Кровь густая по щеке его стекает,
У него аркан на шее, как капкан,
И глаза ему застлал густой туман.

У охранников всегда недолог суд:
«Что молчишь!»—и по плечам его секут.
Жирный хохот злобных стражников трясет:
«На допросе он иначе запоет!»

...А река, что валуны легко сносила,
Нынче, словно удивленная, застыла,
Лишь увидела, как пленных волокли,
Как лежали засеченные в пыли.

Не дают воды испить и полглотка,
И хотя почти что под боком река,

Если взглянешь на нее, то упадешь:
Нет у жалости у острого клинка!

Так идут они по пыли, по беде,
Только губы сами тянутся к воде,
Только шепчут под ударами камчи:
«Будет время, мы сочтемся, палачи!»

Только топот, только пыль стоит вокруг...
Побледнела молодуха чья-то вдруг,
Сорвала платок и бросила под ноги
И стоит перед конвоем на дороге.

«Этим людям ваша смерть — жестокий выкуп!
Где же правда на земле
И где же выход!
Вас камча сечет и топчет сытый конь,
Вашу жизнь они потушат, как огонь!»

Вновь кричит она, охранников кляня:
«Душегубы, вы отняли у меня,
Ни за что отняли сердца половину.
Без отца-то как расти джигитом сыну!»

Засмеялся Чолпонбай. И тут же грозно
Крикнул ей в лицо: «А ну, с дороги! Поздно!
Слишком поздно в Асылбаше спохватились,
А то очень перед нами заносились!»

Вы запомните — сполна я заплачу
Всем в аиле за убитого Чотчу!
За убитого из вас погибнет сто!
Если ты это не сделала, так кто?

Посмотрите на бессовестную шлюху,
Нас дурачить у нее хватило духу!
Он привстал в седле —
И яростно, сплеча
Полоснула по лицу ее камча!

Как ужаленная горною змеею,
Закричала. Крик взметнулся над толпою.

Зашумели возмущенно все вокруг:
«Найманбай, ее защита, ее друг!»

Муж ее веревку бешено скрутил:
«Будь же проклят твой отец и твой аил,
Будь ты проклят со своей хромою ногой,
Пусть же злость твоя согнет тебя дугой!»

Чолпонбай, ты ядовитей кара-курта!
Не жалеете, псы, набрасываетесь люто.
Для меня ты не противник, не гроза!
На!» — и плюнул в Чолпонбаевы глаза.

Вдруг, как молния, сверкнул в руках клинок —
И джигит упал, схватившись за висок.
Над джигитом жена плачет на дороге.
И опять в пыли густой ступают ноги...

ПЕСНЯ НА ДОРОГЕ

Снопы бросают под каток,
И пыль стоит вокруг.
Весь день не покладают рук
Здесь двое молодух.
Для пожилого мужика
Всё — обмолот сейчас,
Чуть-чуть прихрамывает он
И слеп на один глаз.

И вздрогнул он, услышав вдруг
Слова: «Ко мне, Андрей!»
Он посмотрел на молодух,
Волнуясь все сильнее.
И тут увидел он конвой
И пленников-дехан.
И вновь услышал: «Помоги,
Андрей, своим друзьям!»

«Вот что, — протяжно он сказал
И сразу мрачным стал. —

Вот что!» — опять вздохнул старик,
Вздохнул и захромал
К дороге, к пленникам. И тут,
Работу бросив, вдруг
Вслед за хозяином бегут
Невестки во весь дух.

И в удивлении они
Увидели среди них,
Увидели своих друзей,
Знакомых всех своих.
«Воды, воды!» — они кричат, —
Воды, хотя б какой!»
Невестки стали причитать:
«Бедняги, боже мой!»

И вот несут они в горшках
И в крынках воду им.
Солдаты путь загородили
Штыками: «Не дадим!»
Невестка старшая одна
Прорвалась сквозь конвой
И крынку пленным подала
С холодной водой.

«Так дайте им воды, воды,
Зачем их мучить так!
Ведь ты, солдат, как и они,
Как и они — бедняк!
Ради чего ты гонишь их?
Какая их вина!
Вдовой оставила меня
Проклятая война!»

И женщины передают
Им воду по рукам,
Но отгоняет их конвой
Штыками от дехкан.
Солдаты крынки оземь бьют,
Отталкивают их.
Таков приказ: стрелять во всех —
В киргизов и в своих.

Старик Андрей стал умолять,
Униженно просить:
«Зачем жестокость! Дайте им,
Ради Христа, попить!
Во сне ль все это! Наяву!
За что же их казнить!
Такие люди не могли
Кого-нибудь убить!»

«Не понимаешь ничего, —
Сказал ему Джантай. —
Ведь это все бунтовщики,
Ты их не защищай!
Ведь эти псы, не знаешь ты,
Из самых злобных, тех,
Что могут вырезать у вас
В села спокойно всех!»

Старик, не зная, что сказать,
Качает головой
И щиплет бороду свою,
И смотрит на конвой.
«Скажи, джигит, начистоту:
Крестьяне тут при чем?
Слыхал, киргизы недовольны
Не нами, а царем!»

Потом старик помедлил чуть,
Всех оглядел опять.
Кто прав — дехкане или конвой —
Старик сумел понять.
И потому сказал Андрей:
«Я не видал нигде
Такого, чтобы рыба жить
Могла бы не в воде...»

«Запомнился мне пятый год, —
Опять Андрей сказал, —
Когда своими я руками
В простых людей стрелял.
Ради кого? Ради царя
Стрелял в народ простой...

Не становитесь же, солдаты,
На этот путь плохой!

И дрогнули концы усов
У пристава:
«Смутяи!
Не зря сочувствуешь, старик,
Тайком бунтовщикам.
А что б ты сделал, если б ты
Киргизом был, чужак!»
«Я! Я пока еще не пробовал,
Вот так!..

А если вправду бы киргизом
Когда-нибудь я стал,
Наверно, так же, как они,
Против властей восстал!
Ведь на своей они земле
Хоть сеют, но не жнут,
На собственной своей земле
Беднее нас живут!

Могу ответить ли иначе?
Я не могу соврать.
Мне много лет, и не хочу
Я совести терять.
Вот потому я и царю
Ответ бы дал такой.
И я не стану ни за что
Теперь кривить душой!..»

Возле дороги запыленной,
Среди травы густой,
Бежит арычная вода
Под пеной голубой.

«Все потерять, все потерять —
Страшнее нет судьбы!»
И люди, жажды не стерпев,
Валились, как снопы.

И вот одна из молодых
Тем временем опять,

Чтоб пленных освежить водой,
Стала на них плескать.

Конвойный вдруг побагровел
И острием клинка
Кувшин с размаху разрубил
В руках у старика.

А молодуха закричала:
«Проклятье палачам!
Пускай за это никогда
Не будет счастья вам!»

И злобно пристав приказал:
«Их надо всех схватить,
Чтобы запомнили они,
Как за киргизов быть!»
И вот посыпались на них
Удары плеток вдруг.
И кровь густая потекла
По лицам молодых...

И обступили старика
Охранники. И тут
Набросили тугой аркан
На шею
И ведут!..
«О дедушка», — внучата плачут,
Бегут за стариком...
Одна из женщин на земле
В пыли лежит ничком.

И кровью черная земля
Опять обогрена.
Казалось, что переменилась
От ужаса она.
Наполненный стенаньем пленных,
Стоит сарай-закут.
И два молоденьких солдата
Сарай тот стерегут.
И слышат, как из-за дверей
Со всех, со всех сторон

Доносятся то женский плач,
То чей-то тихий стон...

Не подпускали никого.
Приказ — он есть приказ.
Никто хотя б глотка воды
Дехканам не подаст.
А двух мальчишек, что стояли
У замкнутых дверей,
Конвойные не допустили
До матери своей!

Заброшенный кыштак Аксуй
Среди песков и скал...
Теперь заброшенный кыштак
Военным штабом стал!
Теперь солдатами давно
Саманки все полны,
И только ругань да команды
По кыштаку слышны.

Вот так и вечер наступил,
Погас вдали закат.
И вот настала ночь, полна
Шагами тех солдат.
И замерла земля, шагами
Солдат оглушена,
Как будто слушала в ночи
Своих детей она...

Что ей, земле, и плач, и кровь?
Что ей, земле, до слез!
Когда их целые моря
Бесследно пролилось!
Земля родная, знаешь ли,
Что это кровь твоя!
Ведь погибают на тебе
Твои же сыновья!

В сарае средь нужды и горя
И страшной духоты
Сливаются глухие крики

В один: «Глоток воды!»
Хотя бы капельку одну —
Терпеть уже невмочь...
Без силы валются они.
Глуха, безмолвна ночь...

Они не могут осмотреться —
Лишь темнота вокруг.
Хотя и вместе все, но все ж
Не видит друга друг.
И на себе рубахи рвут
И раскрывают рты,
Чтоб воздуха глоток глотнуть —
Не этой духоты!

Кто послабее духом — просит:
«Ох, лучше смерть сейчас!»
А тот, кто телом послабей,
Не открывает глаз.
И, привалившись у дверей,
Один из часовых
С ухмылкой слушает в ночи
Глухие стоны их.

Прижавшись русой головой
К граненому штыку,
Другой из часовых молчит,
Почувствовав тоску.
Он боль почувствовал за тех,
Кого он сторожит.
«Да, дорогой ценою платит
За бунт простой народ...

Чего ты скалишь свои зубы,
Над чем смеешься ты!
Страданья эти даже черту
Нельзя перенести!
Ведь даже бабочке — и той
Охота жить всегда.
А кто спасет этих людей,
Когда пришла беда!

Они ничем не хуже нас,
Ни в чем их нет вины,
Только свободой и землей
Они обделены.
И если есть в тебе хоть капля
Еще стыда — пойми,
Какие муки пережиты
Вот этими людьми!

Ты знаешь старика Андрея
Уже не первый год.
Он сердцем добрый человек
И никогда не врет!
Вот и его арестовали —
И это неспроста, —
Не поглядев, что у него
Два на груди креста».

«А ну, молчи», — сказал дружку
Тут первый часовой.
«Я только правду говорю!» —
Настаивал второй.
И первый снова стал ругаться
И друга упрекать:
«К кому лежит твоя душа,
Ты должен мне сказать».

«К кому лежит моя душа!
К народу — вот к кому!
И предан я как верный сын
Ему лишь одному».

«Ах, вот каким ты оказался!
Вот так ты верен нам!
Ты власти изменил своей,
Примкнув к бунтовщикам!»

И часовой полез в карман
Поспешно за свистком.
«Ведь я обязан донести
Начальству обо всем!
Такие речи — это бунт!

И ты за свой язык
Туда, к товарищам своим,
Пойдешь, как тот старик!»

И он поднес свисток к губам,
Спокоен и жесток,
Но не успел подать сигнала —
Прикладом сбит был с ног.
Второй солдат открыл сарай.
«Свободны вы, — сказал. —
Бегите, кто куда, друзья!»
И в темноте пропал...

Поднялся шум по кыштаку
И топот тысяч ног.
Гревели выстрелы всю ночь,
Средяли все, кто мог.
И офицеры на конях
Носились меж солдат.
И до утра кыштак Аксуй
Был паникой объят.

И кулаки вооружились,
Чтобы властям помочь,
По избам рыскали они,
Как будто псы, всю ночь.
И каждый угол, каждый дом
Обыскан был.
Из дома в дом, из дома в дом
Хмельной разбой ходил.

Искали скрывшихся дехкан
По избам и во мгле
И вилами кололи их.
Таскали по земле...
Иных давили сапогами,
Чтобы, озлясь, потом
По голове наверняка
Ударить топором.

А пристав, на коне привстав,
Сказал: «Спасибо вам

За службу верную царю
На страх бунтовщикам!
А если кто из вас того
Солдата приведет,
То, господа, вас всех тогда
Моя награда ждет».

Темна, как пропасть, эта ночь,
Темна, как камни скал.
И все товарищи мои
Убиты наповал...
Темна, как пропасть, ночь, страшна,
Ни света, ни дорог...
Порог свободы! Ты порог
Страданий и тревог...

КОГДА ТОЛЕК РАЗГНЕВАЛСЯ

Подтаяв под седыми облаками,
Снега, как глыбы, падают на камни,
И все ручьи под пеной снеговой
Становятся одной большой рекой.

Она, клубясь,
Несется с гор Тянь-Шаня
На валуны,
Подобная мечу,
Клубятся ее волны, словно пламя,—
Покрыта белой пеной речка Чу.

Несутся ветки со щепой, с камнями,
И волны то тихонько, то рывками
Подталкивают их, и разлита
От этого на волнах красота.

Оглохли горы от речного гула.
И сила в ней такая,
Что верблюда
Перевернет и выбросит, как кость,
Такая, что скалу пробьет насквозь!

С вершин несутся, словно вихри, воды,
Ни перехода нету здесь, ни брода,
В тревоге люди шепчут:
«Нет пути,
Без брода нам реки не перейти!»

Они толпятся возле Чу. Как галки,
Увидевшие ястреба,
Галдят.
В руках у них чоюнбаши¹ и палки,
А у иных в руках клинки блестят.

Одни бросают вверх свои булавы,
Другие хвалят острые кинжалы,
Привязывают к пикам неспроста
Пучки волос из гривы и хвоста.

Одни хвосты коней в узлы связали,
Другие же им челки расчесали,
А третьи седла пробуют: не трут?
Оглядываясь, все кого-то ждут.

Здесь старики в годах.
И, в седла влиты,
Красуются на скакунах джигиты.
Здесь ханом себя чувствует любой.
У этих — впереди живот большой.

Со всех концов на вороных, каурых
Собрались люди...
Только в далах бурых
Пыль закружится темными столбами —
Они кричат:
«Покончим с казаками!»

Вот с запада, со стороны поселка,
Где хлеб стоял,
Пыль поднялась высоко,
И, приняв это за победы знак,

¹ Чоюнбаш — булава.

Повстанцы закричали:
«Сломлен враг!»

Толек сказал: «Кто брод в реке отыщет,
Того почет в глазах людей возвысит,
Кто справится с Антоном-хитрецом,
Тот прослывет навеки храбрецом».

Сказал джигит: «Скакун здесь лучший нужен
И руки не пустые, а с оружием
Из золота,
Чтоб знатен был и смел». —
И на Толёка хитро посмотрел.

И яростно Толёк глаза таращит:
«Пусть будет у тебя
Дочь неродящей,
Недаром говорят о бедных так:
«За жизнь свою всегда дрожит бедняк!»

Хоть царь совсем не бог, но он — от бога.
Я говорил вам всем,
Что будет плохо,
Когда его слушаетесь вы,
Я говорил, что кара будет строгой!

Вы разбудили спящего дракона,
На смерть пошли, не слушаясь закона,
Когда царев нарушили приказ.
Теперь мы виноваты из-за пас.

Нас сдуло вслед за вами тем же ветром,
Вы не внимали добрым тем советам,
Которые давали мы...
Как псы,
Скитаетесь теперь в горах, юнцы.

После всего как смеете вы спорить!
Брод нужно отыскать немедля, вскоре.
Как смеете просить коней сейчас,
Когда совсем не слушаетесь нас!»

Толек торжествовал без Алымкула
И без Джунуша.
Средь глухого гула
Толпы людской Толек услышал: «Здесь
Никто не смеет слова произнести!»

Старик, что на гнедой своей клячонке
Держался тихо, от толпы в сторонке,
Воскликнул вдруг:
«Джигиты, в чем печаль!
Ради народа и души не жаль!

Народ мой протянул к свободе руки,
С которой мы столетьями в разлуке.
Получит он ее — я получу.
Вот потому ему помочь хочу.

Если погибну...
Поздно или рано
Зарежете вы, может быть, барана
И вспомните добром о старике...»
И вот старик уже плывет в реке...

Толек признал в том старике отважном
Того, кто помогал ему однажды
Когда-то Алымкула обмануть.
«Ну, что же, простодушный, добрый путь!»

Насмешливо Толек сказал: «Счастливо...»
Волна перекатилась через гриву,
Коня перевернула тяжело...
И старика на запад унесло...

КАК ХОТЕЛИ УБИТЬ АНТОНА

А пильщики, когда о том узнали,
Что обложил их бунт со всех сторон,
Нехитрые пожитки побросали
И наутек. Остался лишь Антон...

Как снег, упали новые заботы.
Антон одною думою томим:

«Нет весточки от Алымкула что-то!»
И вновь тревога: «Что случилось с ним!

Беда, наверно, с другом приключилась,
Иначе столько бы не появилось
С оружием народа в этот час...
Мой друг бы позаботился о нас!»

А всадники, нахмутив грозно брови,
Держали свои ружья наготове.
И, окружив со всех сторон село,
Невесть кого ругали они зло.

Они камчой грозили возле окон.
Видать, польется снова кровь потоком!
И лихо забавлялись у плетней —
Лупили палками напуганных свиней.

Те сытых уток и гусей хватали,
Портрет царя на пики подымали,
А эти жгли сарай и хлева
И, похваляясь, громко хохотали.

А у иных всего лишь и заботы —
Обсасывать разбросанные соты.
А пчелы жалили им щеки и ладони,
Ужаленные взбрыкивали кони.
Другие же амбары разбивали
И родичам пшеницу раздавали.

Увидев новых конных на дороге,
Жена Антона кинулась в тревоге
К своей избе: «Скорей, Антон, скорей!
Нет Алымкула и его друзей!»

И в страхе говорит она Антону:
«Спустись скорее в погреб — нас не тронут.
Следи, чтоб не обидели детей,
А если что — стреляй тогда верней!

Перед врагами я, Антон, не струшу!»
И тут же отворила дверь наружу,

Увидела: с дубиною в руках
Стоит джигит в распахнутых дверях!

Он бросился, как барс, один из первых,
Поднял дубину: «Режьте всех неверных!»
И начал тут все сокрушать вокруг.
Из порванных подушек взвился пух!

Везде кружат джигиты иступленно.
Поволокли во двор семью Антона.
Одни кричали: «Бросим их с обрыва!»
Другие же стояли молчаливо.

А третьи брали в избах, что попало:
Скатерки и с кроватей покрывала,
И пиджаки, и чашки, и халаты!
И волокли, и все им было мало!

«Ты не ходи, ты не бери чужого! —
Старик джигитам говорил сурово. —
Любил Антона за хлеб-соль народ.
И нас хлеб-соль за это проклянет!»

И вдруг запылали стены дома,
Треща, запылали, как солома,
И стал костром простой крестьянский дом.
Откуда ни возьмись — Антон с ружьем.

И всадники на месте вдруг застыли,
Как будто их водою окатили.
Сковал лихих джигитов страх слепой:
Из пламени Антон идет живой!

Джигиты смотрят в страхе друг на друга.
Иные побежали от испуга.
«Он не сгорел в горящем доме, там,
И, значит, он иль ангел, иль шайтан!»

Старик, что заступился за Антона,
Застыл на месте. Смотрит удивленно.
«Смотрите, люди, бог не захотел —
И вот Антон в пожаре не сгорел!»

О том, что в доме был подвал, откуда
Киргизам знать!

Все зашумели: «Чудо!»
Веленьем бога, видно, он спасен!
Смеясь, к повстанцам подошел Антон.

Тут каждый растерялся от испуга,
Любой старался спрятаться за друга.
«Ведь только камень пламя не берет!
А может, он пророк, а может, черт!»

Старик с Антона глаз своих не сводит,
К Антону, низко кланяясь, подходит:
«Ты знай, что мои помыслы чисты.
Бессмертный человек, скажи, кто ты!!

Когда она невинна, то без толку
Не может поломаться и иголка.
Так поклонись ему быстрее, народ!
Кто до него дотронется — умрет!»

Антон вопросам удивился этим
И улыбнулся снова, прям и светел,
И ободрен вопросом «Кто такой!»
Сказал: «Антон я, человек простой!

Вы знаете, из рода я какого,
Что никогда не делал вам худого,
Вот мое сердце — это в вашей власти
От злобы разорвать его на части.

Я вас не сторонился, как Метрей,
Пока над нами будет белый царь,
Не будем знать свободы мы и счастья,
Ни вам, ни нам не распахнется даль.

Я вас не сторонился, как Метрей,
Нет этого на совести моей.
И Алымкулу дал я слово чести:
Все испытанья встретить с вами вместе».

«Ты Алымкула называешь другом!» —
Тогда воскликнул бай Толек с испугом.
Подумал: «Что же делать мне с тобой,
Когда ты вправду, может быть, святой!»

«А почему живым в огне остался?» —
«Я в погребке, — сказал Антон, — скрывался».
И тут Толек на стремянах привстал:
«Неверного убейте!» — закричал.

А самые отпетые вдруг дико,
Отчаянно прищпорив скакунов,
Нацелили отточенные пики.
«Любой из нас его убить готов!»

И раздалось: «Чего жалеть, скажите,
К хвосту коня за шею привяжите!»
Но есть такие, что хотят помочь:
«Он невиновен! Ну-ка, пики прочь!»

И, глядя на толпу людей открыто,
«Постойте, — говорит Антон, — джигиты,
Нетрудно кровь невинную пролить,
Я пригожусь еще вам, может быть!»

Мы делу одному, джигиты, служим,
Об этом скажут Алымкул с Джунушем,
Ну, кто не знает дома моего!
И из песка здесь сердце у кого?»

И снова гул: «Чего мы время тратим!
За нашу кровь сполна ему заплатим!»
И баев сын в одежде дорогой
Ударил его в голову ногой.

И как трофей, с него одежду сняли
И руки за спиной ему связали.
И в голове его, как муравьи,
О близкой смерти думы побежали.

Когда жена все это увидела,
На землю без дыхания упала,

Но только что подъехавший Мурат
Обнял при всех Антона, словно брат:

«Антон всегда был честен перед нами,
Что любит нас, он доказал делами,
Нам против тех на бой идти пора,
Кто никогда не делал нам добра!»

Вот трое конных сквозь толпу несутся:
«Неправые здесь речи раздаются!»
«Дай, заколю!»
«Нет, дай-ка лучше я!..»
Народ стоял, молчанье тая.

Верзила, что стоял перед Антоном,
Вдруг кинулся с кинжалом обнаженным:
«Чего жалеть его, чего смотреть!
Неверному одна награда — смерть!»

«А ну-ка, прочь, — Мурат вскричал без страха, —
На друга поднял руку ты, собака! —
Затряс он в гневе бородой седой. —
Киргиз за друга должен встать стеной!»

Он был наш друг. И это всем известно.
Провел среди киргизов жизнь Антон,
Он собирал легенды наши, песни,
Заботился о наших внуках он.

Чьи руки хлеб и мясо нам давали,
Когда в голодный год мы помирали,
Чей дом всегда открыт для бедняков!
Спросили бы вы лучше стариков.
О нем слух по аилам прокатился,
На наше счастье здесь он появился!

Это Антон, любовью к нам согретый,
Весь хлеб киргизам отдал до зерна
И ничего не попросил за это.
Да, добрый он!
А это — не вина!

Забывчивость киргизам незнакома,
Хотя б уважьте бороду мою,
А борода, известно, не солома,
Он должен быть свободным, говорю!

Ведь каждый, кто отведал его хлеба,
Благодарил его тогда за это:
«Антон-тюре, спасибо, ты нас спас».
Падет позор за смерть его на нас.

Так поступить бесчестно и без толка!!
А кто собрал у мужиков поселка
Хлеб и муку для нас в голодный год!
Забудет это разве наш народ!

И мы в вину ему все это ставим!
Ведь он давал нам в голод пить и есть!
Не зря же называют Орусбаем!
Младенцев все киргизы в его честь».

«Мурат-аке, твои слова правдивы,
Киргизы, сам ты знаешь, справедливы.
За то, что за Антона встал, любя,
Обнимем крепко, как друзья, тебя».

Вот так сказал киргиз с бородкой рыжей.
Он из толпы обнять Мурата вышел:
«Мурат-аке, как справедливы вы!
Пусть даже волосинка с головы
Антоновой, Мурат, не упадет.
Молиться на тебя готов народ».

Со всех сторон несутся крики снова,
Как маслом по сердцу — такое слово.
«Спасибо тебе, добрый аксакал».
Старик Мурат, весь посветлев, сказал:

«Обычай наш, что предки завещали:
«На доброе — добром»
Мы соблюдали.

¹ Орус — русский.

В том мудрость наша древняя сильна.
Пусть знает небо и родные склоны:
Того, кто тронет нашего Антона,
Пусть проклянет вот эта седина!

Пусть проклянет великий дух Манаса!
А где наглец, который попытался
Убить его кинжалом! Покажись!
Иди сюда, с Антоном помирись!»

«Мурат-аке, ты сын, отца достойный! —
Сказал Толек с улыбкою спокойной. —
И мы тебя благодарим сполна».
А сам одернул полу чапана.
По давним и прозаерным приметам,
Кто ссорящихся мирит и при этом,
Одергивая полы, говорит,
Тот против них недоброе таит!

В свидетели призвав поля и горы,
Мурат молчит, чтоб вновь не вызвать ссоры.
Антон стоит, спокоен и суров.
«С таким народом я на смерть готов!»

СТОЛКНОВЕНИЕ

I

Пишпекский пристав, зря не тратя слов,
Издав приказ: «Стрелять в бунтовщиков».
Велел он Чолпонбаю и Аджи
Идти на них с отрядом казаков.

«Направьте на мятежников все силы,
Сжигайте беспощадно их айлы».
И двинулись отряды, как один,
На Иссык-Куль, на Чу и на Нарын.

«О господа, вы подавить сумели
Мятеж в своих айлах. И на деле
Верны царю. И вас я награжу,
Когда конец настанет мятежу.

Вы мой приказ должны запомнить крепко,
А тот, кто не исполнит вдруг его...
Как яблоко легко срывают с ветки,
Так голову сорву я у того.

Добро бунтовщиков и их стада
Добычей вашей будут, господа!
Мятежников судьба у вас в руках,
И верность докажете вы в боях!»

И бах с Чолпонбаем вместе рады,
Им видятся добыча и награды.
Он говорит: «За вас и за царя
Не пожалею жизни своей я!

Ни почестей, ни тоев нам без вас!
Мы выполним Фольбаума приказ,
Мы обещаем, мы клянемся в этом!
А если нет — пусть царь повесит нас!»

В знак клятвы по щеке провел рукой
И поклонился низко раз-другой,
Сел на коня
И с толмачами рядом
Помчался за карательным отрядом.

II

Дым над хлебами, словно туча, черен —
Горят хлеба с жемчужинами зерен.
И птицы через огненную ночь
На опаленных крыльях мчатся прочь.

По всей долине Чуйской дым свинцовый,
Горят проселки, выгорают села...
И кажется, что пламени река
Вот-вот и подожжет все облака.

И день дымами тучными затмило,
Пыль с жаром перемешана.
Слепы,

Мчат всадники — в руках дубины, вилы —
По огненной, пылающей степи.

Горит земля вокруг, горят амбары...
Средь всадников — Антон на кляче старой.
Бежит она, качаясь на ходу,
У всадников на длинном поводу.

«Не убивать, не отпускать Антона,
Он пригодится — нужный человек», —
Не зная, чья возьмет, определенно,
Так думал осмотнительный Толек.

И мрачные предчувствия наплыли.
Крепись, Антон чтоб ни было — молчи!..
Народ же смотрит, чтобы богачи
Свиные Антона не убили.

Бедя Антона все ж не подкосила:
«Попутала какая меня сила!
Я без друзей погибну здесь один,
Не зря же так старается Ашим!»

И мысли в голове, как будто пламя:
«Вот если б Алымкул приспел с друзьями!
Тогда бы он освободил меня
И посадил на быстрого коня.

Я б в руки пику взял и нож надежный
И кинулся бы смело в бой крошечный,
Я бился бы с врагами горячо
И чувствовал друзей своих плечо!

О, как следит за мной Ашим упорно:
Бойтся — убогу по кручам горным.
За связанным следить какой же толк!
Ашим богач. Богач для бедных — волк.

Погибнуть от Ашима — мало чести,
Готов я умереть с друзьями вместе,
Лишь бы не так, лишь бы в лихом бою,
Чтоб в преданность поверили мою!»

И вдруг казаки из ложины в гике —
И засверкали яростные пики.
И тут сказал один из стариков:
«Что б ни было — обычай наш таков:

Хотя врагов, как на степи травинок,
Пусть кто-нибудь из вас на поединок
С храбрейшим из карателей пойдет!
Пусть это им Антон переведет».

Антон сказал: «Все это бесполезно,
Каратели — не рыцари, известно!»
А кто-то из горячих седоков:
«Не слушайте, джигиты, этих слов!»

«И все же, поединок здесь не нужен,
Мы казаков со всех сторон окружим.
Остры кинжалы, пики не тупы.
Иначе нас позелят, как снопы!»

Но бай Ашим не хочет отступить:
«В такое время с пленником возиться!
Когда идем с врагом на смертный бой,
Не лучше ли покончить нам с тобой!!»

Попробуй-ка остановить лавину —
Так мысли в голове не удержать:
«Ведь если в суматохе здесь погибну,
Кто я такой — никто не будет знать...»

Но тут захохотало по ущелью,
Вот пули засвистели, полетели
С киргизской и с казачьей стороны.
И на дыбы поднялись скакуны.

Толпятся всюду люди, будто льдины
В весенний ледоход.
И вот лавиной
Джигиты на своих врагов летят,
И клич петит: «Свобода — ураят!»

Вот пики на лету качнулись грозно,
Вот бунчуки взметнулись, как стрекозы.

И спешились каратели с коней
И в цепь легли, чтобы стрелять верней!

Навстречу град посыпался свинцовый —
Хватило б по три пули на любого.
И у врагов на лицах торжество:
Секира иль винтовка — кто кого!

Но есть закон среди воинов известный:
«Ну, выходи на поединок честный!»
И трое из джигитов
Скакунов
Тут повернули на своих врагов.

Помчались, гордым мужеством объаты.
И залп на них обрушили солдаты.
Но мчат вперед джигиты сгоряча,
Хоть пули кружат, словно саранча!

Вокруг еще сильнее зажужжало,
И несколько людей в толпе упало,
Все бросились в укрытие, в кусты...
Навстречу пулям мчатся храбрецы.

В сердцах у них, как будто пламя, ярость.
Все затопить она могла, казалось!
Перед глазами ожили на миг:
Кочевья... Снег
Среди вершин крутых...

И песня на комузе. Скачки, скачки...
Все промелькнуло сразу, как в горячке,
Все радости и муки.
И вся жизнь...
На честный бой три удалца неслись.

Их головы завязаны платками,
И все сильной коней своих хлестали.
Вперед, вперед! На спешенных солдат!
И гривы сами по ветру летят.

Народ глядит вослед им, восхищаясь,
Все мимо, мимо пули! Враг, отчаясь,

Помедлил: против тысячи одни!
А может, заколдованы они!

Они на поединок мчатся вместе.
В бою погибнуть — выше нету чести!
Скачок! Еще скачок!
И выстрел вдруг —
И падает на землю первый друг.

Он повалился набок тихо-тихо,
В руке его навек застыла пика.
Не разогнуть джигитову ладонь.
Остановилось сердце, словно конь.

И мир перевернулся в черном дыме.
Он головы теперь не приподнимет
И не увидит белых горных гряд,
Не крикнет клич свободы: «Ураят!»

Но двое мчат! Останови лавину,
Попробуй-ка!
И вот бегут в лошину
Растерянно солдаты. И присел,
За голову схватившись, офицер.

Один настиг солдата у лошины
И пикою его ударил в спину.
И сам упал, застрелянный в упор.
А конь его, что мчал во весь опор,

Вдруг, волоча поводья, закружился
И возле мертвого остановился,
Словно надеясь, что очнется друг, —
Поводья ж он не выпустил из рук!

Среди повстанцев пронеслось пожаром
Из уст в уста:
«Друзья, беда с Джапаром!»
И дальше понеслось во все концы:
«О, почему же гибнут храбрецы!..»

А третий, ничего не видя, мчится,
А третий, как в горячке, не боится,
Что по нему сейчас начнут стрелять,
Промчался, повернул коня опять

И с пикой полетел на атамана.
Но вот раздался выстрел из нагана.
И было видно всем сквозь пыль и дым:
Конь рухнул, как подкошенный, под ним.

И пика с треском пополам сломалась,
Джигит вскочил — глаза слепила ярость —
И бросился к солдату...
И упал,
В упор сраженный пулей наповал.

«Враг струсил и не принял честной
схватки!» —

Так кто-то крикнул...
А враги в порядке
Вновь залегли и начали опять
На выбор по мятежникам стрелять.

А пули, что повстанцы посылали
Из черных ружей, в цель не попадали,
Летели криво, вбок летели, вкось,
Дырявили одну листву насквозь.

Каратели, не торопясь, стреляли,
Каратели цель метко выбирали,
И брали на прицел — приказ суров —
И маленьких детей, и стариков.

Сравнится с кровью раненых река лишь!
Как пчелы, пули в всадников впивались,
Одни висели мертвыми в седле,
Другие же
Все рвали на себе!

Одни за полу всадников хватали,
Другие же о помощи зывали,
А третьи, о своей беде забыв,
Кричали над убитыми: «Ты жив!»

Один за хвост коня схватился в страхе,
Другой от горя вспомнил об аллахе,
А третий же, схватившись за коня,
Кого-то молит: «Не бросай меня!»

Кто валится под конские копыта,
А кто кричит: «Сюда быстрее, джигиты!
Здесь пули не достанут никого!»
Кто, на коня надеясь своего,
Усаживает раненого друга
К себе в седло.
Кто ищет от испуга
Убежище себе в траве густой,
Кто спрятаться стремится за горой.

Хватаются за голову руками
И прячутся в ложок или за камень,
Залиты кровью полы чапана.
«Свобода! Как дается нам она!»

Трава набрякла кровью, как росой.
Чумная пуля бродит за спиной.
И пулями изрытые луга
Словно зывают: «Победи врага!»

И на земле, и в небе страшный грохот.
В ущелье все от выстрелов оглохли.
Охвачена долина вся огнем.
Огонь буланным проскакал конем.

И птицы поднялись и улетели,
И хищники сбежали из ущелья.
Огонь идет по всей моей земле,
Орлы уносят пламя на крыле.

Идет пожар, пожар шагает грозно,
Уводят их подальше от огня.
И некелики уступают гнезда
Пожару. И, птенцов своих храни,

А маленькие птенчики, не в силах
Взлететь с земли на крыльях своих хилых,

В том пламени сгорали без следа.
А матери за ними вслед — туда!

Кружат орлицы над гнездовьем бывшим.
Все улетают в небо — дальше, выше.
И громкий крик уносят к высоте.
Уносят зайцы пламя на хвосте.

Мертвы и малыши, и аксакалы.
Рвут вороны бока у скакунов.
Казалось, мать-земля моя стонала,
Не в силах защитить своих сынов.

На скалах, кровь почуявшие птичьей,
Поднялись грифы, сторожа добычу,
Они кружат над пламенем густым,
Им крылья согревает горький дым.

И беркуты вновь в поднебесье взвились.
Казалось, реки все остановились.
И вслед за хищной рыбой мелюзга
Забилась в страхе вдруг под берега.

На землю небо рухнуло, казалось,
Густая кровь повсюду растекалась...
Седой Тянь-Шань хранит уж столько лет,
Как память этих дней, багряный цвет!

ВЕСТНИК

Уже давно Джунуш был «Быстрым» прозван,
Ведь он с любой работою знаком.
И потому восставшими был послан
С особым поручением в Босм.

Джунуш прослыл отважным человеком
Уже давно.
Повстанцы потому
Связь между Караколом и Пишпеком
Перерубить доверили ему.

Так кончилась в аилах подготовка
[На трех джигитов лишь одна винтовка],
Когда они увидели обоз,
Который на боем оружие вез.

Вот уже рядом брички, в ста шагах,
Солдаты держат ружья на руках.
Увидев их, Джунуш сказал джигитам:
«Ложитесь возле берега, в кустах!»

Друзья легли спокойно, не робей.
Джунуш сказал им шепотом потом:
«Мы добежим до берега быстрее
И там на них неожиданно нападем!»

И сам прилег и, спрячась за камнями,
Пополз вперед, работая руками.
На бричке офицер сам восседает
И все вокруг в бинокль озирает.

Над Иссык-Кулем клубы темной пыли,
Как будто облака густые,плыли...
И офицер в ту сторону глядит
И что-то подчиненным говорит.

Вот перестук вдали раздался дробный,
Солдаты тут насторожились злобно.
Не видно им, что впереди, в кустах,
Повстанцы появились на конях.

Это была Джунушева засада.
А в это время,
Где Омпол громады,
С той стороны идет толпа людей.
Знамена реют стаей голубей.

Джунуш же ловит каждый звук и шорох.
Из узелка отсыпал тихо порох
И у винтовки ствол поцеловал.
«Не подведи и в этот раз», — сказал.

Вот брички где-то рядом загремели,
Вот офицерский китель на прицеле

И лоб его покатый... Бей, Джунуш!
И выстрел прокатился по ущелью.

Он прокатился прямо к Иссык-Кулю.
И вот уже второй — вторая пуля
В переднего ударила коня,
И крики в этом гуле потонули.

Джунуш с друзьями вовремя поспели,
Их выстрелы неожиданно прогремели,
И к бричкам смело бросились они,
Крича для страха: «Бей солдат, коли!»

И кони, брички — все перемешалось.
Солдаты, бросив ружья, разбежались.
И киулись повстанцы из кустов
К обозу, где убитые валялись.

Джунуш брезент с тех бричек быстро скинул.
«Джигиты, здесь винтовки!» — громко крикнул.
Вот прискакал посыльный впопыхах:
«В Байкаше нас настиг внезапно враг

И захватил его врасплох и выжег,
Я ж кровью изошел и телом высох,
Ведь пуля мне под ложечку вошла,
И все же не упал я из седла!..

Джунуш! Глоток воды! Душа устала.
Когда найдется на врага управа!
Гляди, Джунуш, весь мой чапан в крови.
Прошу, Джунуш, врага останови!

Айлы грабят слуги Чолпонбая,
Наших невест, как пленниц, забирая,
Жгут юрты, угоняют в горы скот,
Умри, но заслони собой народ!»

Старик с последней силою собрался,
В седле за гриву еле удержался:
«В глазах темнеет, сердце холодеет...
Неужто враг народ наш одолеет!»

Старик в седле своем качнулся снова:
«Послушайте, джигиты, мое слово
Прощальное, поверьте вы сполна.
Пускай узнает старая жена,
Что бог в бою не уберет меня,
Отдайте ей последнего коня...»

ВОТ КТО ОНИ!

Увидев, как бегут от смерти люди,
Толек сказал: «Вот так судьба их судит.
Коль ты, Антон, нам верен от души,
Карателям всю правду расскажи!

Ведь ты все время находился с нами,
И знаешь, кто смутяи, кто не смутяи.
Тебе поверят.
И теперь, как пламя,
Восстание погасло среди дехкан.

Хотелось, чтобы все они узнали,
Как в стороне все время мы стояли —
Я и мои джигиты... Никогда б
Против царя манаты не восстали.

И чтоб помочь властям своим делами,
Я обо всем им сообщал кочами
Через своих проверенных гонцов.
Всегда престолу я служить готов!

А ну, Антону руки развяжите,
Если тебя ударил кто—прости ты...
Вернуть ему сейчас же сапоги!
С Антоном мы, манаты, не враги!

Правда, тебя унизили немного,
Плетьми хлестали, не суди их строго.
Чтоб жизнь свою спасти—я знаю сам—
Для вида ты примкнул к бунтовщикам».

Так и сказал. Надменно ждал ответа
Со своего высокого седла.

Переминался резво конь Толека
И грыз нетерпеливо удила...

Стоял Антон престовололсый, смелый,
Еще болело от аркана тело,
И ссадины болели, и плечо.
И он спросил: «Что скажешь ты еще?»

Толек надменно указал рукою
Туда, где находилось поле боя:
«Где Алымкуп! И где его друзья?
Где все, кто бунтовал против царя!

Так вот, они валяются, как туши,
Теперь тихи, отдавши бегу души,
А их щенки средь горя и невзгод
Навек запомнят этот страшный год.»

Толек смеется вновь невозмутимо.
Подзорную трубу взял у Ашима:
«Вон ту солому мертвую и шерсть
Псра ветрам по всей степи разнести!»

Антон глядит в трубу и видит:
Всюду
Бегут, от пуль спасаясь, наши люди.
Вот мать сидит, хотя свистит шрапнель,
А перед ней—пустая колыбель.

Убитыми покрыта вся равнина.
Вот мать, обнявши раненого сына,
Рыдает: «Пусть услышит белый свет:
Кто сына ранил—проклят будь навек!»

Кровавое отпраздновав веселье,
Фольбауму отправил донесенье
Сам атаман,
Где, не жалея слов,
Расписывал он доблесть казаков.

«В жестоких битвах против сил несметных
Мои солдаты дрались беззаветно,

Отваги и усердия полны,
Государю и родине верны.

Недоедая и недосыпая,
Недели без глотка воды подчас,
Они грозою были всего края,
Чтоб выполнить высокий ваш приказ.

Манапам, что верны царю остались,
Имущество и скот вернули мы,
О Чолпонбаях доложу: старались!
Они престолу до конца верны.

Осмелюсь доложить, мятеж подавлен,
Наказан каждый был, кто виноват,
И мною лично список был составлен
Достойных награждения солдат».

Антон, в трубу увидев атамана,
Подумал горько: «Что ни говори,
А жизнь пока несправедлива странно:
Один ждёт ночи,
А другой—зари.

Ты с этою землею навечно связан,
С ее народом и ее бедой.
Не зря ведь солнце великаньим глазом
Глядит на землю древнюю с тоской».

И эта явь еще сильнее гнеза
Наполнила Антока. И тогда
Вскричал Толеку он в порыве смелом:
«Ты не пугай меня. Ведь тварь, и та

Нужней тебя, смелей тебя и лучше!
Предатель—лишь предательству ты учишь,
Чтоб шкуру свою подлую спасти.
Продад народ и братьев своих ты!

А те, что степи кровью затопили,
Они, как ты, народу изменили.
Кто в бедствиях народ свой предает—
На тех всегда возмездие падет.

Кто я! Я всей душою с теми,
Что проливают кровь свою все время,
Униженных я сын, и потому
И счастье одному мне—ни к чему!

Антон на твою сторону не встанет —
Не сломят ни страдания, ни страх.
Мне показало явственно восстанье,
Кто друг мне верный, кто давнишний враг».

«О,—закричал Толек,—он не боится!
Могу ль спокойно это слышать я!
От слов таких ведь могут совратиться
Не только бедняки, но и земля!»

ГОРДЫЕ ДЕВУШКИ

Не мог аил бедняцкий, беспокойный,
Дать без оружия отпор достойный.
Ворвался Чолпонбай ночью порой,
И начался везде кровавый бой.

Нехитрый скорб бедняцкий—вся нажива.
Здесь правда—это тяжкий вес булав.
Трех девушек красивых отобрав,
Погнали их к скалистому обрыву.

А впереди—лишь камни, камни, камни.
А позади их—с острыми клинками
Стоят джигиты...
Власть—она ведь власть.
И Чолпонбай заговорил, смеясь:

«Красавица, хотя твой род бедняцкий,
Богатой станешь ты, как будто в сказке,
Тебя я осчастливилу, говорю,
И скот тебе несметный подарю.

Родители твои погибли, может,
Но Чолпонбай их отыскать поможет,
А если приказали долго жить —
С почетом их велит похоронить!

Спины ни палка, ни камча не тронет,
Я буду тебя нежить, буду холить,
Не упадет слеза из глаз твоих,
Я дам тебе работников троих.»

Но девушка, слез горьких не скрывая,
С презрением глядит на Чолпонбая:
«Найдется ль где еще подлец такой,
Чтобы вот так же предал край родной!!

Чего ты ждешь от нас от всех за это!
Ты—негодяй, вернее слова нету!
Ты лучше в сердце мне кинжал вонзи,
Иль всех, тобой убитых, воскреси!

Как ты посмел мне предложить такое!
Кто сможет вместе жить с такой змеею!
Змеиной лаской удушить хотел!..
Ты на кроги людской разбогател!»

Тут Чолпонбай, не выдержав, как вскочит,
И голову клинком ей снёс. Хохочет.
И кровь фонтаном брызжет из-под кос...
«Уф!»—атаман с улыбкой произнес.

И, вытерев клинок неторопливо,
Велел он сбросить девушку с обрыва.
И яростный, стремительный поток
С камнями вместе тело поволок.

Подруги же, верны довичьей чести,
Чтоб баи надсмеяться не смогли,
Обнявшись крепко, полетели вместе
В речную пропасть
С той крутой скалы.

Обрыв молчит, навек окрашен кровью.
Трем девушкам поток лег к изголовью,
Поток сказать желает, может быть:
«Картины этой мне не позабыть!»

НАРОД НЕ ОШИБАЕТСЯ

Джигит в рубаше красной,
Словно птица,
Махая шапкой, средь повстанцев мчится.
Кричит он: «Алымкул бежал из плена!
Джунуш отбил оружие для нас!..»

И бай Толек бледнеет. Но тотчас
Себя взял в руки, кашлянул степенно,
Притворно улыбнулся:
«О, тогда
Пусть будет у тебя, джигит, еда.
Бессмертие в еде... Закон храня,
Зарежем в честь тебя, джигит, коня!»

Глядит старик белобородый строго
С коня хромого: «А винтовок много!»—
«Их более трехсот лежит в обозе,
Ну, а патронов—словно звезд у бога!

Винтовки мы поделим меж собою,
А с ними нам не страшно ничего.
Джунуш Антону передал со мною
Винтовку—в знак доверья своего».

«Ой, этот русский, видно, очень ловкий.
Хотел сбежать он со своей веревки!»—
«Ты с голоса Ашимова поешь.
За тыщу лет такого не найдешь,
Как этот русский. Баи захватили
Его с собой и нас не подпустили,
К нему: мол, все вы вместе с ним.
Так говорит Толеков сын Ашим...»

«Не знаем, как с оружием поступит,
В упрямстве никому он не уступит».—
«Он против нас таит, наверно, гнев,
Как раненый смертельной пулей лев.»

«Стрелять! В кого!»—
«Да в сыновей киргизских.

И значит, он хитрил всегда... Так, так...
Мы думали, что он из самых близких,
А раз не так, то ваш Джунуш—дурак!»

«Не в нас, а во врагов стрелять он будет.
Чего болтать—он только так поступит!»—
«Смотрите! Перестрелку у кустов
Джунуш затеял с сотней молодцов!»

И в самом деле пули вновь запели.
Из седел трое всадников слетели.
И атаман, что, хвастаясь, писал
О бедствиях,
Теперь их испытал!

Летят при перестрелке пули густо,
Джигиты за кустами берегутся.
Солдаты смерти ждут своей в тоске,
И жизнь у всех висит на волоске.

Никто из них пока не отступает,
Никто из них погибнуть не желает.
Вот стали пули все сильней свистеть,
И с этим свистом прилетала смерть.

Теснят отряд подальше от аила
Стрелки повстанцев—равная им сила,
Карателям,
И пятится назад,
Порядок соблюдая, тот отряд.

Все ж казаки не уступали, бились,
Хотя против мятежных войск одни лишь
Израненные люди бой ведут.
Хоть мало их—назад не повернут.

И все же, наконец, был найден выход.
Вот спрятались они за каждый выступ,
И, бросив, где попало, лошадей,
Отбили снова выстрелами приступ!

Уже густым закатом степь покрыта,
Стрелки ведут коней вслед за собой.

И говорят про казаков убитых,
О том, какой жестокий велся бой.

«А где Антон!—спросил Джунуш джигитов, —
Не видел я его среди убитых
И среди живых...
Ведь я к нему послал
Джигита, чтоб винтовки передал.

Где тот джигит, что за Антоном послан!
Он, Мутаке, «рубашкой красной» прозван.
Куда пропал наш опытный джигит!
Неужто пулей вражеской убит!»

«Я только что явился,— отозвался
Тут Мутаке, —
И сам не разобрался,
И что к чему, покамест не пойму...
Поверь, Джунуш, ты слову моему...

Я выполнил наказ твой.
За тобою
Сюда примчался на коне стрелою
Всю об Антоне правду рассказать,
О том, что бай велел его связать!

Услышав, как Ашим опять грозитя,
Помчался я к тебе, как будто птица.
Грозился бай: «Он говорить привык!
Отрежем ему уши и язык!»

И с верною заботою о друге:
«Да как же так!—вскричал Джунуш в испуге.—
Известно всем, мирза-Ашим—дурак.
Но остальные, остальные как!..»

Пыль на дороге вьется серым дымом.
Вот показался бай Толек с Ашимом.
Мирза с коня сошел. Идет пешком
И говорит елеинным голосом:

«С холма, Джуке, мы битву наблюдали.
Как жару вы карателям задали!

Ты здорово восстанию помог.
Что будет дальше—знает только бог».

Джунуш упрямо и непримиримо
Глядит в глаза затекие Ашима:
«Скажи, Ашим, не ты ль посмел опять
Антонна, словно пленника, связать?

Что с другом, ты ответь, Ашим-мирза,
Скажите, кто связать его решился!
И кто из вас убить его грозился!
Толек, Ашим, я думаю сейчас,
Что враг не только там, а среди нас!»

И на Антоне развязал арканы,
И, чтоб у друга не болели раны,
Он кровь на нем старательно обмыл,
Из пиалы айраном напоил.

«Я, значит, враг!—вскричал Ашим надменно.—
Не знал я, что заступник ты неверных.
На русского глядеть мне тяжело.
Ты знаешь, сколько наших полегло!»

И зашумел народ, как море в бурю,
Молчат джигиты, брови грозно хмурия.
И зашумел народ со всех сторон:
«Тебе мы верим, как себе, Антон!»

«О братья, что напрасно вы шумите!
Антонна сами честно вы судите.
Ни капельки вины на нем, друзья,
Против друзей гнев обращать нельзя!»

И люди, как крутые волны в море,
Друг против друга встали в давнем споре.
И этот гул ничем не заглушить:
«Убить Антона или не убить!»

Вот кто-то произносит удивленно:
«Ведь подняли мы руку на царя
На самого! Не то, что на Антона!
И прав Ашим, что здесь мы спорим зря...»

А вот другой: «Приказа нет—не трону.
Прикажут—тут не сдобровать Антону.
Я голову сверну, но лишь врагу.
А так вот, самолично, не могу».

Старик Мурат намаз свой не закончил,
Встал со словами: «Бог одно лишь хочет,
Чтоб кровь людей безвинных не лилась!
За эту смерть он покарает нас!

А ваш Ашим—он совести не знает,
Когда Джунуша злобно упрекает.
Я должен людям правду рассказать.
Не смеет он Джунуша очернять!

О мой народ! У всех глаза на месте.
Что видели—зачем же отрицать!
Антон всегда с народом нашим вместе,
И нечего напрасно бушевать!

А где Толек!—спросил Мурат сурово.—
Из-за Толека неужели слово
Свое нарушить мы должны сейчас?
Он на Антона натравил всех вас».

«И вправду,—из толпы опять сказали.—
Мы никогда с Метреем не равняли
Антоновы дела...
И потому
При наших распрях победим едва ли!»

«А если так,—сказал Мурат негромко,—
Смутянов от себя
И их потомков
Отрезать, чтобы не было беды,
Как я отрезал
Часть своей узды».

Старик Мурат халат свой сбросил резко
И чумбура конец ножом обрезал.
И так сказал:
«Пускай народ сейчас,
Как я, Мурат, не споря, клятву даст!»

ПОСЛЕДНИЙ СХОД

Со всех аилов на холме народ,
Киргизы собираются на сход,
Голодные, оборванные люди.
И первым слово Алымкул берет:

«Казачи наступают по пятам,
Каратели уже и здесь и там,
Ни стариков, ни женщин не жалеют.
Притиснуты мы, словно дичь, к горам.

Где выход, подскажите, из беды!
Каратели с киргизами круты.
Не можем мы на милость им сдаваться.
Так будем мы отважны и горды!

Скажи, Антон, какой нам выбрать путь!»
Антон стоит, нахмурившись чуть-чуть,
Усы седые, вислые, подковой...
«Антон-ага, скажи нам что-нибудь!»

Антон молчит. Спокоен светлый взгляд:
«Казачи никого не пощадят,
Они пролили много нашей крови,
Об этом знает Пресня, Петроград.

Мы, ставшие на верный путь борьбы,
Мы знаем: нет прекраснее судьбы —
Сражаться за свободу до конца,
Пока в нас бьются мужеством сердца.

Над нами меч кровавый занесен —
Каратели идут со всех сторон.
«Всех истреблять, всех, всех, кто бунтовал!» —
Так приказал Фольбаум генерал.

«Нас перебьют, как семьи нам спасти?
Какие же к спасению пути!» —
Так Алымкул спросил у стариков.
«Всем уходить», — ответ их был таков.

«Ведь если верный выход не найдем,
То все погибнем,—так сказал Антон. —
Как в старину киргизы поступали,
Окружены врагом со всех сторон!»

Доволен этим, тут старик Мурат
На русского бросает теплый взгляд:
« У нас с тобой одни и те же корни,
И ты совет даешь нам, словно брат».

Старик Мурат доволен очень был,
И снова тихо он заговорил:
«Для нас Антон стал русским Алмамбетом¹,
Которого Манас наш полюбил.

Привыкли мы, киргизы, с давних пор
Давать врагам отчаянный отпор.
Мы храбро защищали Ала-Тео,
Страну озер и поднебесных гор.

Когда жестокий хан Кенесары
Велел у храбреца Джаман-Кары
Ножам сердце вырезать живое,
Храбрец стоял подобием горы!

Вы, Ала-Тео верные сыны,
Таковыми в испытаниях стать должны!
Я подскажу, друзья, вам верный выход.
Дошел он к нам из древней старины.

Чтоб отвести от мятежа беду,
К карателям я добровольно в плен пойду.
Ради народа не страшусь обмана —
Врагов на путь неверный наведу.

И каждый по пятнадцати костров
Пусть подожжет, чтоб обмануть врагов.
А если меня спросят о винтовках,—
Что на костер одна, соврать готов.

¹ Алмамбет — иноземный богатырь в стране Манаса.

И стану уверять я казаков:
У каждого костра — сто храбрецов.
На смертный бой готовятся джигиты,
Оседланными держат скакунов.

Пока я буду это им плести,
Карателей стараясь сбить с пути,
Должны вы от погони оторваться,
Китайскую границу перейти.

Я лишь такой могу вам дать совет,
Ведь выхода иного больше нет.
Всегда так наши предки поступали
И добивались хитростью побед.

Погибнуть за народ я не боюсь!
Манаса светлой тени поклонюсь,
Пусть он благословит меня на подвиг
И новых сил прибавит мышцам пусть!

Джунуш, Антон и весь родной аил,
Я думаю, друзья, что хватит сил
Ради народа вынести все пытки —
Иначе б этих слов не говорил...»

Слова Мурата — гордые слова.
И только речь закончил он едва,
Антон подумал, восхищаясь втайне:
«Мурат напоминает хваткой льва.

Старик хранит упорство до сих пор,
И сам себе он вынес приговор». —
«Ба!» — тут старик Камбар воскликнул
громко.—

Да ты, Мурат, и мудр, и хитер!

Ведь жизнь твоя народу дорога,
А у меня твоей слабей рука,
И старше я тебя, Мурат, на много,
И, значит, мне быть в логове врага.

Я в жертву принесу себя, я стар.
Народу хочет послужить Камбар.

Он, может, станет черпаком с водою,
Которая потушит весь пожар!

Мурат в скитаньях дальних умудрен.
Пусть защищает он детей и жен.
И тайные пути ему известны!
Пока он с вами — будет жив Антон!»

Антон к Камбару радостно приник:
«Ты прав, Камбар, пускай Мурат — старик,
Но семьи лишь Мурат спасти сумеет:
Он знает все дороги напрямик!

Пусть беженцев он за собой ведет,
Пускай одно он из знамен возьмет.
Когда придет свобода,
Это знамя
Расскажет, как боролся наш народ!»

Антон немного помолчал, потом
Сказал:
«Тебя прошу я об одном,
Хотя не знаю, что жена решила,
Ты передай: пускай бросает дом.

И только с вами нужно ей идти.
Будь сам ее защитником в пути.
Пусть будет хладнокровна и спокойна,
Ведь все равно — заря ждет впереди!

Еще прошу тебя я передать,
Она надежды не должна терять.
Что б ни было — история народов
Ведь никогда пойти не может вспять!»

И каждый, кто слова его слышал,
Объятья раскрывая, одобрял.
И даже тот,
Кто потерял надежду,
После такого снова верить стал.

И люди от тепла и доброты
Почувствовали, как они чисты...

Мурат подумал про себя: «Свобода
Для всех одна, как горные хребты!»

И Алымкул тут улыбнулся чуть,
Сумев в мечты Мурата заглянуть.
Антон глядел с улыбкой,
И, казалось,
Разгадывал он судеб хитрый путь.

ПЕРЕД СХВАТКОЙ

I

Вот потянулись беженцы по свету.
На арбах — молодухи разодеты.
Верблюдицы плетутся звездноглазы...
Такого не случалось здесь ни разу!

На рослых скакунах — кто побогаче.
За ними — бедняки на тощих клячах.
А позади толпы — кто нищ и слаб.
Волы везут на спинах весь их скарб...

Как бедняки на клячах ни старались,
Но позади богатых оставались.
Бычки детей везли в густой пыли,
А вслед за ними взрослые брели.

Цель беженцев среди глухой равнины —
Словно прибоя темная пучина.
И смотрят с нескрываемой надеждой
Джигиты на сосновые дубины.

И кажется, весь свет, все мирозданье
Находится средь бляенья и ржанья,
От топота провалится земля.
Река Талаа-Булак летит, бурля.

Один сидит на телке среди пыли,
Другие — по два на хромой кобыле,
Под третьим же — конь ходит ходуном.
А остальные — позади, пешком.

Иные с яков свешивают ноги,
Навьючив на мохнатых скарб убогий,
И, кто откуда родом, узнают...
А матери над люльками пьют.

Лишь малыши одни забот не знают
И матерей за рукава хватают,
И просят есть с утра и допоздна,
И матери дают им толкана.

Другие же бегут быстрее к речонке
И воду в тюбетейки и в ручонки
Стараются побольше зачерпнуть.
И вслед за матерями — снова в путь.

То звонкий смех, то чьи-то оплеухи...
И закрывают лица молодухи.
А кто-нибудь, шутя, исподтишка
С коня стащить старается дружка...

Талаа-Булак! Идет на берег правый,
Жестокая, поспешно переправа.
Талаа-Булак, студеною водой
Ты раны бедным беженцам омой!

Конь у гонца запыхался, весь в мыле.
«Каратели Кыз-Арт перевалили,
Джигиты мне велели передать,
Что будут насмерть все они стоять.

Уже близки карателей отряды,
Немедля перейти границу надо!
Дан казакам приказ жестокий, дикий —
Всех порубить от мала до велика.

Недавно пушку изобрел Антон.
В заслоне ею каждый восхищен.
Та пушка косит казаков рядами,
Стреляя в них с кургана чурбаками».

II

Ночь... По ущельям, склонам и ложбинам
Людской поток идет сплошной лавиной,
Погоня нависает за спиной,
И беженцы — меж небом и землей.

Не замечают беженцы друг друга,
И кони ржут, шальные от испуга.
А выстрелы, что за спиной гремят,
Предупреждают их — враги спешат!
Спешат киргизы от лихой погони.
И все перемешалось: люди, кони.
И валятся уже верблюды с ног.
Плач. Суматоха. Крик. Переполох.

Ушли в Китай киргизы, приняв муки,
Чтоб жить вдали, с родной землей
в разлуке...

Сама земля позора устыдилась
И облаком от месяца закрылась.

По всей дороге казаны валялись,
Пиалы с гулким звоном разбивались,
И друг у друга каждый вопрошал:
«Наверно, судный день сейчас настал!»

Телеги, люди,
Скот — перемешались,
От топота их камни содрогались,
И волны поднимались на дыбы,
Похожи на верблюжьи горбы.

И жеребята, заблудившись, ржали,
Верблюды верблюжат своих искали.
И пастухи сновали взад-вперед,
Где чья стара — кто здесь разберет!

Что беднякам дорога эта судит!..
Вот плачут дети, выпавши из люлек.
И вдруг истошным криком закричит
Свалившийся со скакуна джигит.

Перепахали землю всю копыта.
Людской волной огромной степь залита.
Дремавшая веками тишина
Напряжена,
Как звонкая струна.

И громыхают глухо в реках камни.
За пыльными не видно облаками
Ни звездочки далекой, ни луны,
Ни горной вышины,
Ни целины.

И слушают, насторожась, косули
Людские волны возле Иссык-Куля.
И кажется косулям с высоты —
Сметет поток тот горные хребты!

А волки наострили сразу уши:
Им чудятся везде овечьи туши
И мертвые коровы, и быки.
И волки точат острые клыки.

И чайки с криком высоко кружатся,
Им с земляками трудно расстаться.
И всплескивают рыбы над водой,
Напуганы лавиною людской.

А утки, что на озере дремали,
Увидели,
Как запылились дали,
И, головы высоко приподняв,
Они людей с тревогой провожали.

А Иссык-Куль валы несет на берег
И пеною песчаный берег белит.
Вздывается озерная вода,
Прощаясь с беглецами навсегда.

И горы Ала-Тоо вопрошают:
«Откуда, враг какой вас изгоняет!»
Соскальзывает эхо с горных гряд:
«Прощайте, мы вас ждем домой, назад!»

Ручьи, что скачут с камня и на камень,
Горючими заплакали слезами:
«Хотя земли на свете нет родней,
Но сыновья должны расстаться с ней!

А сердцем кто с землею разлучится!
Сны возвращаться будут,
Словно птицы,
К вершинам этим голубым, сюда,
Преодолев и версты, и года».

ЖЕСТОКАЯ СХВАТКА

А командир карателей сурово
Напоминал слова приказа снова,
Которые он повторять привык:
«Язык картечи — вот войны язык!»

Приказ таков, и командир спокоен:
«Бунтовщикам мы пятый год устроим.
Не миловать, а яростно карать!
Солдат приказ обязан выполнять!

Доверюсь не коварству, а отваге,
Я буду верен до конца присяге!
Пусть мне придется трижды умирать,
Но честь мундира мне не запятнать!»

И офицер сказал: «Победа скоро.
Нам незачем вступать в переговоры.
Без передышки ночью бить и днем,
Пока восставших всех не перебьем!»

Разведчики назад не приезжали,
Напрасно их повстанцы только ждали,
Хотя прождали долго, но вестей
Разведчики давно не присылали.

Тем временем у трех дорог на стыке
Казачьи сотни беженцев настигли.
«Мы бросим против них все наши силы!» —
Решили непокорные айлы.

С тоскою люди думали устало
О том, что испытать им предстояло.
Камбар-старик, нахмурен и спокоен,
Напутствовал джигитов перед боем:

«Вы силою народною сильны!
Пусть предков дух поможет вам, сыны,
Сыны Нарына, Чу и Иссык-Куля!
Пусть не проходит мимо цели пуля!

Пусть ни один кныжал не будет поднят зря,
Пусть каждый мстью праведной горя,
Забудет страх...
Пусть во главе пойдут
Испытанные войны, как я!»

«Так встанем, — говорит Антон, — стеною,
Пусть враг заплатит дорогой ценою
За то, что убивал и жег айлы,
Что надругался над землею родною.

И нам, не им, помогут в битве горы,
Придут на помощь, будут нам опорой,
Когда же мы в бою исполним долг,
То встретимся возле горы Орток!»

По русскому обычаю обнялись
Антон и Алымкул,
Поцеловались.
С друзей киргизы не сводили глаз,
Увидевши такое в первый раз.

И пять стрелков с Антоном во главе
В обход ползком прокрались по траве
И по камням к карателям.
И вот —
Винтовка за винтовкой пули шлет.

Ползут враги — околыши их близко!
Кто перебежкой, пригибаясь низко,
Кто прячась за надежный круп коня
От меткого, прицельного огня.

Тем временем, пылающее кровью,
Спешило солнце к своему гнездовью,
И тучи, крылья распластав широко,
Пылали над вершинами Ортока!

И лишь успели выстрелы раздаться,
Пошли в атаку яростно повстанцы,
И громкий крик летит со всех сторон:
«Вперед, где Алымкул и где Антон!»

И всадники, подобные метели,
Пригнувшись к седлам,
На врага летели,
Казалось, гривы и хвосты коней
От яростного топота свистели.

А кто хлестал коня изо всей силы,
Мелькали палки и кривые вилы.
В руках — без наконечников шесты.
И толпы беспорядочно густы.

Кто рысью, кто галопом пролетает,
А встречный ветер гривы развеивает,
Прносятся джигиты, как пурга,
Навстречу дружным залпам, на врага.

Земля — полоской узкою под ними.
Шумят кусты курая на равнине.
Но мчат джигиты прямо на врага,
До боли сжата рукоять клинка.

Иные на клячонках отставали...
И в клубах пыли мимо пролетали,
Через убитых, камни и кусты
На скакунах все новые бойцы.

Но вдруг из-за бугра, у поворота,
Хлестнуло в них огнем из пулемета,
Косило их за рядом новый ряд...
Кто мчит вперед,
Кто повернул назад.

Но только пулемет замолк в засаде,
Повсюду грозно засверкали сабли,
Казачьи сотни мчат из-за бугра,
И вал за валом катится: «Ура-а-а!»

Казачьи и солдаты постарались.
Где мертвый, где живой — перемешались!
Одни кричат: «Назад, остановись!»
Другие же дубинами дрались.

Куда попало пешие стреляли.
Ломаясь, пики острые трещали.
А те, что скакунов своих лишились,
Взобравшись на бугор, камнями бились.

Казачьи пули в камни ударяли
И, искры рассыпая, отлетали.
Антон стрелял в упор, наверняка.
Уже мертвы два конных казака!

У Алымкула в прорези прицела
Холеная фигура офицера.
«Стреляй в него в упор», — джигит шептал.
Но тут же, в ноги раненный, упал.

И вот земля пошла в глазах кругами.
Казачьи на него летят с клинками.
Все ближе, ближе. Смерть со всех сторон!
Спешит ему на выручку Антон.

И на залун, что словно горб верблюжий,
Не выпуская из руки сружья,
Оперся Алымкул:
«Сил больше нет».
И потемнел в глазах весь белый свет.

«Наверно, души предков отступились.
Как храбро мы с казаками ни бились,
Но без винтовок мы обречены...
Каратели оружием сильны».

...С колена бьет Антон,
И у Антона

Кончаются последние патроны...
Патронов нет. Казаки невдали.
Он в них швыряет комьями земли.

Откуда эти пули прилетают
И землю под бегущими взрывают!
Одна, другая — в цель летят, слепя.
И все в тебя, Антон, и все в тебя!

Антон, словно подкошенный, упал.
Пытался приподняться, но не встал.
«Что с ним!» — мелькнуло в мыслях Алымкула.
«Прощай, Антон!» — он тихо прошептал.

Смешалось все: один хзатал другого,
Кто прятался у берега крутого,
А кто кричит: «Я — бий, прошу помочь!»
Никто не может страха превозмочь.

Солдат на Алымкула штык наставил,
Но тут Джунуш по голове ударил
Прикладом, и солдат к ногам упал...
«А ну-ка, Алымкул, — Джунуш сказал. —

А ну, садись быстрее ко мне на спину,
Тебя среди врагов я не покину».
Но Алымкул ответить не успел —
Мир сразу, словно сажа, почернел...

Уже в бреду он громко звал Антона...
То здесь, то там — предсмертный хрип
и стоны...

И никому нет дела, кто убит,
Кто раненый и брошенный лежит.

Вот ночь взмахнула темными крылами,
Покрылись, словно красными цветами,
Осенние отавы и кусты...
Убитых кровь — те красные цветы!..

Всю землю охватил, казалось, ужас,
От грома небо глухо покачнулось,
И хлынул, словно слезы неба, дождь.
Чьи это слезы — разве разберешь!

Ручьи вздыхают тихо: «Что творится!»
От стонов громких вздрагивают птицы.
Казалось, рыбы в горе и тоске
Впервые стонут в пасмурной реке.

И месяц, переплывший в небе лето,
Подбадривал народ каленым светом.
Кто победил, кто сломлен, побежден —
Об этом знает только посвист ветра.

АК-ОГУЗ

I

Ак-Огуз перевал поднялся круто.
Предания рассказывают,
Будто
Лишь с лестницами можно одолеть
Его камня, ржавые от крови.
Здесь ветры злы и холода суровы,
Здесь смельчаков ждала веками смерть.

Легенда сохранилась здесь такая.
Когда Тимур шел с войском из Китая,
Он перешел его в буран, впотьмах.
К камням его богатства примерзали,
И люди замерзали
И стояли,
Как будто часовые, на снегах!

Мурат запел, душою беспокоясь:
«Мужайтесь, одолеем мы Ак-Огуз.
Ак-Огуз — справедливый перевал.
Он беженцев не может встретить хмуро.
Не зря давно когда-то у Тимура
Сокровища Ак-Огуз отобрал!

Вас ждут бураны, пропасти, обрывы,
Так будьте осторожны и сметливы,
Держитесь все один за одного
У этого крутого перевала...

Вас испытаний ждет еще немало.
Я верю — перейдете вы его!

Забывчивость киргизам незнакома,
И сберегите вы семью Антона,
Как нам в последний раз он наказал.
Стопетьями в снегах дремучих кроясь,
Качает небо на себе Ак-Огуз!
Но вам под силу этот перевал!
Как будто он из каменного дыма,
Проходит солнце мимо,
Птицы мимо...
Пурга и та не может напрямик.
Завалами дороги перекрыты.
Здесь ледники срываются от крика.
Не зря же он—Ак-Огуз—Белый бык!

Круты подъемы и узки тропинки.
И что ни шаг—то камни, словно пики,
И каждая вершина—бычий рог.
Снега глубоки, льдины всюду шатки.
Уступы скользки и подъемы гладки.
Внизу — в холодном пламени поток.

Тысячелетний всюду пролит холод...
Архары стороной его обходят.
Мороз к нему лишь выюги приковал...
Немало мы намучились, немало,
Но это будет подвиг небывалый,
Когда мы одолеем перевал».

II

Скот из силы выбился и лежит,
Кровь сочится медленно из копыт.
Ни камчой, ни криком овец не поднять.
На огне буранном камень горит.

В жилах кровь смерзается. Силы нет.
В глазах помутился белый свет.
Будто снегом, кашаль горло забил.
За спиною выюга идет след в след.

Люди ободрились от песенных слов...
И вязали сетки из конских хвостов,
Чтоб солнце не слепило, выюга не жгла.
Надевали сетки вместо очков.

Вырывают ключьями мерзлую шерсть
Овцы друг у друга,
Чтоб тут же съесть.
Верблюды и коровы, упав, не встают.
Громкий крик предсмертный то там, то здесь.

В ярости зубами скрипят быки,
На месте покрутившись, на лед легли.
Под копытами густо краснеет снег,
В глазах застывает
Холод пурги.

Страшен Ак-Огуз, страшен, крут.
Понурые телята слепо бредут,
Зрачки вымерзают, впали бока,
Что ни шаг — валятся там и тут.

Кажется, им видится в мерзлых снах,
Как травы луговые скрипят на зубах,
Как они резвились,
Как паслись,
Пили воду пенную на лугах.

Кони, что на пастбищах выросли,
Холода и голода не вынесли,
И теперь лишь кости да кожа у них,
Ноги, словно жимолость, высохли.

Раньше появится возле тропы
Перекасти-поле —
Конь на дыбы.
Теперь появился бы даже волк —
Не было бы горше волчьей судьбы!

Греясь друг о друга, бредут стада,
Ничего не видя, кроме льда.
Остается только шерсть на пути.
Отовсюду вороны летят сюда...

На темном перевале вечер настал.
Небо индеет возле скал.
Негде укрыться от вьюг и стуж,
Но беженцы штурмуют тот перевал!

В пропасть они валятся среди темноты.
Берега у пропасти остры и круты.
Из коров и коней, из мертвых овец
Через пропасть беженцы строят мосты.

Последняя надежда... Но рухнул мост!
В ледяную пропасть, во мглу, в мороз
Сколько овечьих гуртов
И коней,
Сколько людских судеб оборвалось!

Даже самый ловкий спастись не мог.
Дикий, смертный ужас, переполох.
Перевал Ак-Огуз требовал жертв,
Словно ненасытный, страшный бог.

Мертвая дорога из мертвых тел.
Песню погребальную буран запел.
Извергая голос из-под земли,
Перевал Ак-Огуз, как бык, ревел!

Перевал Ак-Огуз — Белый бык.
Примерзает к скалам предсмертный крик...
Мало кто остался на нем в живых!
Перевал Ак-Огуз — Белый бык!

Четыре дня, покрыты мглой,
Боролись беженцы с пургой,
Четыре дня... И неизвестно,
Кто мертвый, кто еще живой.

Четыре дня пурга в упор.
Нет сил, чтобы разжечь костер.
Овечьи туши — в изголовье.
Четыре дня смерть среди гор.

И вот через мороз и жуть
Полуживые — снова в путь!

Не обойдешь смерть стороною,
Не разминешься как-нибудь!

И вновь пурга метет, пыля,
На землю беженцев валя,
И кажется, что навалилась
Всей тяжестью на них земля.

И кони падали на льду,
Оледеневши на ходу,
Другие падали за ними
В глухую бездну, в темноту.

И ни вперед, и ни назад
Ни скот,
Ни люди не хотят...
И колокольчики звенят
На тонких шеях жеребят.

И заблудившись,
Как в бреду,
Кричали люди в темноту.
Потом вокруг затихло сразу.
Одна пурга метет по льду...

Не видно ничего впотьмах,
Лишь черные снега в глазах.
И у людей, обнявших землю,
Смерть замерзала на губах.

В сугроб попал — ни встать, ни сесть.
Напрасно овцы быются здесь.
В снегу по брюхо замерзали,
В зубах зажав чужую шерсть.

И изваяния коров,
Застыв, белели среди снегов,
И жутким цветом оловянным
Пурга светилась из зрачков.

И кони среди этой тьмы
Подняться не могли с земли.

Где табуны их проходили —
Остались белые холмы.

Хотя собак буран иссек,
Заказав головы меж ног,
С извечной думою о мясе
Обнюхивали снег и мох.

Лишь якам не страшна пурга.
Подставив ей свои рога,
Они искали корм уперно
И рыли яростно снега.

И пропасти, и валуны
Одoleвать могли они
Одним прыжком.
И всем казалось,
Они метелью рождены.

В легенде говорит народ,
Что Белый бык еще живет.
Нет, дух его стал грозным яком,
Что согревается о лед...

IV

Вот над перевалом солнце встает,
Сразу веселее стал народ.
Перевал Ак-Огуз молчит, присмирел,
Снега присмирели, вытаял лед.

Перевал Ак-Огуз в снежной пыли.
Люди поднимаются с жесткой земли.
Поддерживая слабых и стариков,
На чужбину беженцы вновь побрели.

Вот Нурджан на плечи взвалила кладь,
Тянет за собою старую мать
И зовет жену Антона она:
«Вместе нам, Мария, легче шагаты!»

«Больно тороплива ты, Нурджан,
Чтоб не задохнуться, нюхай талкан,—
Весело смеется старик Мурат,—
А не то напустит бог буран».

Женский смех — как будто звенят ручейки.
«Разве ходят пешие так старики!!
На коне догнать вас мой сын не смог,
Видимо, из крыльев твоих чарыки!..

Видимо, Мурат, тебе лучше в лаптях!»
Мурат засмеялся, ускорил шаг,
Тут же, споткнувшись, свалился в снег.
Женщины руками всплеснули: «Ах!»

Еле-еле на ноги встал старик:
«Так и в пропасть можно напрямик!..
Надо торопиться нам, пока
Не взбесился снова Белый бык».

И заботы мучат старика.
Оглянувшись, смотрит на стригунка.
Не отстал ли, часом, Антонов сын!
«Видно, успокоился мальчик пока.

Все ж не захотели назад повернуть,
С нами разделяют нерадостный путь.
Хоть бы судьба ласковой с ними была,
Встретились с Антоном бы как-нибудь».

И жена Антона ведет, как в бреду,
Стригунка саврасого на поводу:
«Ты помог нам, добрый старик Мурат,
Ты от нас заботой отвел беду».

А когда слово «мама!» сын произнес,
В глазах ее вспыхнули тысячи звезд.
А кто-то не давал идти стригунку,
Ухватив руками его за хвост.

Солнце потускнело во мгле небес.
Темное пятно его —

Раны рубец.
«Неужели снова будет лурга!
Неужели всем нам погибнуть здесь!» —

Кулаки сжимает старик Мурат.
Твердым, словно камень, стал его взгляд.
Словно опрокинулась вся земля,
Вьюга зашумела — искры летят.

Ничего не видно даже за шаг,
Вьюга кувырдается в белых снегах...
Неужели снова ярится бык!
Неужели снова гибель и страх!

Снежная глыба скалы тяжелей
Падает на плечи бредущих людей.
Там, где было ровно, вырос сугроб.
Вьюга завывает еще сильнее.

Кто был сшиблен вьюгою наповал,
Тот с собою в пропасть других сметал.
Только люди все же были сильней,
Словно жизнь их вырубила из скал.

Вот жену Антона свалило с ног,
В пропасть потащил ее снежный поток...
Повод, что остался в ее руке,
Стригунка и сына в пропасть увлек...

А буран во мраке ходил ходуном,
Снег приподымая белым хвостом.
Ты свалил, Ак-Огуз, сильных, как львы,
Потому что люди идут напролом!

V

Мурат глядел на склоны и обрывы.
«Есть выход! — он промолвил торопливо. —
Есть выход!»
И повел Мурат людей
Средь пропастей, обрывов и камней.

Повел к вершине, где орлы гнездились,
Где тропок нет, где облака клубились,
Где лишь бураны белые летают...
Шагают люди — тропку пробивают.

И люди били скот над этой кручей,
На тушу тушу складывали кучей,
Карабкались по ним над крутизной,
Как будто бы по лестнице живой.

Тропа готова...
Встреченный метелью,
Кто послабей — срывался вниз, в ущелье,
А кто сильнее, последний сделав выдох,
Цеплялся за рога коров убитых...

Стада остались там, за перевалом,
Остались гибнуть на снегу подталом,
Лишь яки эту тропку одолели
И сделались седыми от метели.

Недаром же народ заметил это:
Как малое дитя, капризно лето.
Вот солнце оживило светом дали,
И люди обнимать друг друга стали.

НА ХРЕБТЕ

Высокий склон, как островок бесснежный,
Один стоял среди хребтов безбрежных,
А остальные склоны и вершины
Одел в снега метельный, злой поток.
Стоит Мурат, разгладилась морщина,
Мурату приглянулся островок!

«Что делать мне! Таков уж, видно, рок!
Что я скажу Антону как мужчине!
Мэл, не сберег жену его и сына
И даже их похоронить не смог...»

Лишь где-то глухо каркают вороны,
Безмолвие мертво легло на склоны.

Сорски то взлетают, то спять
Садятся.
Что их стрекот предвещает:
Несчастье или радость? Кто узнает,
Что могут они людям предвещать?

Мурат побрел неизвестной дорожкой.
Глаза горели, словно головешки,
Больные, воспаленные.
Вокруг —
Ни звука, ни души. Немые горы.
С ним посох — его спутник и опора.
Мурат не знал, куда пошел он вдруг.

И вот достигнул островка крутого,
Остановился, пораженный, снова.
Увидел мир из солнца, рос и трав,
Иной, неповторимый мир широкий
Среди земли, где горные потоки...
И все же сомневался: сон или явь?

Такое может в сказке лишь случиться
Или в кошмарном тяжком сне присниться.
Нельзя поверить, что недалеко —
Почти рукой подать —
Уныло рыщут
Могильщик-ворон да свирепый хищник
На маленьком и снежном острове.

Овечьи туши темные повсюду.
Вповалку — люди, лошади, верблюды.
В зрачках застыли оползни снегов.
Обнюхивали хищники, котили
И яростно между собой делили,
Зубами рвали этих мертвецов.

А шубы в стороне от них валялись,
Наверно, люди ими защищались,
Но не нашли спасения нигде,
А грифы между ними пировали,
Наевшись мертвечины, не взлетали,
Ходили, благодарные беде.

Тела на части волки разрывали
И от довольства сытого рычали,
И отливали мерзлой содиной.
Казалось, никогда не наедятся,
Хотя своей добычей гордятся...
Пируют волки над чужой бедой.

Лисицы и шакалы всюду рыщут,
Они добычу посылнее ищут
И бродят от горы и до горы.
И волчьим воем сотрясает скалы,
Хохочут дико злобные шакалы
И созывают стаи на пиры...

Увидев этот ужас, как в тумане,
Мурат заплакал горькими слезами,
Заплакал он от боли... И тогда
Вдруг кто-то прошептал ему, казалось:
«Ты знай, что кровь не даром проливалась,
Ты верь, Мурат, в грядущие года!»

«Ты на хребте, Мурат, один остался,
Хотя пробиться сквозь пургу пытался.
Ак-Огуз проклятья не страшны.
Бед и радость — вечный поединок.
И дней людских не меньше, чем песчинок.
Бед и радость — вечные они!

Но смерть нашла не всех у перевала,
В живых осталось все-таки немало,
Вслед за тобой, Мурат, перебрались.
Ак-Огуз отступил перед тобою...» —
Так мысли наплывали чередой,
Пока в душе совсем не улеглись.

Оледенев, сидит джигит с женою,
На труп верблюда опершись... С рукою,
Протянутой к жене,
Джигит застыл...
«Ак-Огуз встретил каменным нас градом
И смертью...
Так садись поближе рядом», —
Казалось, он ей это говорил.

О том, что смерть пришла, они не знали,
А просто, как обычно, засыпали,
Как где-нибудь когда-то у реки.
Так смерть пришла к влюбленной паре просто.
Ресницы их — словно пшеницы остья,
На лицах ни печали, ни тоски.

В глазах ее — застывшая улыбка.
На пальцах кольца. И на нитке зыбко,
Как земляники, бусинки висят.
О, сколько нежных слов сказать хотели
Они друг другу...
Только не успели.
Уста немые. И словно льдинка — взгляд.

И серьги-жемчуга еще качались,
И руки рук любимого иссались...
Плывет скала, как айсберг, далеко.
Над ними только сытый гриф летает
Да лают псы... Они не подпускают
К хозяевам убитым никого.

Но появился вдруг, нивесть откуда,
Телстак сутулый, рослый... Что за чудо!
Лицо лоснится сыто у него,
Глаза заплыли жиром, словно щели...
Стоит Мурат, своим глазам не веря,
Не понимая толком ничего.

Так кто же он! И что в ущелье ищет!
Иль это покровитель горной дичи!
С копытами стальными. Кто же он!
В руке его секира светит жутко,
Он потрясает переметной сумкой,
И взгляд, как у шакала, напряжен.

Он толст, как бочка. Волосы, как грива,
А щеки, словно два больших нарыва,
Он рыскает глазами, как шакал,
Он ходит возле мертвых. Что-то ищет,
Словно добычу чувствующий хищник.
Остановился вдруг, забормотал:

«Браслеты, серьги, кольца!»
Жадно, грубо
Стянул с джигита мертвого он шубу,
Ногою пнул его, в ухаб свалил.
И тут немедля у его подруги
Отрезал косы черные и руки,
Чтоб снять кольцо, секирой отрубил!

У старика Мурата в сердце порох
И пот на лбу,
Хотя жестокий холод
Льдом перевал Ак-Огуз заковал.
И старику Мурату показалось,
Что небо и земля перемешались,
И покачнулся он. И закричал:

«О, неужели правда это, люди!
Доколе тайно здесь глумиться будет
Над павшими бесстыдный этот тать!
И тут же смех веселый раздается:
«Ты поучись-ка мертвых раздевать!»

Мурат узнал его:
«О, как ни странно,
Но этот подлый человек — тот самый,
Что требовал Антона расстрелять,
Тот самый, что убить его грозился,
Он ждал удобный миг. Молчал, таился!
А ну-ка, руки прочь!» — кричит Мурат...

Стоит разбойник и не понимает,
Хоть руки мертвеца не отпускает:
«Ак-Огуз, верно, хочет пошутить!
Из племени Тыной мертвец, наверно,
У них характер, как известно, сиверный,
И мертвыми пытаются дерзить!»

«Нет! — камень закричал громкоголоса, —
Ведь не простят отрубленные косы,
Отрубленные руки не простят —
Задушен будешь этими руками!
Не сердце у тебя, а черный камень,
И проклят Богом будешь ты стократ!»

Он вырваться хотел из рук украдкой —
Не разжимал мертвец тяжелой хватки!
Они сошлись, словно гора с горой.
И вот на землю вместе повалились
И по камням в обнимку покатались.
Кричит разбойник в страхе: «Боже мой!»

А черный камень вдруг зашевелился,
И мародер совсем ума лишился,
Метнулся, как подстреленный медведь.
Метался он вслепую по ущелью.
Глаза его застыли, покраснели.
Не может ничего он разглядеть.

Упал он, от испуга заывая,
Покойника из рук не выпуская,
И на ноги вновь, зашатавшись, встал.
«Пусти!» — кричал он, дико озираясь.
«Пусти!» — кричал, о землю ударяясь.
И хохотал, и камни целовал.

Так продолжал метаться он в испуге,
Не замечая, что свободны руки.
Цеплялся за кусты то здесь, то там.
И корчился от бешеного смеха,
И крик его раскатистое эхо
Катило вдоль по скалам и горам.

Хохочет, словно черт его щекочет,
И щеки рвет когтями,
Громко просит:
«Пусти, пусти!»
Рвет на себе халат,
Качается, хватается за ветер,
Словно слепой... И даже не заметил,
Как подошел к нему старик Мурат.

Мурат взял за плечо его спокойно:
«Чего кричишь ты!.. Ведь не камень черный,
А это я с тобою говорил!»
Но тот о камень головою бился.
«Наверно, мародер ума лишился
И лишь «пусти меня» не позабыл».

«Пусти!» — вращает дико он глазами.
«Пусти!» — и бьется головой о камень.
«Пусти!» — тоски не в силах одолеть...
«Пустите!» — он кричит камням и скалам,
И столько страха в крике запоздалом,
Как будто он в глаза увидел смерть.

И мертвецы избавились, казалось,
От мародера этого...
Остались
Лишь темные следы его в снегах.
И снова к мертвецам с ближайших склонов
Слетались грифы сытые, вороны,
Усаживаясь вновь на мертвецах.

Не видя ничего, напропалую,
Бежал он в горы, на скалу крутую,
Бежал он ошалело, напрямик.
«Остановись!» — кричал Мурат в догонку.
«Остановись!» — кричал ему без толку.
Из пропасти донесся смертный крик...

В БОЛЬНИЦЕ

Антон очнулся — тьма перед глазами,
Как будто бы на веках тяжкий камень.
Он медленно открыл глаза с тоской
И сумрачно подумал: «Что со мной!»

Он снылся припомнить, что случилось,
Откуда на него беда свалилась.
Он голову с подушки приподнял —
И снова без сознания упал.

Который день в рот не берет ни крохи,
Лежит смертельно бледный.
И, в тревоге,
Старался старый доктор, чтобы смерть
Антон не сумела одолеть.

Он на больном испробовал все средства:
Давал лекарства для поддержки сердца,

К ногам больного ставил грелки он...
И день настал, пришел в себя Антон,
Очнулся, приподнялся, удивленный,
Лучом дневного солнца ослепленный.
На доктора Антон взглянул несмело:
«Кто этот человек в халате белом!»

«Кто вы! Скажите правду, что со мною!
Вон солнце светит ярко, как весною.
Как мог я здесь, скажите, очутиться!
Темно в глазах,
И потолок кружится...»
И доктор ему с радостным испугом
Сказал: «Ты чудом справился с недугом,
Я думал, ты на свете не жилец,
А ты пришел в сознание, наконец!

Бунтовщики убить тебя хотели.
Карательный отряд тебя привез.
Как в плен попал! Кто ты на самом деле!
Но можешь промолчать на мой вопрос.

Скажи спасибо, что в живых остался,
Когда в бреду пятнадцать дней метался.
Такое время, братец мой, теперь.
Ведь смуты не проходят без потерь!»

«Воды!» И доктор смотрит на больного.
«Воды! Не в силах я сказать ни слова.
Вы мне скажите, правды не тая,
Ведь это, доктор, вы спасли меня!»

«Я вас лечу четвертую неделю,
Хотя не знаю, кто вы, все же верю,
За вами ничего худого нет.
Но только с кем вы были — выдал бред!»

И на душе Антона стало горько,
И он увидел битву под Кочкоркой...
Вот он бежит в атаку. Видит все,
Все видит!.. И впадает в забытие...

А доктор головой седой качает.
«Где видел я его! — припоминает,
Перебирает в памяти года. —
Где мог его я видеть и когда!
В каком это году далеко было
И что его в больницу приводило —
Болезнь, беда ли! Или неуспех!
А, может быть, он большевик,
Из тех!..

Крестьянин он, всю жизнь проведенный в поле,
Или кузнец!
Ведь на руках мозоли!
На нем и одежонка так себе.
Но что я знаю о его судьбе!

Я должен быть предельно осторожен
И помнить, что никто узнать не должен,
О чем он бредил сутки напролет,
Болея за разгромленный народ.

Ведь все, что с человеком ни случится,
В бреду горячем снова повторяется.
Но если он киргизов защищал,
То как же в плен к мятежникам попал!»

Тут, в дверь не постучавшись, без халата,
Жандарм какой-то вдруг вошел в палату,
Спросил:
«Ну, как ведет себя больной!» —
И одеяло приподнял рукой. —
О, господин больной, а мы знакомы!
Друг друга вспомним потому легко мы!» —
«О, господи, — прервал жандарма врач, —
Так где же справедливости законы!
Больному вреден шум...
Ведь это вызов —
Сюда без позволения заходить!
Меня, вы не забудьте, знает пристав.
Да как же вы посмели мне дерзить!!

Когда б вы были у восставших пленным,
Они б вот так разделили и вас.

А если он у вас под подозрением,
То приходите все же в другой раз!..»

«Все выясним, узнаем, установим.
Таким, как он, не избежать тюрьмы.
А нам ведь вместе быть все время.
Словом,
Как жаль, что не такие все, как мы!

Быть может, поступил я грубовато.
Но я, как русский, правду говоря,
Скажу вам, доктор: все мы за царя,
Пока бунтуют эти азиаты!

Я по секрету вам скажу, не споря:
Мятеж киргизов—это капля в море.
Крамола и в России завелась.
Вы помните, как в пятом поднялась
Она, подобна пламени, не даром,
И если мы не кончим с тем пожаром,
Не умирим крамольный наш народ,
То без царя Россия пропадет!

Крамольники кричат на перекрестках,
Что власть они добудут все равно.
Кто хочет на небо взобраться—
Просто
Либо глупец, либо маньяк давно!

Подумать надо—наш народ упрямый:
Он разгромил потомков Чингис-хана
И на других врагов нагнал он страх,
С друзьями—друг он,
А с врагами—враг!

Все может сделать. Надо с мужиками
Быть начеку, чтоб не было греха.
Ведь, доктор, их умелыми руками
Подкована железная блоха!

Сейчас он разделился на две части.
Одни за нас, другие — против власти.

Один: «Царя!», другой: «Долой царей!»
Какая чаша будет тяжелей!

А если ваш больной на подозренье,
То это, правду говоря, не зря.
Ведь если рухнет трон, тогда со всеми
Что будет без закона, без царя!»

Он поклонился, щелкнул каблуками
И выпрямился:
«Вы, надеюсь, с нами!»—
«Я, сударь, откровенно вам признаюсь,
В политике совсем не разбираюсь.

Если по чести, господин жандарм,
И я скорблю, что льется кровь задаром.
Ведь наша жизнь и без того мала.
Достаточно на белом свете зла!

Чтоб люди ближних убивали просто!..»
Он снял очки, сверкнув глазами грозно.
Антон лежал и, что случится, ждал.
И думал про далекий перевал.

Жандарм же—воплощение закона—
Обшаривать, как вора, стал Антона,
Пока приказа он не отыскал,
Который сам Фольбаум подписал.

Приказ гласил: «Киргизов истребите,
Кибитки и имущество сожгите».
И полицейский думал: «Почему
Не доверяют все-таки ему!..»

И вот промчались дни за днями скоро
В сердечных и открытых разговорах.
И потемнели пашни и поля,
Размякла и оттаяла земля.

Еще снега растаять не успели,
Как первые затенькали капли,
А там уж половодие цветов,

И каждый ярок и златоголов!
Откуда они снова прилетели
В апрель широкий, из каких краев!

Зелеными иголочками в сырость,
В теплынь
Трава весенняя пробилась.
И жаворонки—вестники весны —
Слышны среди зеленой тишины.
И небо шумом крыльев огласилось
Средь солнечной и доброй тишины!..

Хоть шаг на костылях пройти попробуй —
Стоит Антон на костылях. И теплый
Луч солнца застревает в волосах.
И кудри, как каракуль, в тех лучах.
И рад Антон всему, словно ребенок,
Осколки солнца у него в глазах.

К скамейке, что под яблонею древней,
Где по листе разбуженной весенней
Летают ветерки, словно шмели,
Он прислонил тихонько костыли,
Взглянул назад, потом присел со вздохом —
И тени возле глаз его легли.

Читает он листок с немой улыбкой,
Тихонько что-то про себя шепча...
Но вдруг тревожно зазвучала скрипка
Из зерких окон старого врача —
Условный знак...
Вот скрипнула калитка,
И кто-то, сапожками стуча,
Внезапно появился из-за дома.

Кто это был! Все тот жандарм знакомый,
Который за Антоном приходил.
Приблизился и, честь отдав, застыл,
Как будто вправду уважал Антона.

Потом сказал:
«Ну, что я говорил!

Читаете вы, стало быть, листовки!
Знакомы вам, наверно, все улочки,
Не зря скучает по таким острог!
Так что прошу, отдайте мне листок». —
«Какой листок!» — спросил Антон невинно,
Как будто ему это неведомо.

Усы у полицейского трясутся:
«Вам хочется опять в острог вернуться!»
Усы его топорщатся, как пики.
Затопал он ногами:
«Что ты врешь!
Против тебя, ты знаешь, все улики,
Теперь ты от ответа не уйдешь!

Кто вы, социалисты, чьи бумаги
Повсюду тайно ходят!
Вы — бродяги!
Вы — пули, что стреляют в нас пока,
Стреляют в нас тайком, исподтишка.
Но вы теперь — после пожара уголь,
И гибель дела вашего близка!

Сейчас в моих руках ты. И без толка
Зачем ты отпираешься так долго!
А знаешь ли, что я нашел в тот раз
В твоём белье Фольбаума приказ!
«Приказ! — Антон смеется над жандармом. —
Не знал я, что улика он у вас!

Ты мнишь себя блюстителем закона,
А ты всего лишь белая ворона.
Ты мнишь себя воршителем судьбы,
Твои улики попросту глупы!
Мне незачем выслушивать наветы,
Когда их сочинять начнут дубы!»

Антон с усилием встал при этом слове
На костыли. И гневно хмурит брови,
Глаза сверкнули яростью. И вот
Из дома громко донтора зовет:
«Покорнейше прошу вас, принесите

Прощение. Пусть этот тип прочтет.
Прочтите, я прошу, без промедленья
Вороне этой вслух мое прошение,
Изрядно он допросом надоед,
И чтоб соваться больше не посмел
Туда, куда не следует, свинья,
Пусть из него поймет он, кто же я!»

Пенсне с цепочкой доктор надевает
И щурится, и медленно читает
Среди настороженной тишины.
Сначала длинно он перечисляет
Фольбаумские титулы, чины
И на жандарма взгляд тайком кидает.

Антон прервал с притворною досадой:
«Всех титулов перечислять не надо,
Читайте только медленней чуть-чуть,
Чтоб этот тип хотя бы понял суть,
Пускай поймет, идет какая смута,
Авось, понятно станет что-нибудь.

Авось, поймет, пока еще не поздно!..»
Антон закрыл глаза. И стало грозным
Его лицо. И сам он побледнел,
И от волненья стал жандарм, как мел,
А доктор, вновь поправивши пенсне,
Читает громко в чуткой тишине:

«... Вам, генерал, судьбу свою вручаю,
Вы милостью своей известны краю,
Всем. И потому любой приказ,
Который лично исходил от вас,
Нас подымал на бой с бунтовщиками
И вдохновлял, и ободрял всех нас.
Восстанье было, словно половодье,
Мы будем помнить век об этом годе,
Когда, предав аилы все огню,
Мятеж мы подавляли на корню.
А нас, солдат, всего полсотни было,
Но ваше слово в бой с врагом водило.
Как верные приказу, бились честно,

Но враг на нас поднялся повсеместно.
Мы сделали в бою все, что могли,
Но сила силу ломит. Полегли
Почти что все, солдатский долг храня,
И раненого взяли в плен меня...
Мне бог помог в моем великом горе —
Карательный отряд настиг их вскоре
И в беспощадной битве у предгорий
Бунтовщиков киргизских разгромил.
Я нашими среди мертвых найден был
На том кровавом и жестоком поле!
По форме доложу, когда мы дрались,
Все документы где-то затерялись.
Нашли при мне один лишь ваш приказ —
Он мне помог и от расправы спас.
Израненный, забытый и бесправный,
У одного врача живу сейчас.

Не потеряй сознания — отстреляться
Сумел бы, может быть...
Не мог связаться
По телефону с вами я тогда —
Враг злобный перерезал провода.
И вот пишу письмо — не оправдаться,
А отчитаться. Ни пятна позора
Нет на моем мундире...
Вы — опора,
Нижайше вас прошу сейчас о том.
Пусть помогает вам господь во всем.
Я не в ладу со здешним полицейским,
Невеждой оказался он притом.
От общества его прошу избавить.
Пора невежде место указать.
Над офицером слезку учинять!!
Что мы разбиты были, разве вправе
Кому-либо как офицер сказать!
Присяге верен я и нашей славе!
Как дворянин потомственный и воин
За воинскую честь свою спокоен,
И преданность солдатскую свою
Я доказал в неравном том бою.

И за всю жизнь свою я возмущен впервые,
Что я под подозреньем состою...»

«Довольно!—тут сказал Антон сурово
И вынул лист бумаги. —
Слово в слово
Читай вот это и нищи улик!
Но помни—я к токому не привык!
Я возмущен провинциальным хамством
И тем еще, что груб ты на язык!»

Поднять глаза не смеет участковый.
Ему теперь казано, что суровый,
Разгневанный и яростный старик —
Не кто иной, как в генеральском чине.
И участковый по такой причине
От страха верноподданного сник.
В глазах его мир покачнулся зыбко:
«Простите, просто вышла здесь ошибка!»

Ведь это делал я по долгу службы.
А служба, сами знаете, колы нужно,
То даже можно выпить яд подчас.
Быть бдительным—по нашей это части.
Теперь же—целиком я в вашей власти,
И слово ваше каждое—приказ!»

Антон подумал: «С этого довольно». —
И с холодком махнул рукою: «Вольно!
Ты глуп еще! Усердствуешь ты слишком.
Ведешь себя на службе как мальчишка!
А мне сейчас покой необходим.
Учти, с тобой потом поговорим!»

Жандарм свое «начальство» ест глазами.
Вот отдал честь, пристукнув каблуками,
И вытянулся в струнку перед ним:
«Так разрешите мне идти!»
И браво
Вниз руку спустил он по уставу —
Ведь как-никак, а все же старший чин!

Вверх подбородок, грудь же—вперед.
Антон сказал с усмешкою: «Иди!»
И стал читать листок. А вслед добавил:
«Да за крамелой хорошо следи!»

А доктор тяжело вздыхал и нервно
Бородки клин все время теребил:
«Я думал, отберет листок. Назерно,
Тогда б тебя в тюрьму он засадил.
Но ты находчив, где с тобой тягаться!
А я бы мог здесь сразу растеряться.

Такой, как ты, в несчастье не сдается,
Недаром волос твой упрямо вьется,
Упрямо вьется, как у Спартака.
Судьба твоя высоких слов достойна.
Слова, что ты в бреду твердил упорно,—
Это слова, Антон, большевика».

Антон смеется снова, как ребенок,
И смех его стремителен и звонок.
И, словно смех Антона услышав,
Тут полицейский тупо оглянулся,
О придорожный камень спотыкнулся,
Подумал он: «А может, я неправ!»

«Да, это верно,—тут Антон заметил. —
Вы записали все, когда я бредил,
И слово в слово мне потом прочли.
Все это правда, что вы говорили.
Вы вместе с тайной жизнь мне сохранили.
Спасибо, доктор, вам, что помогли.

И незачем играть мне с вами в прятки,
Для вас я, доктор, больше не загадка,
Не все такие добрые, как вы.
Нас, доктор, это время не спомило,
И многому оно нас научило
И многого лишило нас, увы!..

Народ еще забит, не понимает,
Какое время ныне наступает,

Он не решил своей судьбы пока.
Ведь царская политика—сурова.
Но верю я, что сбросит он оковы
И обретет свободу навека!»

«Наверно, большевик вы убежденный,—
Врач с уважением сказал Антону. —
Признаюсь вам, что не был я знаком,
Пока что ни с одним большевиком.»—
«Нет, я не большевик, но с ними вместе
Хочу идти всегда одним путем!

Недаром же во времена крутые
Написано: «Немытая Россия».
И суждено нам, доктор, может быть,
Таким, как мы, решиться и однажды
От грязи и от нечисти продажной
Ее лицо прекрасное отмыть!

И знаю я: вы с чистою душою
Разговорились обо всем со мною.
Вы—за киргизов так же, как и я.
И если мы, все русские, как братья,
Раскроем честно им свои объятья,
То будем с ними, как одна семья.

Народ киргизский, как дитя, наивен
И многое понять пока бессилен,
Он мужиков считает за господ.
И все же из киргизов самый бедный
Поделится лепешкою последней,
А если ты в беде—не подведет.

Среди киргизов жил я четверть века.
И всей душой их полюбил за это, —
Сказал Антон, —
Нельзя их одолеть.
В тяжелый час невзгод и испытаний
Поднимут все до одного восстание.
Недаром клич киргизов: «Жизнь или смерть!»

Так вот, если подумаешь—все это
Хорошие и добрые приметы.

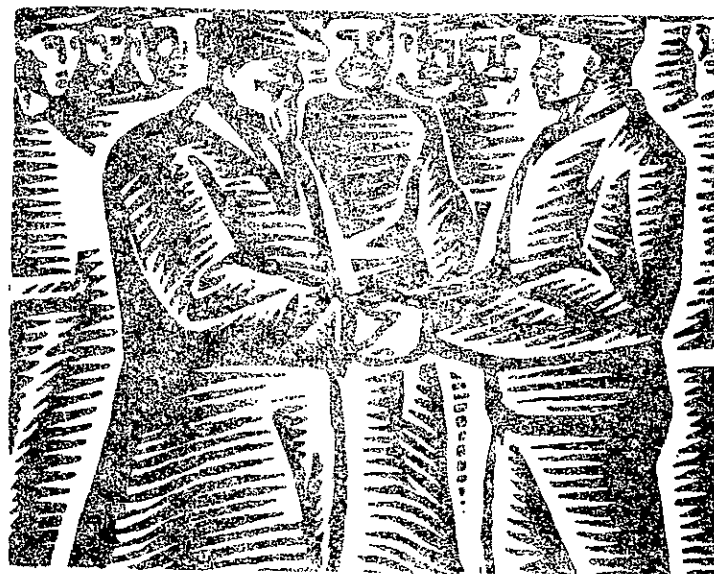
Не зря в Пишпекке средь мастеровых,
Средь мыслящих пюдей, могу признаться,
Есть, доктор, большевистская закваска,
И бой пойдет на рубежах иных!

Вот, — вытащил листок он из кармана, —
Это листовка, доктор, как ни странно,
Та самая «крамольная» и есть,
Та, за которой столько дней недаром
Охотился старательный жандарм.
Я все-таки успел ее прочесть!

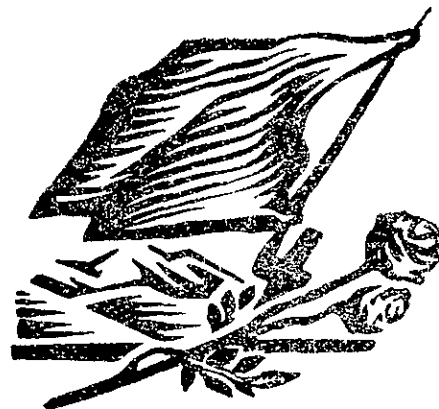
Вы видите, от вас я не скрываю
Того, о чем я думаю. И знаю,
Что я обязан, доктор, жизнью вам,
И честью вам обязан, и судьбою.
И если я чего-нибудь да стою —
Я благодарно жизнь за вас отдам.

Теперь, я вижу, вы хотите взяться
Вновь за бинты мои и за лекарства,
Чтобы скорее раны залечить.
Спасибо за лечение и советы.
Хотя не в состоянии за это,
За все сейчас я, доктор, заплатить!..»

И доктор поглядел—глаза суровы —
На своего больного снова: «Что вы!
Мой долг такой — я помогаю вам!..»
Антон смеется весело и долго:
«А знаете ль, я думаю, неплохо
Пойти к друзьям своим, большевикам!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗНАКОМСТВО

Вот до Текеса довела
Тех беженцев беда,
И разбрелись, и разошлись
Киргизы—кто куда.
Земля чужая...
Кто тебе кусок лепешки даст!..
А кто богаче —
Тот подальше старался быть от глаз,
От глаз голодных,
Что просили лишь одного: поесть!..
И около богатых юрт
Старались все осесть.

Лишившись крова и добра,
Скот потеряв в горах,
Всех родственников растеряв,
На клячах кое-как
Токо, Джунуш и Алымкул

Поздней всех добрели
К границе, где Текес-река
Вся в пене, как в пыли.
Страшна крутая быстрина,
Темна Текес-река...
И встретились им на пути
Два мудрых старика.
«Мы встали насмерть на пути
Жестокого врага,

И каждому из нас была
Свобода дорога!
На ваших лицах—доброты
И мудрости печать.
Скажите, старцы, кто же вы
И как народ ваш звать!
Что за земля лежит вокруг,
Покрытая травой!
Что за хребет невдалеке
Под снежной пеленой!»

И вот один из стариков
Хитро сощурил глаз:
«Послушайте меня, сынки,
Послушайте рассказ!
Кто я? Я—старый манасчи.
Верны мои слова.
Земля, что удивила вас,
Джигиты, такова:
Здесь нет ни щебня, ни болот,
Здесь—теплые дожди,
Земля тучна и зелена
От зарослей джиды,
Земля, где радуется урюк,
Где радуга арчи,
Где звонко падают с горы
Прозрачные ручьи
И где ковыль растёт по грудь,
Где посреди лесов,
Как колокольчики, звенят
Лишь песни соловьёв,
Где жаворонки славят жизнь
И солнечно поют

И где непуганные птицы
Спокойно гнёзда выют,
Где золотистые птенцы
Сидят, напряжены,
Где гуси ходят по лугам,
Качаясь, как челны.

Земля стремительных чинар,
Летающих в облака,
Земля серебряных берёз,
Стареющих века.
Где в чащах быстрые олени
Тень носят на рогах,
Где яки, сутки проплутав,
Скрываются в кустах...
О первозданная земля,
Леса, луга, хребты,
Земля без края и конца—
О, как прекрасна ты!..

Летит, бурлит река века
Горам наперерез.
А разольётся—то похож
На океан Текес.
И, вырвав с корнем тополя,
Уносит их с собой.
Не зря называли в старину
Ее Текес-рекой.

Ее притоки по камням
Летят, как скакуны,
И словно всплеск огромных крыл,
Всплеск белой быстрины.
Когда настанут холода,
Когда земля во льду,
Здесь птицы падают без сил,
Замерзнув на лету.
О древняя земля Текес,
Земля орлов и скал!
Никто великих тайн твоих
Покамест не познал.
Когда летит река Текес,

Поет ее струя
И извивается она,
Как серая змея.
А по краям ее—вода
Зыбка, словно челнок,
Вздываются ее валы
И рвутся на восток.

Послушайте меня, сынки,
Послушайте опять,
Еще о многом вам хочу
Сегодня рассказать.

Здесь, где текесская земля,
В дремучие года
Жил легендарный Конурбай
И вся его орда.
Наверно, помните, сынки,
Алгара-скакуна!
Когда на нем был Конурбай —
Звенели стремени!
Вы знаете—был Конурбай
Крутой и грозный хан,
Носил он косы на спине
Тугие, как аркан.
Носил всегда в руках с собой
Свой меткий очагор,
И это грозное ружье
Все помнят до сих пор.
Носил на колпаке своем
Он изумруд-шокет.
Он нападал, словно дракон,
С ним бился Алмамбет.
Он гнал калмыков, как овец,
Все на пути крушил.
И он Манаса самого
Смертельно поразил.

Вот эта местность—Чон-Копо,
Где свищут стаи птиц,
Где чернобуры облака,
Словно меха лисиц.

Там змен, как аркан, крепки,
Там волки среди скал.
От этой местности сюда
Доходит перевал.
И вдаль на запад от нас
Течет разлива дельта,
Где сын Карима—Мурзалин
Был грозный властелин,
Который против Семетей
Водил свои войска.
Был за его спиной всегда
Оуряд из сорока,
Из самых сильных и отважных
На быстрых скакунах!
Он сотни пленниц в жены брал,
Повсюду сеял страх!
Уч-Моюнчу и Кок-Терек —
Благословенный край,
Здесь люди сильные живут
Из племени Юнзай.
На луговинах различных
Свою проводят жизнь.

Они спускаются зимой
На пастбища Джылдыз.
Но после сена никогда —
Есть корм всегда окрест!
Они не любят загонять
В загон, как мы.
Овец!
У них пастбищ добой—овцы
Уже с ребячьих лет.
У них конюют бедняки
За богачами испод,
Чтобы кормиться кое-как,
Их табуны слез,
И все же в щедрой доброте
Им отказать нельзя.

И если кончатся унаты
О спутнике моем,
Я по порядку расскажу,

Сыны мои, о нем.
 Вы не узнали старика
 С бородкой в три клока?
 Акын известный Эсентай
 Из племени Кызай!
 С ним спутник—верная домбра,
 Где струны, как пурга.
 Как запоеет—то с языка
 Слетают жемчуга.
 И разлившая песнь его
 Горячим бьет ключом!
 И состязаться он готов
 Всегда с любым певцом.
 Он песни гонит пред собой,
 Словно чабан стада,
 Он каждой думою со мной
 Поделится всегда.
 Он до конца мне жизни друг,
 Всегда помочь готов,
 Акын известный Эсентай.
 Вы знаете—он таков!

И ваш далекий Иссык-Куль
 Мил сердцу моему.
 И вашу горькую беду
 Без лишних слов пойму.
 Я вижу—ранен ваш смельчак,
 Пусть так его зовут!
 Но бог—он жизнь вам сохранил,
 А раны заживут.
 Так заверните в наш аил —
 Вас ждет уют вокруг,
 Вы приведите к нам детей,
 Старух и молодежь...»
 И тут ответил Алымкул:
 «Вы:—горные цветы,
 Исходит от бород у вас
 Сиянье доброты.
 И рады мы от всей души,
 Что встретили вас здесь,
 Хотя разбрелся наш народ
 По всей земле Текес.

Вы приглашаете к себе
 Детей и стариков.
 Спасибо вам за доброту,
 За то, что дали кров!
 Даже во сне не разглядим,
 Где дети, где друзья.
 Никто не может нам сказать,
 Жива ль ваша семья.
 Мы день и ночь сюда брели
 И выбились из сил.
 Не высыпались мы давно,
 Оставив свой аил.
 Нам говорили старики,
 Желая нам добра,
 Что будем мы теперь бродить,
 Бездомные ветра.
 Мы за свою свободу шли
 На справедливый бой,
 Мы защищали, как могли,
 В боях народ родной.
 Наверно, и для вас звучит
 Свобода—уроят.
 Она для нас была зарей,
 И мы придём назад,
 В свои края, я и друзья,
 В край горной синевы,
 Я и друзья—Джунуш с Токо,
 Кочевники, как вы.
 Мы с иссык-кульских берегов,
 Мы просим вас в тоске:
 От горя нас и от беды
 Спасите, абаке...»

РАССКАЗ АЛЫМКУЛА

И каждый день из всех краев окрестных
 К седому старику Исе-текесцы
 Шли, торопились все до одного
 Проведать Алымкула своего.

Над очагом кружатся искры снова,
 Искра над юртой гаснет, горяча,

И кто-то из сидящих вставил слово
О том, как хорошо горит арча.

Джигиты в каждой песне и рассказе
О прошлом говорили допоздна.
Волнуясь, вспоминали о Манасе,
Манасовы седые времена.
И вот Иса поднялся тихо с места,
Запел «Манас» он, струны шевеля:
«От древнего Таласа до Текеса
Простерлась вдаль Манасова земля».

Увлечены чудесными словами,
Сидят джигиты горными орлами,
Готовы сесть на быстрых скакунов,
Чтоб только пламя шло из-под подков!

Когда Манас терпел вдруг пораженья —
Сидели все в немом оцепененье.
«Вот, если б не обман Манчжу, то он,
Манас, никем бы не был побежден!»

А если же киргизы побеждали —
Джигиты загорались, ликовали.
Бакаями¹ сидели старики
И молодежь речами поучали.

А старый говорун чернобородый,
Пересчитав богатырей народа,
Пошевелил огонь в костре, вздохнул:
«Пусть о себе расскажет Алымкул!»

И Алымкул в раздумьи великом
Сидел и представлял себя Сарыком,
Сподвижником Манаса с первых дней,
И за собою вел богатырей.

И, словно глядя в даль, глаза сощурил:
«Я б был судьбой доволен, если б умер

¹ Бакай — персонаж эпоса «Манас», символ мудрости.

В тот час, когда я слушаю рассказ
О том, как побеждал врагов Манас.

Что рассказать! Не знаю сам, джигиты,
Ведь жизнь моя ничем не знаменита,
И смолоду меня со всех сторон
Жизнь жалила всегда, как скорпион».

Старик Иса в огонь кизяк подбросил:
«Ты должен говорить, когда мы просим,
Не обижай своим отказом нас,
Текесцам интересен твой рассказ».

В сто глоток «Расскажите!» прозвучало.
Вот кто-то поправляет одеяло
На Алымкуле бережно в углу...
«Ну, что же, расскажу я, как могу.

Наверно, без удачи я родился,
Грудным ребенком матери лишился,
А в восемь лет остался без отца,
И стал я жить у брата, сирота.

Хотя идет теперь мне двадцать пятый,
Но помню хорошо я эту дату,
Когда я стал учиться у муллы,
Что с черной палкою ходил горбатой.

Был озорным, но хорошо учился.
И вот тогда я крепко подружился
С Джунушем и Джапаром с первых дней.
И не было ребят, чем мы, дружнее!

Заносчивый Ашим учился с нами,
На нас всегда бросался с кулаками,
Равесников он на смех подымал
И всех людей ниже себя считал.

Прошли года — и бросил я ученье,
Ведь впроголодь пришлось нам жить все время.
И клячу брат мне где-то приобрел.
Потом я вскоре в пильщики ушел.

И я работал весело и споро...
Однажды брат сказал мне: «Съезди в горы,
Ведь должен отдохнуть ты, наконец!»
И я его послушался, глупец.

Когда домой с сыртов я возвращался,
Мне сообщили люди: брат скончался.
Товарищ—пильщик мне тогда сказал:
«Крепись, дружок. Бог дал—и бог забрал!»

С тех пор душа моя болит, как рана,
Два года я с Андреем и Иваном
Без отдыха старательно пилил
И навещал лишь изредка аил.

Наш род был беден. Потому порою
Любили издеваться надо мною.
Однажды, заступившись за свой род,
Я сдачи дал обидчику...
И вот

Сказали, одобряя, аксакалы:
«Вернись в аил, не шляйся, где попало,
Ведь грамотных джигитов разбитных
Таких, как ты, в аиле не бывало».

Подарен был аилом конь ретивый,
И стал я отвечать на силу силой,
И где б ни приходилось мне бывать —
Ни в чем не посрамлял я честь аила.

Я ездил на поминки в час суровый
И на пирах расспрашивал о новом,
Где почитать привыкли с давних лет
Правителей, певцов и острословов.

Я видел, как правители решали
Свои дела, а сами пировали.
Серебряную ставили печать
И судьбами простых играли.

Бывали на пирах и на поминках
Почти что все—от мала до велика,

Но в стороне сидели бедняки,
Отдельно от других сидели тихо.

Картина эта мне казалась странной,
Я голову ломал себе упрямо
И думал: «Почему же разделен
Народ всегда на два враждебных стана!!»

Сынки богатых ссоры затевали,
По пустякам любого избивали,
На игрищах встречая бедняков,
Презрительные клички им давали.

Но как меня затронуть ни старались,
А все же не могли—видать, боялись.
Я никому пути не уступал,
Всем боязливым сверстникам на зависть.

Был как-то пир устроен богачами,
Затеяли джигиты козлодранье.
Вот подстегнули яростно коней.
А ну-ка, покажите, кто сильнее!

Вот доскакал Абыл до этой туши ...
Круг всадников горячих уже, уже ...
И тут Ашим обычай наш забыл —
Коня Абыла под уздцы схватил.

Конь в сторону отпрянул, словно птица,
Абыл не смог за тушу ухватиться.
И тут Ашим стегнул коня камчой,
И под Абылом вздыбился гнедой.

Тут закипела ярость у Абыла —
Была задета честь всего аила.
«Бить надо так!»—и со всего плеча
Упала на обидчика камча.

...И вот мы разделились на два стана,
Заполнил гул воинственный поляну.
Со всех сторон кипит уже вражда:
«Не будет примиренья никогда!»

«Из твердого—казан пусть уцелеет,
Из мягкого—пускай одна зола!»—
Иричит Толек подручным, багровея,
Так в злобе конь кусает удила.

«А ну, джигиты, вы сильны не даром,
А ну, дерите бороды у старых,
Конями затопчите молодых!
И не жалейте никого из них!»

И стала вооружаться вся округа.
И вот пошли айлы друг на друга.
Сжимаются упрямо кулаки ...
Но между нами встали старики.

... Четыре старика несокрушимы:
«Должны мы крепко пристыдить Ашима,
Чужого скакуна ударил он
И тем нарушил древний наш закон».

На стороне Ашима трое было.
И лишь Мурат на стороне Абыла,
И старик решил, что сполна
Заплатит тогуз¹ наша сторона.

«О Боже, разве это справедливо!»—
Мурат тогда воскликнул.
Но не в диво
Лишенье это было беднякам,
Ведь надо подчиняться старикам!

Хотя Ашиму выкуп мы отдали,
Но время шло—айлы враждовали.
И все ж, простить нам бай не могли —
В Сибирь меня с Абылом уехали.

Как будто человека мы убили!
Схватили нас и руки нам скрутили.
К тому ж сильнее вспыхнула вражда
С Ашимом
Из-за девушки тогда ...

¹ Тогуз — 9 голов каждого вида скота.

Нас в кандалы жестоко заковали —
Нам шага они сделать не давали.
И нам хотелось лечь и умереть,
Чтобы таких мучений не терпеть.

В холодных и сырых землянках жили,
Подушками нам кулаки служили,
Постелью теплой нам земля была ...
Нас только смерть освободить могла.
И с нами вместе обживали нары
Там русские, узбеки и татары.
Со всех краев согнали их туда,
Где солнце замерзает в холода.

И мы уже тогда с Абылом знали,
Что самых пучших в глушь, в Сибирь сослали,
Всех самых лучших, кто в года невзгод
Стеной вставал за бедный свой народ.

Я подружился крепко с Железновым,
Был Железнов большевиком суровым,
Казалось мне—он сердце прожигал
Своим крутым и справедливым словом.

«Ты с произволом встретился жестоким,
Пускай послужит он тебе уроком,
Сама свобода не придет к тебе,
Свобода достигается в борьбе!»

Он говорил: «Чтобы помочь народу,
Ты должен обрести быстрее свободу!»
Я реку переплыл ночной порой —
И вот попал на родину, домой!

Но мне пришлось скрываться от закона,
Не дома у себя, а у Антона,
Он нашей давней дружбы не забыл.
И жил я у него, как будто дома.

Вернулся я назад в такое время,
Когда народ мой, потеряв терпенье,
Со всех ущелий и со всех долин
Поднялся за свободу как один.

О наши братья кровные, текесцы,
Враждующий с народом хан,
Известно,
На верную погибель обречен!
Наш царь жесток—и зашатался трон.

Как видите, трудна моя дорога,
Пришлось хлебнуть мне горя очень много,
Россия сбросит тяжкий гнет цепей,
Чтобы омыться кровью богачей.

Россия! Поле, солнцем залитое!
Она для нас—гнездовье золотое.
Нас разлучила не вражда с тобой,
А царский гнет тяжелый, вековой.

О гости! Аксакалы и джигиты,
Мелькают дни, как конские копыта.
Лишились мы отцовского гнезда,
Нас привела к вам горькая беда.

Но, братья, я поверил всей душою,
Мы все сейчас—перед большой зарею.
И знаю, братья, я наверняка —
Свободу обретем мы на века!»

РАССТАВАНИЕ

Вот долину покрыла пурга —
Не видать за четыре шага,
Только белый завьюженный снег,
Только каменные вороха.
Горным птицам сейчас хуже всех —
Они с криками ищут ночлег.

И без корма дрожат скакуны,
Вместо неба—одни валуны,
Вместо поля—из снега пески,
А у беженцев ночи темны.
В норах женщины и старики
Ожидают весны, как сурки.

Плети ветра по лицам секут.
Голод ходит меж беженцев, лют,
Словно он говорит среди тьмы:
«Это вам наказание за бунт!»
Посредине суровой зимы
Лишь могильные встали холмы ...

Голод к беженцам бедным жесток,
Просят милостыню—хлеба кусок
Или горсть талкана у людей.
Голод валит бессильного с ног
Возле чьих-то закрытых дверей.

По Китаю всему в этот год
Прокатился шугой недород.
Погибают в ущельях стада,
Вымирает повсюду народ.
А для беженцев эта беда
Только смерть, только гибель несет.

Жизнь идет—от беды до беды,
Не накормят голодных мечты,
Не согреет бездомного сон.
Вся еда—только кружка воды.
В край чужой мой народ занесен,
Ожидает хороших времен.

* * *

Алымкула тяжесть гнетет.
Память мерзнет, как будто лед,
Память мерзнет—и тает опять,
В сердце рана не заживет,
Зубы стиснуты—не разжать,
Дальше некуда отступать.

Вдруг на улице голоса
Услыхал он... Открыл глаза,
На постель больной оперся
И подался плечом вперед,
Словно он закричит вот-вот.

Он с дверей не спускает глаз,
Кто узнает, о чем сейчас
Он задумался! Боль в ушах.
Вспыхнул свет в глазах. И погас.
Словно это беркут в горах
Приготовился сделать взмах.

Но бессильно руки лежат ...
Темнотою подернут взгляд.
«Это все наяву иль во сне!»
Вот откинулся он назад,
Крикнув: «Что ж, заходи ко мне!
Закаляется сталь в огне!»

Вот зашел Джунуш.
Алымкул
К другу голову повернул,
Тяжело приподнялся он,
Руку слабую протянул,
Улыбнулся ему с трудом
И бессильно упал потом ...

И на друга Джунуш глядит,
Сердце сжалось. Душа болит.
Слез не может он удержать:
«У тебя ныне лучше вид!»
Помолчал чуть-чуть и опять:
«Я пришел тебе рассказать ...

То прозрачна, то вновь мутна,
То тиха, то грозна волна.
Так и жизни тяжелый путь:
Если горсти нет талкана —
Жизнь заставит с пути свернуть,
Чтобы в яму тебя толкнуть!

И хотя сказать нелегко,
Батраком стал наш друг Токо,
Ведь семья что-то есть должна!
А богач обязал его:
Он два года за скакуна
Отработать должен сполна.

Да, безрадостно, тяжело
Много времени протекло.
Как же мне без тебя уйти!
Нам здесь голодно—не тепло,
Ни одежды нет, ни еды ...
Я тебя еще подожду!

И хотя мы с тобой бедны,
Я останусь здесь до весны,
Чтобы здесь тебе помогать,
Знаю, скоро промчатся дни,
Нам осталось немного ждать —
И вернемся домой опять!..»

«Нет!—сказал Алымкул.—Забудь.
Перебьюсь здесь я как-нибудь.
Наши семьи отыщет кто!
Так что ты отправляйся в путь!
Если будет мне нелегко,
То придет на помощь Токо.

Вот тебе мой, Джунуш, ответ...
А умру—исполни завет:
Будет сын у сестры твоей —
Назови ты его Белек!
Как положено у друзей —
Это будет подарок ей.

Если дочь—назови Керес.
Пусть узнает, что имя отец
Своей дочери выбирал.
Ты ребенку скажи, что здесь
Умер я... Чтoб ребенок знал,
Где его погребен отец.

Пред тобой—неизвестный путь.
Ты, Джунуш, осторожным будь.
Там, где надо молчать,— молчи.
И кинжала не забудь.
Если встретится кто—учти:
Ты—из города Урумчи.

Ты дорогу узнай в Туфан,
Путь туда хоть тяжел, но прям.
Никому не скажи нигде,
Что болею от старых ран.
Ты держи язык на узде —
Ведь Толек будет рад беде!

Так что путь свой держи в Туфан.
Если встретишь мою Нурджан,
Ты ее приведи ко мне,
Без нее—в голове туман.
Был я беркутом на скале,
Был героем на скакуне.

Но судьба моя—словно враг.
Мне Антон говорил вот так:
«Верь—настанет наша заря,
И рассеется ночи мрак,
Сбросим мы своего царя».
И я верю ему не зря!»

Щеки—словно старый чапан,
Взгляд, как будто свеча, потух.
Мир застлал горячий туман.
Чтобы слезы не видел друг,
Тут Джунуш закашлялся вдруг.

В это время зашел Токо:
«Друг мой, я оценен всего
В одну клячу. Не кем-нибудь —
Богачами ...
Но ничего,
Мне мечта согревает грудь,
Что отправлю Джунуша в путь!

Сны отгадываются вот так:
К счастью снится мужу ишак,
К счастью снится тесто жене ...
Сны отгадывать—не пустяк.
Почему же снится во сне
Не ишак—только тесто мне!» *

Засмеялись трое друзей,
Стало как-то все веселей.
«Этот сон твой, Токо, к добру!»
... И расстались трое друзей.
Чтобы встретиться вновь вдали,
Сквозь огонь судьбы
Побрели.

Солнце огненное литье
Выливалось в гнездо свое,
Чтобы ночью там отдохнуть...
Эсентай с Исою пришли
И, всплакнув на прощанье чуть-чуть,
Проводили Джунуша в путь.

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Около перевала, покрытого вечным льдом,
Сбился Джунуш с дороги в жутком дыму ночном.
Чтобы быстрее избавиться от ветра и холодов,
Нашел в сугробах пещеру и в ней укрыться готов.
«Чуть-чуть пережду ненастье и дам коню отдохнуть,
А застра по перевалу снова отправлюсь в путь».

Вот спеш он с коня гнедого и видит, как через льды
Между крутых сугробов идут человечесьи следы.
«Недавно, наверно, люди этим путем прошли...»
Услышал он запах дыма, струящегося невадал.
И тут же среди сугробов, где стояла скала, остра,
Увидел людей усталых, гревшихся у костра.

Веселое, красное пламя покачивалось слегка,
Искры плясали весело от ближнего ветерка.
Вдруг, словно ветер нахлынул откуда-то из-за гор,
Рассыпал искры по снегу и затушил костер.

«Наверно, странные люди, что ныне укрылись тут,
Случайных спутников грабят—и только этим живут», —
Так думал Джунуш. И тихо за ними стал наблюдать.
Никто у костра не двинулся, чтобы разжечь опять
Доброе, красное пламя... Дым клубился густой,

Словно костер тот залит был ледяной водой.
Тихо и недвижимо каждый, как сноп, лежал,
Только один, шевельнувшись, жалобно застенал.

Джунуш на длину аркана приблизился, удивлен.
«Кто эти люди странные! Чей это странный стон!»
Оттаяв, как месиво глины, стал очаг земляной,
Струйки стужи бежали, став от тепла водой.
«Наверно, свалил их голод!.. Надо помочь мне им!»
Джунуш к лежащим подходит вместе с конем своим.

Кто-то едва повернулся к нему распухшим лицом.
Глаза—две глубоких ямы... А сам лежит под тряпьем.
Другие кашлем и стоном, что живы, подали знак.
«Кто ты! Нечистая сила!
Или заклятый враг!
Но если не черт, не дьявол, а человек лишь ты,
То подойди поближе, если хочешь спасти!
Мы—киргизы. Мы только беженцы. Ты сердцем, путник,
пойми:

Мы съели свои тулупы и сапоги свои.
Питаемся мы корнями одними четыре дня...
Жизнь оставляет тело. Посмотри, джигит, на меня.
А был я когда-то джигитом, таким же сильным, как ты,
А теперь меня самого ноги не могут нести».
И, на Джунуша глядя, подумал: «А может быть,
Наброситься на джигита всем и повалить,
А потом скакуна зарезать!..
Но только не хватит сил...»
И, тяжело вздыхая, он тихо проговорил:
«О друг, нас аллах, наверно, от гибели не спасет!
Не сохраним мы силы—он нас к себе заберет.

Нам суждено, как видно, страдания все испытать,
А если придет свобода—ее нам не увидеть.
Если ты не сможешь, добрый нам человек,
Здесь мы лежать останемся, прахом лежать навек.
А если есть бог на небе, так почему он слеп!
Если он есть—за то мы скажем, что бога нет!

Друг мой, я не скрываю, мысль была у меня,
Друг мой, хотел зарезать я твоего коня.

Если хватило б силы—сжарил бы над огнем...
Мы скакуна вернули тебе бы на свете том.
Лежим мы, как будто бревна, не можем ни сесть, ни
встать.

Неоткуда спасенья бессильным нам ожидать!»

Пищу найдут в дороге всегда и джигит, и волк.
Поэтому и считается: брать пищу какой же толк!
Но здесь не земля киргизов—чужбина глухая здесь,
И негде остановиться, чтобы без денег поесть.
Джунуш, по пути питаюсь водою и талканом,
Добрался до перевала заснеженного с трудом...

«Встаньте!— сказал лежащим громко Джунуш,— сейчас
Я скакуна зарежу и накормлю им вас.
Вы наедитесь мяса, сил наберетесь вы!
А ну, огонь разжигайте, не вешайте головы!..»
Люди, камнями лежавшие, думают: «Явь иль сон!
Неужто джигитом добрым каждый будет спасен!»

«Эй,— толкает соседа недоверчивый аксакал.—
Это во сне, наяву ли? Ты слышал, что он сказал?»
Тогда молодой, удивляясь, голову приподнял,
А третий глаза восхищенно то щурил, то открывал.
Вот самый сильный из беженцев поднялся среди белой
тьмы,
И радостный крик раздался: «Теперь не погибнем мы!»

«О боже,— воскликнул кто-то,— это Кадыр-пророк!..
Это святой нам, бедным, это пророк помог!»
Кричит старик из пещеры: «Больше, друзья, огня!
Откуда джигит приехал! Откуда привел коня!
Вы теперь не умрете, дети киргизских гор,
Возьмите коня у джигита и бросьте его в костер».

Связал он коня гнедого, на землю его свалил
И кровью горячей, алой снег голубой полил.
Голодные заволновались, стоят и глядят вокруг:
«Этот джигит, наверно, нам послан, как добрый дух!»
Вот вырезали печень, зажарили над костром
И, поровну разделивши, съели ее потом.

Никто не спросил Джунуша покамест, откуда он
И из какого рода...
Мирно сиял огонь.

Только старик в пещере «спасибо!» ему сказал.
И на земле холодной он лежать продолжал.
Когда же кусочки мяса совали старому в рот,
Он поедал их быстро, жуя, словно старый кот.

«О дети мои, прошу вас сегодня много не есть,
Если съедим мы много — навеки останемся здесь.
Этот спаситель добрый, пришедший издалека,
С нами пускай присядет около огонька».
И старик благодарно и ласково на путника посмотрел
И, славя щедрость аллаха, руки к небу воздел.

Хотя и воспрянул духом, но встать не мог аксакал.
Глаза он закрыл бессильно и долго вот так лежал:
«О добрый путник, скажи нам,
Кто ты! Не скрывай от нас!
Наверно, бог надсумил —
И ты нас от смерти спас.
Так будь же всегда счастливым на этом свете и том,
Пусть горе с бедой минуют, обойдут стороной твой
дом!»

«Я такой же, как вы, аксакалы, я все потерял, увы!
Хотя таких испытаний не принял пока, как вы.
Делать добро друг другу — это высший закон.
Я не богат и все же расстался со скакуном!
Добро — серебро. Вернется оно, сделав круг, опять.
За жизнь человека не жалко жизнь до конца отдать.

И вы, аксакал, скажите, какая у вас беда!
Скажите, вы кто, откуда! И держите путь куда!
Вижу, что вы издалека, жизнью умудрены,
Вижу, что вы бредете из нашей бедной страны.
Скажите, где наши люди! Куда девались они!
Мы их ждем на чужбине, ждем их ночи и дни».

«О,— старик восклицает,— запомним мы этот год,
Когда по всему Турпану разбрелся бедный народ,
Он бродит от места к месту, он ищет хлеба кусок,

Стужа его иссушила, и ветер его иссек!
И отняли на чужбине всех женщин, чтобы продать
За деньги в чужие руки. Их некому защищать.

Спасая остатки жизни, к Текесу мы шли все дни.
Но люди ослабли от голода, и с ног валялись они.
И за день версту — не больше — мы одолеть могли.
До этого перевала мы еле-еле дошли.
Ветры секут колючие. Скалы стоят, круты...
Мы здесь погибли, если бы
Не повстречался ты!

Если мы будем живы, если к своим придем,
Джигит, мы тебе отплатим
За щедрость твою добром.
А если жизнь оборвется средь холода, среди тьмы,
Только тогда не отплатим щедрую жертву мы!
Нет меры великодушной, щедрей души твоей,
И я говорю «спасибо» от имени наших людей.

От радости моё тело
Знобит, — продолжал старик, —
От радости заплетается, спотыкается мой язык.
После долгого голода я слабым стал от еды.
Сейчас отдохну немного, чтобы завтра опять идти.
Если к утру не умру я, если сумею встать —
О бедствиях наших беженцев хочу тебе рассказать».

Старик замолчал. И больше сказать ничего не мог.
С глазами осоловелыми снова старик прилёг.
В тёмной холодной пещере, покрытой снегом и льдом,
Бедный старик забылся долгим, холодным сном.
И остальные снали
Вниз лицом, на спине...
И к ним возвращались родные и жили с ними во сне.

...Железный, косматый голод медленно, тяжело
Поднялся к вершинам снежным, когда вокруг рассвело.
И солнце, словно клинками, разрубило тьму пополам
И, озаря вселенную, тронулось по горам.
Джунуш от солнца проснулся. Давно улеглась пурга.
Проснулся и стал возиться около очага.

Как беркут, что засиделся в тёплом гнезде своём,
Старик чуть-чуть приподнялся,
Словно сейчас крылом
Взмахнет — и ринется в небо, ринется к солнцу, смел...
Вот голову он приподнял и все вокруг оглядел.
Джунуш хитро улыбнулся и руку ему подал:
«Вы рано еще проснулись. Ну, как дела, аксакал!»

«О боже, пусть будет явью картина эта, не сном,
И неужели живой я и вижу солнце кругом!
Ты, нас воскресший, спаситель забытых душ,
Скажи-ка, мой светик, кто ты!.. Узнал я тебя, Джунуш! —
Старик заморгал глазами, словно испуган чем,
И от нечаянной радости он ослабел совсем. —

Это я, твой дядюшка, старый друг твой Мурат.
Дай, тебя обниму-ка, ты знаешь, сынок, я рад!
Ты, словно посланник бога, явился к нам в добрый час,
Ты вовремя появился, от верной нас смерти спас.
Видишь, больна старуха, и сына я потерял.
Мы долго в горах плутали, вышли на перевал... —

Поцеловал Джунуша
Старик и от слез ослеп, —
У тебя родился племянник, имя его — Белек!
Мария с Нурджан кормили в трудной дороге нас.
Если б не помогали — не видел бы нас сейчас!
А мать твоя ожидала, что, может, пришлешь ты весть,
Все время к тебе стремилась... И вот мы встретились
здесь.

Нет храбреца без народа, народа — без храбрецов.
Дай обниму тебя крепко, крепко без лишних слов!
Истосковались, как дети малые, мы по вас.
Придвинься, Джунуш, поближе — увидеть хочу сейчас
Лицо твоё молодое. Молодые твои глаза.
Давай, Джунуш, поцелуемся, как друзья!

Скажи-ка, живы ль герои, что отправили нас вперед
А сами встали заслоном, спасая родной народ!..
Если ты есть создатель, ты молодых спаси,
Если нужны тебе люди — лучше меня возьми!

Скажи мне, идешь куда ты, какой мечтою согрет?
Где Алымкул с Антоном, живы они или нет!»

И остальные тоже
Зашевелились тут.
Подняли они головы, настороженно ждут.

Старуха Мурата тоже голову подняла
И, слезы не утирая, только сказать смогла:
«Спасибо тебе за радость!
А может быть, это сон!
С кем ты сейчас разговаривал! Видно, из наших он!»

ЧЕРЕП

Снова Джунуш голодает... Пламя в его глазах.
Он ослабел, но мужество — в его каленых словах.
В душе — девяносто адов. Но тверд, неприступен взгляд.
Ни голод, ни ад Джунуша средо не устршат!

Джунуш проснулся и видит:
Нет никого вокруг.
И взгляд его беспокойный остановился вдруг
На белом, широком черепе с вмятинами на висках.
Может, его подложили нарочно ему, впотьмах!
Зубы у черепа целые, словно живые, блестят.
В глазницах пустых, как пропасть, — темный, могильный
взгляд.

При жизни, а может, после — вмятины на висках!
Трещины зарубцованы там в четырех местах.

«Откуда здесь бедный череп, откуда и почему!
Этот широкий череп принадлежал кому!
Может быть, одинокий
Путник упал в степи!
Видно, очень трудно было ему брести...

Может, всегда смеялся, радовался всегда!
Может, его караулила на каждом шагу беда!
Может быть, где-то когда-то грозно царствовал он,
И возвышался над всеми его неприступный трон!

Может, он был умнейшим царственным мудрецом!
Может, он был хитрейшим и знаменитым купцом!
Может, он был поэтом, играющим на струне,
На облаках сидящим, словно на скакуне!

Может, это влюбленный, спешивший к любви своей!
Успел ли излить влюбленный душевную нежность ей!
Или его убила вражеская рука,
Когда они были рядом, как два молодых цветка!

А может, он был героем, спасшим людей в беду!
А может, был уважаем всеми за доброту!
Может, он был Асаном — печальником вековым!
Иль пастухом, что гонит
Овец по горам крутым!

Может, он был факиром и тем добывал свой хлеб!
Может, он был вершителем судеб, душою слеп!
Может, был этот череп сокровищницей добра!
И там, где мысли рождались, — теперь пустая дыра!

О череп, скажи, быть может, грозишь ты кому-то злом!
А может, ты — нечто святое на тяжком пути моем!
Может быть, ты — чудовище, могильный, дремучий
мрак!
А может быть, моей смерти, гибели близкий знак!

Нет, не отвечает, звука не издает!..
Земля же под ним спокойно нового утра ждет.
Только пустыня и небо, только солнце вокруг.
Череп не просит о помощи...
И сам он — и слеп, и глух.

Как человек бессилён! Хотя он велик, но мал...
Как безумен, бесчестен
Тот, кто его создал!
Может быть, для насмешки создан ты, человек!
Веришь всю жизнь в бессмертье,
Но мал твой короткий век!..»

Так про себя тихонько наш Джунуш бормотал
И на пустыне дикой
Камни он собирал.

И обложил имк череп, чтобы со всех сторон,
Как мертвецам полагается, череп был огражден.

«О, если бы был я богом... О, если бы все я мог!...»
И вздрогнул от этой мысли... И вдалеке побрел без дорог.

МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ

Здесь, где нету ни былинки, ни воды среди пустынь,
Караван вдруг показался, колесельчики: динь-динь...
«Дайте бедному скитальцу, если есть у вас душа,
Дайте хоть кусочек хлеба... У меня нет ни гроша».

Так погонщикам сказал он, руку к ним он протянул,
И хозяин каравана тут к Джунушу повернул.
«Наш хозяин, видно, щедро ему милостыню даст!» —
Так погонщики верблюдов рассуждали в этот час.
Вот хозяин подъезжает, как султан, ни дать ни взять.
«Если деньги есть, что хочешь, я велю тебе подать!»
Ну, поехали!» — муча он камчюю подстегнул
И на бедного скитальца взгляд озлобленный метнул.

«Друг,— сказал ему погонщик,— мы бессильны перед
ним.

Ведь богатый, как известно, к бедным был всегда
глухим.

Так пойдем со мной, скиталец, вот тебе моя рука.
Все, что есть, бери! Садись-ка, коль устал, на ишака.

Кукурузную лепешку мы разделим пополам!»
И Джунуш ответил тихо: «От души спасибо вам.
Кто богатый — тот к скитальцу отнесется, как к врагу.
Только бедный помогает бескорыстно бедняку.

Кто же о том узнает, говорили ль в ночах глухих
Джунуш и погонщик добрый о давних тайнах своих?
Шесть дней отошло над пустыней, шесть отгорело лун,
И вот до Ак-Су добрались Джунуш и с ним Токтохун.
«Джунуш,— говорит погонщик,— шесть дней — шесть
скакунов —
Прощайтесь... И мы расстаемся. Так будь же, Джунуш,
здоров!»

«С тобою расстанусь другом,—
Тихо Джунуш сказал,—
И в знак моей дружбы крепкой дарю я тебе кинжал».

«Если мы будем живы — встретимся, друг, опять.
Будем делиться хлебом и эти дни вспоминать.
Везде ведь бывают зоркие беркут и молодец!
И верится, что с тобою встречу я, наконец!»
«Давай же с тобой прощаемся — путь мой дальше
идет.

Сети, что нас опутали,— верю, время порвет!
Я никогда не забуду нигде твоей доброты,
Лепешки твоей не забуду...
Меня — не забудешь ты!»

«Да,— Токтохун ответил,— Джунуш, послушай меня,
На счастье свое в одиночку не сядешь, как на коня!
И счастье одного человека — со счастьем другого всегда.
Джигит для джигита — товарищ, если пришла беда!

Сердце — слуга аллаха. А сам я — бая слуга.
Но память о нашем прошлом будет мне дорога.
Как только тебя увидел — сердце к тебе легло.
Вот деньги — возьми себе их,
Чтоб было в пути легко!»

И вот Токтохун Джунушу крепко руку пожал,
Потом же неторопливо поясной платок развязал
И высыпал на ладони горстку медных монет:
«Насыпал бы и побольше, да только побольше нет».

У Токтохуна ушанка заячья — первый сорт!
Из-под нее струится, словно бусинки, пот.
А на Джунуше шапка —
Мерлушка цвета зимы.
«Давай обменяемся шапками в честь дружбы хорошей
мы!

Пусть все, что было под шапкой, к тебе, Джунуш,
перейдет!
Не зря ведь такой обычай придумал давно народ.
Нет земли ни кусочка, чтобы была моя.

Полил ее вдосталь потом
За долгие годы я!

За караваном верблюдов, под колокольчиков звон
От края ее и до края я обошел пешком...
Скитаясь в краях далеких, ни ночи не вижу, ни дня,
И ты, я уверен, не скоро, может быть, встретишь меня.

Давай же, друг, поцелуемся, пришел расставанья час.
Кусочек лепешки последней поделим в последний раз!...
«Только черт без надежды, — ответил Джунуш, — живет,
Мы встретимся в дни, какие
Народ обездоленный ждет!»

НА БАЗАРЕ

Жаркий полдень расплавлен.
Базарная площадь шумна.
Вся базарная площадь голодных нищих полна.
Вдруг пронеслось: «Дорогу!
Дорогу!» — со всех сторон.
И разрезает толпы нищих людей
Фургон.

Люди застыли на месте... Фургон высок, как скала.
Два крепконогих мула зло грызут удила.
Два джигита за повод держат их и бегут...
Люди склоняют головы и на колени встают.

Базар разгорелся снова,
Снова люди шумны.
Терпкие запахи чая доносятся из чайханы...
Гонит киргизов стража через базар, напрямик,
Только никто не слушает их отчаянный крик.

Катились над шумным базаром надрывные их голоса...
Джунушу, стоявшему рядом, ужас застлал глаза.
Он поражен увиденным до ярости и тоски:
«Кто ваше счастье отнял, о мои земляки!
Я видел, как сватают девушек, как платят за них калым.
Впервые за долгие годы встретился я с таким!»

Мне даже во сне не снилось, чтобы от матерей,
Как будто скот, продавали на рынке своих детей!»

Он стоял с тревогою в сердце, не веря своим глазам,
И мир плывет, покачиваясь, как будто бы по волнам.
И небо наземь упало и прилегло у ног.
Кто-то за руку тронул и тихо сказал: «Сынок!»

Джунуш повернулся. Видит: стоит аксакал хромой
В плохонькой одежонке и с переметной сумой,
Держит за руку крепко дочь свою аксакал.
На языке казахском он Джунушу сказал:

«Трепетная надежда теплится в наших сердцах.
Кто ты, скажи мне, светик! Киргиз ты или казах!
Нам прокормиться нечем, в беде мы, словно в бреду!
Привел на базар я дочку, привел продавать звезду!..

Кроме нее — моей звездочки — есть еще маленький
сын.

Вон он лежит в одеяльце, там, в стороне, один.
Если продам я дочку, может, домой вернусь.
Что же мне делать, светик! За малыша боюсь!

Глянь, богачи китайцы ходят вокруг нее...
Как нас аллах унизил! Теперь потерял я все!
Чтоб не была на чужбине, между злыми людьми —
За четверть пшеницы, светик, дочку мою возьми!»

Но вот подошла старуха — глаза от горя слепы:
«Лучше малютку-внука ты у меня купи.
Нет денег — бери задаром.
Бери за так, отдаю.
Если живым останется — землю увидит свою!»

Но вот подроссел посредник и брызгать слюною стал:
«Ты моему господину
Дочку свою продал!...»
И девичью руку яростно
Схватила его рука.
«Как ты смеешь!» —
И палкою ударил он старика.

Джунуш подскочил к посреднику, за руку его схватил:
«За что ты, подлец трусливый, старого палкой бил!
Что тебе еще надо! А ну, уходи домой!
Иначе, подлец, как надо разделаюсь я с тобой!»

Словно волк, что нечаянно
Встретился вдруг со львом,
Посредник назад отступает,
И все смеются кругом.
Старик благодарно смотрит, защите джигита рад.
Старик и его дочка
Джунуша благодарят.

«Дедушка, это долг мой, это совесть моя.
Я ведь, как вы, заброшен в чужие эти края!
И чтобы в скитаньях трудных было полетче вам,
Делайте разделим, дедушка, деньги мои пополам...»

Сердце его сжималось, в сердце огонь пылал.
По скользкой, словно намыленной,
Дороге он зашагал.
Базар был в полном разгаре — шум, суета вокруг.
И он, как будто опомнясь, остановился вдруг.

Здесь плакали и смеялись...
Здесь смехом сменялся плач.
Здесь люди, в судьбе отчаясь, ждали легких удач.
Здесь люди, тщетно прождавши счастливых, радостных
дней,
Плакали, продавая последних своих детей...

Не выходя из базара, прислонившись спиной к стене,
Нищий певец играет песню на звонкой струне:

«Старик не в силах сдвинуться —
Горемычный народ!
Жизнь иная вдали им видится —
Горемычный народ.
Руки слабым и нищим подали —
Горемычный народ,
Все старье и обновы продали —
Горемычный народ.

Все ж с веселой песней торгуется
Горемычный народ,
Хоть растерянно он сутулится,
Горемычный народ!..»

От этой горестной песни ему отойти нельзя,
И у Джунуша темнеют огненные глаза.
Он подошел к поющему, горьких чувств не тая:
«Вы песней своей грустной в грусть погрузили меня».

«Эта песня — о беженцах, о бедствиях их рассказ.
Эта песня о родине, эта песня о нас.
Она заставляет плакать горестный мой народ.
Эта песня, наверно, в могилу со мной уйдет!..»

Через толпу базарную, мимо арб и телег,
Слугами окруженный, подъехал к ним бай Толек.
Певец, словно их не видя, тихо запел опять,
Так, чтобы мог эту песню бай Толек услышать.

«А! — увидев Джунуша, усмехнулся богач Толек. —
Богатырю Джунушу мой благосклонный привет!
Здравствуй, батыр, я вижу — вид твой плохой, увы!
Глупый народ пропадает, и в том виноваты вы!»

«Народ — не глупцы, — Толеку
Упрямо Джунуш сказал. —
Где же ты это видел, где ты это слышал!
И никому не подвластен — ни мне, ни тебе — народ!
И эта кровавая битва бесследно для нас не пройдет».

И злобно Толек Джунушу
Кинул: «Прощай, батыр!»
Джунуш не успел оглянуться, как след Толека простыл.
«Неужели Джунуша вижу! — крикнул громко певец. —
Остерегайся Толека! Он отомстит, подлец!»
И чтоб от Толека скрыться, Джунушу в беде помочь,

Темными закоулками уводит с базара прочь:
«Толеку удача светит — он продает людей.
Он подкупил начальство, он в чести у властей...

Мария, дочка Антона, мать и сестра Нурджан
Живут, Джунуш, в Айтойноке, недавно их видел там.
Погибли на перевале жена Антона и сын.
На перевале Ак-Огуз тогда погиб не один...»

Вздрогнул Джунуш. И облако на сердце его легло.
Сопровождают Толека два полицейских — дорго.
Толек вращает глазами — в глазах его торжество.
Рукой показал на Джунуша:
«А ну-ка, возьмите его!»

Ты помнишь, когда-то грозился ударить меня камчой!
Убогий, за эту угрозу пора расплатиться с тобой!
Надо с размаху камчой — и крепко лупить, учти!
Так, чтобы кровь струею хлестала из-под камчи!
Попался к нам в руки, беркут, попался к нам в руки,
зверь!

Как ни старайся вырваться —
Не вырвешься ты теперь!»
И со всего размаха опустил на джигита плеть:
«Чтоб ты был, собака, с биями вежлив впредь!»

Связали Джунушу руки, ногами пинают его:
«Если б слушался биев — не было бы того!»
«Я только малая капля. И море — народ.
Вовек
Не вычерпать тебе моря,
Не вычерпать, бай Толек!»

И к певцу повернувшись, тихо ему сказал:
«Ты передай Исаку, пожалуйста, аксакал,
Пусть про меня, про узника, чтобы помнил народ,
Сложит новую песню и людям простым сплет!..»

ДВА ГОРЯЧИХ СЕРДЦА

Реки побелели, тише стали,
Снова одуванчики опали,
Золотая скошена пшеница,
Крылья тополей затрепетали.

Солнце высоко над головою,
Даль застлало пыльной пеленою...
Вот Джунуш шагает по дороге,
Видит человека пред собою.

Девушка платком укрыта синим.
А в глазах печали давний икей.
Два узла свисают за плечами —
Круглые они, как будто дыни.

Ветер ее платье раздувает,
Смоляные косы развеивает.
Почему глаза ее печальны!
Слезы на ресницах тают, тают...

Он окликнул женщину тихонько:
«Отчего печальна ты, сестренка?
Ты не трусь, становится джигит
Около такой, как ты, теленком!..»

«Как, теленком!..»
А Джунуш кивает
И смеется: «Всякое бывает,
Так бывает, что джигит смутится,
А тебя и лев не испугает!»

Девушка идет с Джунушем рядом,
Смотрит на него открытым взглядом.
«Где-то эту девушку я видел,
Голос этот слышал я когда-то!»

«Кто ты! Из какого ты аила!» —
«Все я рассказать сейчас не в силах.
Тем живем с подругами, что вяжем.
Нас судьба удачей обделила.

Мой отец записывал сказанья.
Моего отца киргизы знали.
Хоть и русский был, но знал «Манас». —
Он погиб, наверно, в дни восстания...»

Тут Джунуш воскликнул удивленно:
«Здравствуй же, Мария, дочь Антона!»

Твой отец был вместе с храбрецами,
Был отец твой — человек достойный!»

На Джунуша девушка взглянула
И невольно тяжело вздохнула:
«Это ты, Джунуш!..» —
И, как слепая,
Покачнувшись, руки протянула. —
«Это ты, Джунуш, отважный сокол!»
...Радость и печаль — как два потока.
Подхватил Джунуш ее. И нежно
На руках поднял ее высоко...

Солнце озарило светом дали.
И исчезли вмиг тоска с печалью.
И забились в лад два нежных сердца,
Словно им ключи от счастья дали.

СОКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Ручеек в ущелье серебрится.
В небе крылья распластана птица.
Накормивши серого осленка,
На поляне улеглась ослица.

Тополек — словно под шкурой лисей.
Опадают медленные листья.
Стройные березы закачались —
Листья закружились, словно искры.

Белым, белым, белым даль повита...
А трава — как будто шкура выдры.
О себе Джунуш запел тихонько —
Скалы вторят его песне звонкой.

«...Я случайно очутился
В лапах жестких у Толена.
Я сидел в глубокой яме.
О судьба, за что мне это!

Я своих лишился крыльев.
О судьба, свобода близко!

Был мне конь крылатый послан —
Чин-коджо, конь богатырский!

Мне мое ребро — опора.
Хорошо бы стать Садыром!
Хорошо за мать погибнуть
Молодым, как он, батыром...»

Чтобы сердце боль не захлестнула,
Спел не все... А мать опять вздохнула.
«Не волнуйся, мать, ведь очень скоро
Встретим мы с тобою Алымкула».
У нее глаза теплы от света,
Держит внука на руках, Белека.
Вот Нурджан с Марией сели ближе.
Узнают о подлестях Толека.
«Страшно в темной яме, одиноко.
Жажда меня мучила жестоко.
В день — глоток джармы, кусок лепешки,
Неба клоч, синеющий далеко.

Как-то раз письмо мне без помехи
Передали в скорлупе ореха.
«Брат мой, царь недавно с трона сброшен,
Все домой торопятся уехать.

Бай дал страже серебра два слитка,
Чтобы за тобой глядели притко.
Сам уехал, а куда — не знаю,
А теперь попробуй, разыщи-ка!

Будь, мой брат, отважным и упрямым.
Стены ведь не толстые у ямы.
Я же, брат, с другими возвращаюсь
На сырты родного Киргизстана...»

Окружен сырою темнотою,
Видел лишь орлов над головою.
Стали кулаки мои, как камни,
Стал я полон яростью слепую.

Садыр — легендарный герой. Своим ребром вы-
царапал лестницу в яме.

Вот сорвал я с каблука подкову,
Стены подземелия сырого
Стал долбить я днями и ночами,
Чтобы белый свет увидеть снова!

Смелый человек — он тверд, что камень.
День и ночь я землю скреб ногтями.
И чем больше скреб, тем стены толще, —
Так порой казалось мне ночами.

Нет страшной, наверно, этой муки...
Но однажды я услышал звуки,
Что похожи на ручья журчанье...
И на пустоту наткнулись руки...

Так меня спасло из ямы чудо.
Бай Толек не знает, что оттуда
Вырвался на вольную я волю.
Да, не знает он о том покуда,

Что Джунуш ушел из темной ямы».
Речь Джунуша — как живая рана.
Катятся у женщин тихо слезы.
«Я с тобой, чего ты плачешь, мама!»

СЕРДЦЕ НЕ ПОКОРЯЕТСЯ

Грусть и радость — воедино слиты.
Жизнь — как дождь. А время — это смто.
А судьба — она порой возносит,
То бросает вниз тебя сердито.

А река несется вдаль с обрыва,
Вдаль летит бурливо, шаловливо.
А Джунуш, как бы тоску скрывая,
Начал песню петь неторопливо:

«В темной яме мне приходится сидеть,
На верхушки тополиные глядеть.
Шевелятся листья — желтые шмели,
Доброй осенью окрашенные в медь.

Вижу: птица в синеве плывет вдали.
Может, весть она несет с моей земли!

Если птица показалась мне — к добру,
Залети ко мне ты, в темную пору.
Отнеси ты через горы, птица, весть
Нашим людям раным-рано поутру.
Расскажи, что не дают мне пить и есть,
Что остаться мне навеки, видно, здесь!

Расскажи-ка ты народу моему,
Что живу я, брошен биями во тьму.
И теперь, как заблудившийся птенец,
Я вкушаю яд страдания в плену.
День длиннее месяца мне здесь.
Сам не знаю, когда вырвусь, наконец!

Если, птица, прилетишь опять сюда,
Расскажи мне о моей земле тогда,
О моем народе, птица, расскажи,
Не оставила ль беда его следа?
Что они на своей родине нашли,
Расскажи мне, моя птица, от души!

И еще тебя прошу мне рассказать,
Жены ль сестры и друзья мои, и мать.
Расскажи мне, птица добрая, сполна,
Сколько лет еще старухе меня ждать!
Как здоровье у нее!
Скажи, она,
Может быть, от горя этого больна!

Сизый ястреб, ты, парящий в синеве,
Ты, летящий вдаль, как будто по струне,
Расскажи мне про Антонову семью,
А вернешься — прилтай скорей ко мне.
Ты прославь везде Киргизию мою,
Что не дрогнула в тяжелом том бою!»

Эта песня кончилась сама ли,
Или улетила она в дали!..
На щеке Джунуш рубец погладил,

Стал Джунуш задумчив от печали.
И, в пучину думы погруженный,
Не заметил дочери Антона,
А она вдруг песнь его запела,
Он невольно вздрогнул, удивленный.

«Помнишь: «Буду ждать тебя», — сказала.
Никогда того не забывала.
От людей жестокого Ашима
Мужество твое нас защищало.

«Буду ждать тебя!» — скажу опять я». —
Бросилась к нему она в объятья.
«Это место, где тебя я встречу,
Для меня теперь, Мария, свято!..»

Мать Джунуша их поцеловала,
Не скрывая радости, сказала:
«Ваша жизнь — на счастье мне, о дети.
О таком я даже не мечтала».

НАДЕЖДЫ

I

На синее небо беркуту разве смотреть легко,
Когда обломались крылья крепкие у него!
Может ли позабыть он, когда над хребтами гор
Парил, опираясь крыльями о безграничный простор!
Если он убедится, что крылья не зажибют,
Если он убедится — то сразу погибнет тут!

Яйца в птенцов превратились. Дни проходят — и вот
Снова перевернулся четырехгранный год.
Сколько дней промелькнуло,
Сколько стгорело дотла!
Рана у Алымкула
Все же не зажила.
Огненное сердце все медленней стучит,
И снова впадает в беспамятство наш отважный джигит.
Тело как бы усохло, запали совсем глаза.
Похолодели пальцы — дальше терпеть нельзя.
Рана сжигает тело. Сутки — одно и то же:
Глаза застилает дымом, тело колотит дрожь.

Алымкул, не теряй надежды! Крепись, Алымкул,
держишь!

Нет ничего дороже, чем человека жизнь!
Ты — свет нам во мраке ночи... Ты — наш кудрявый лев.
Неужели от нас уходишь, боли не одолев!
Пока далеко до рассвета — пусть же летят гонцы,
За лучшими лекарями мчатся во все концы!..

II

Пробились сквозь войлок торты солнечные лучи
Длинные и прямые, как будто ветви арчи.
Алымкул испрепекнулся сразу — солнце со всех сторон,
В глазах его затаялся
Тяжелый, кошмарный сон.
«Кто ты! Шайтан! Создатель! Сон твой коварный лжив!
Как бы ты ни старался — все-таки буду жив!
На страх мой вы не надейтесь — не дам себя обмануть!
И вашего сна обманного я не боюсь ничуть!
О сон роковой, обманный, ты сердце мое кому
Отдал этой страшной ночью, ввергнув его во тьму!
Когда пробирал до боли смертельный меня озноб,
Казалось, что мое сердце положено в каменный гроб.

Кто, словно отравленный ядом, на землю мертвым упал!
Моя голова — не яблоко, чтоб кто-то ее сорвал!
О сон роковой, обманный, моя голова — на орех!
О сон роковой, обманный, я слышал твой красный смех!
О сон, я тебе не поддамся, я смело встречу беду,
И я не умру, покамест счастье свое не найду!..»

III

Вместе с дождем и тучами медленно день сгорал...
Под казаном тяжелым огонь опять заиграл.
И знахари сказали: «Товарищ ваш будет жив»,
Редкий лечебный корень к ране его приложив.
«Нам остается только исхода болезни ждать».
Дали ему сурпы и уложили спать.

И Алымкул впадает
В новое забытье
И просит Токо он тихо: «Друг мой, запомни все.
Ты от моей постели не отходил все дни».
И вынул больной бумагу и другу сказал: «Возьми!
Держал я в своем изголовье, надежно ее храня,
И вы ее прочитайте, когда не станет меня...»

IV

Люди спят — ночь одолела всех.
Ветер треплет полог без помех.
И, услышав алымкулов бред,
Друг Токо стал белым, словно снег.
Зажигает торопливо свет.
Бредит Алымкул сквозь плач и смех.

«Нет, — он бредит, — я не виноват,
Возвращайтесь в свой аил, назад!
Покажи, Нурджан, Белека мне!
Царь с престола свергнут, говорят...
Догоню Толека на коне,
Пусть умрет гадючьей смертью, гад!

О Джунуш, где ты! Мертво кругом!
Я лечу на беркуте верхом!
Где Нурджан! Откуда этот свет!
Занеси быстрее Белека в дом...
Пусть скакать он сможет с малых лет!
Передай Антону ты привет!

...Чолпонбай, кто звал тебя сюда!
О Джантай, ты жаден был всегда!
Ты живешь трусливо и хитро,
Грабишь беззащитных без стыда.
Я велю тебе: верни добро!
А иначе — сгинешь без следа...»

Вновь он говорит сквозь забытье:
«Не умру — есть у меня ружье.
Если я убью змею сейчас —

Все, что проглотила, из нее
Выпорхнет.
Эй, Чолпонбай, твою
Шею смерть пусть обовьет шесть раз!

День свободы наш недалеке,
Позови всех бедных, Мутаке,
Все мытарства наши ты видал,
Жил, как мы — и в горе, и в тоске!
Ну, вставайте выше острых скал!
Где Джунуш! Вставай, Джунуш!
Я встаю!»

V

Вот открыл глаза он широко,
Взгляд остановился на Токо.
Возле юрты ветер просеял,
Дымом юрту всю заволокло.
Голову приподнял: «Ничего!»
И на полог юрты посмотрел.

«Вот несется Чу... Вот голубой
Иссык-Куль играет волной.
Дай же на тебя мне посмотреть...
Нет, тебе не справиться со мной,
Нет, тебе меня не одолеть,
Ухожу я... Уходи же, смерть!»

Ничего Токо не понимал.
Наклонившись, над больным стоял,
Так стоял, как будто в землю врос,
От больного глаз не отрывал.
Плакал он, не сдерживая слез,
И на помощь бога призывал.

Смерть — она приходит, как гроза.
Открывает Алымкул глаза.
К другу обе руки протянул:
«Шли мы, горе родины неся,
На своих плечах сквозь бури гул...»
И умолк внезапно Алымкул.

Вот умолк он, головой поник,
Видно, отказал ему язык.
Он в борьбе истратил силы все.
Речь его последняя, как крик!
Вот теперь в смертельном он кольце.
И заря померкла на лице...

Вот глаза навек ему закрыли
Бережные руки...
Бледен, тих,
Он лежит. И на лице застыли
Светлые надежды — много их,
Хоть надежда — только для живых!..

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСТЬ

...Люди с Чу-реки и Иссык-Куля,
Что вокруг стояли, брови хмуря,
Вздрагнули от голоса Мурата,
Голоса внезапного, как буря.
Начал речь свою старик негромко,
Издали начал, потихоньку,
Словно пел невидимые сети.
Речь он вел уверенно и тонко:

«Бог дал человеку, — начал старик, —
Бог дал человеку мудрый язык,
Чтоб любви и дружбы ясный свет
В душу человеческую быстро проник.
Бог дал человеку с малых лет
Тот язык, которого лучше нет.
Я с цветами встретил бы, если бы мог,
Вас сегодня, дети, дружбой согрет...
Это время, дети, больших тревог!

Речь свою веду я неспроста,
Правду расскажу вам я до конца.
Правда заставляет меня говорить.
Вы на эту правду настройте сердца.
Если не сумею, может быть,

Если не сумею все излить,
Будут недовольные—верьте словам,—
Чтобы ничего мне не позабыть,
Я неторопливо поведаю вам,
Чтобы правду бросить к вашим ногам.

Кто за эти годы вплавь и вброд
Пройти не пытался текесских вод!
Кто только в долине здесь не бывал,
Кто только не грабил местный народ!
Кто только с текесцами не воевал!
Но народ Текеса насмерть стоял,
Шел народ Текеса смело в бой,
В страхе враг скрывался за перевал...
Слушайте внимательно, дети мои!

Много из Текеса вод утекло.
Месяц над Текесом — лебяжье крыло.
С шеями, как будто бы у верблюжат,
Лебедей немало вдаль унесло.
Славными героями Текес богат,
Ведь не зря в легендах о них говорят.
За собой водили они полки,
С добычей возвращались домой, назад
И вздымали к небу свои бунчуки.

Истину не новую скажу вам я,
Что бессмертна только одна земля.
А еще бессмертен в веках народ,
Что живет, к соседу вражды не тая.
Пусть тысячелетье над нами пройдет...
А еще бессмертен ветер тот,
Что приносит сказки издали.
Остальное — в срски свои умрет,
И родится новое, дети мои!

Девяностолетний я аксакал.
Словно жаворонок, беспомощен стал,
Видел много в жизни добра и зла,
Мало видел счастья, много страдал.
И никто — аллаха моли, не моли —
Раньше своей смерти не умирал.

Много удивительного я в жизни видал,
Но людей бессмертных я не встречал,
Не встречал такого я, дети мои!

Если б было можно, почуяв смерть,
На широких крыльях вдруг улететь,
Первыми спастись бы орлы могли,
Те, которых бурям не одолеть!
Обновляя крылья в небе, вдаль,
Облетят за век они полземли.
В лютые морозы в гнезда свои
Яйца не боятся ложить орлы.
Все они бессильны, дети мои!

Если б было можно смерть обхитрить,
Самым первым спасся бы Алдар, может быть.
Был он безбородый и без усов,
Полземли пешком он успел обходить.
Он до самой старости унынья не знал,
Обмануть шайтану себя не дал.
В девяносто лет хитроумный Алдар
Хитростью шайтана взял, оседлал
И верхом псекал — хвали, не хвали.
Но смерть не обманул он, дети мои!

Если бы от смерти спастись могли
Те, что остроумны, те, что мудры,
То тогда бы спасся мудрец Джейренче,
Дожил бы, наверно, до нашей поры.
Когда повелели для ханских ног
Сшить ему из камня пару сапог,
Попросил он шило себе из песка:
«Я тогда бы хану сшить их смог!..»
Но ни ум, ни мудрость не помогли.
Джейренче не спасся, дети мои!

Если б свою смерть сумели убить
Меткие охотники, тогда, может быть,
Спасся бы охотник Коджоджаш,
Что любую птицу умел ловить.
Зайца и косулю с тропы любой
Поражал он в сердце меткой стрелой.

Гнался за каипом, богом зверей,
Еле свои ноги унес тот домой.
Но ни глаз, ни ловкость не помогли.
Коджоджаш не спасся, дети мои!

Если б своей смерти, всему вопреки,
Избежать сумели бы знатоки,
Самым первым спасся б тогда Толубай,
Тот, чьи предсказания глубоки.
Был великим даром он наделен,
Судьбы и события предсказывал он,
Мог, словно по писанному, предсказать
Судьбы государств, земель и племен!
Только предсказания не помогли.
Ведь и он не спасся, дети мои!

Если б своей смерти, в конце концов,
Избежал бы кто-нибудь из певцов,
То в живых остался б старый певец.
Даже птицы слушались его слов.
А когда комуза касался слегка,
Прилетала пери издалека,
Падала замертво от песенных чар.
Песня его была быстра, как река,
Не могли сравниться с ним солдаты.
Но и он не спасся,
Дети мои!

Если б своей смерти, в конце концов,
Избежал бы кто-нибудь из скупцов,
То спасся бы первым скупец Карынбай,
Тот, что миллионы имел скакунов.
Землю всю покрыли его стада...
А пришли однажды гости, тогда
Провалился в землю от скупости он.
Разбредись стада его от стыда,
В дикие ущелья, к зверям ушли...
Но и он не спасся,
Дети мои!

Если б своей смерти могли избежать
Щедрые и добрые, то опять

Первым спасся бы сказочный Атантай,
Что призыв свой раздавать,
Серебро и золото людям дарил,

За джигитов бедных калым платил,
Жил, стараясь сделать больше добра.
Тот, который бедным всегда говорил:
«Если надо — даже меня возьми!..»
Но и он не спасся,
Дети мои!

Если бы от смерти спастись могли
Самые храбрейшие батыри,
То тогда бы гордость наша — Манас
Дожил бы, наверно, до нашей поры.
Манас, который гневным взглядом, без слов
В ужас приводить мог своих врагов,
Который только грозным видом своим
Заставлял замолкнуть всех мудрецов!
От кашля его падали наземь враги.
Только с ней не справился,
Дети мои!

Если избежал бы смерти своей
Кто-нибудь из лучших лекарей,
То в живых остался бы Улукман,
Мудрый исцелитель людей и зверей.
Человек, что круглым родился, как мяч,
По земле катался, хоть смейся, хоть плачь, —
Две ноги ему и две руки
Смог приделать мудрый этот врач.
Все ж ему лекарства не помогли.
Но и он не спасся,
Дети мои!

Люди, поразмыслите:
Если вздохнет
Человек хохочет —
Не треснет лоб!
Сломанной рукою не согнуть
Тоненького прутика даже чуть-чуть!

Жизнь, что отнимает смерть-палач,
Больше не вернется,
Как ни плачь!
Если ты не стойко встретишь беду —
Сердце захлебнется твое в бреду,
Сердце захлебнется твое в крови.
Будьте в горе стойкими,
Дети мои!

Видел этот мир я не раз, не два.
Вертится, как мельничные жернова!
Сколько ни живи ты —
Как у цветка,
Жизнь тебе покажется коротка!
Люди, поразмыслите,
Внемлите мне!
Каждый ведь окажется в сырой земле!
Как полет бессмертен речной струи,
Так народ бессмертен,
Дети мои!

Истину не новую скажу вам я,
Что бессмертна только одна земля.
Сколько бы побоищ не видел народ,
Он не умирает,
Он растет!
И бессмертен, зная несущий джигит.
Он живет в сказаньях,
Если убит!
Оглянитесь, дети мои, вокруг!
Зелена долина, зелен луг.
Тут тысячелетьями живет,
По сыртам кочуя,
Текесский народ.
Тут сверкают горы весенних вод,
Вдалеке под снегом хребет встает.
И, навек прижавшись к самой высоте,
Горбится могила на том хребте,
Где было завещано — там, вдали.
С похорон оттуда сейчас мы пришли.
Как нам ни кричать его, как ни звать —
К нам он не вернется больше опять.

А в могиле этой навеки уснул
Грозный лев по имени
Алымкул,
Дети мои!..»

ЗАВЕЩАНИЯ

Если я умру

Хотя не верю я в свою кончину,
Но пуля в грудь вошла—и вышла в спину.
И смерть теперь ничем не остановишь!
И я, наверно, скоро вас покину...

Умру—хочу лежать на перевале,
Чтоб — высоко,
Чтобы орлы летали,
Чтоб рядом были ветры молодые,
Чтоб в изголовье голубели дали...

Могилу вы камнями обложите.
Хочу лежать на твердом я граните,
Чтоб дерево листвою своей шумело:
«Бессмертна жизнь, бессмертно наше дело!»

Жалею

Еще вчера на свет я появился
И, как цветок весною, распустился.
И лишь вчера я получил с другими
Джигита незапятнанное имя!

Я чувствую, что сердцем своим вяну,
В глазах моих уже слабеет пламя,
Они теряют силу и тускнеют,
И прошлое гнетет, как будто рана!

А новое подходит ближе, ближе.
Как жаль, что той зари я не увижу...

Лицо мое избороздило время.
Уже легли давно печали тени.

Печаль колюча, что иглою колет.
Ничто меня теперь не успокоит.
Я видел еще мало, пожил мало,
Кололо зло меня, беда стегала.
Следя за мной угроюмо, неотступно,
Тень смерти за моей спиной встала.
Что довершить всего я не успею,
Об этом только я сейчас жалею!

Сон

Это сон или явь? Но напропалую
Будто я на скакуне бешеном гарцую.
А когда проснусь — что же это значит! —
Сердце, словно скакун, потихоньку скачет.

Но когда засну опять, конь мой несется
И доносит меня до самого солнца.
Я на облаке сижу,
Свесив свои ноги,
И не чувствую в душе никакой тревоги.
С неба песни пою...

Только просыпаюсь,
Не могу никак я встать—потом обливаюсь.
Что ж, скачи, мой скакун, скачи наудачу.
А как утром проснусь—то по нем заплачу.

Видения

Мой Иссык-Куль померк своей волной.
Он, видно, обо мне сейчас тоскует.
Меня уводит беркут за собой —
То мой народ по всем по нам тоскует.
Вот слышится клинка каленый звон —
Это по мне лихой храбрец тоскует,
Сломался пополам тяжелый гром —
Это по мне зеленый лес

тоскует.

Разверзлась потемневшая земля —

Это могила обо мне тоскует.
Шумит в ушах сильнее у меня—
Наверно, кто-то в тишине тоскует.

К Нурджан

Не печалься—в жизни все пройдет.
Пал я в битве за родной народ.
Счастье ожидало нас с тобой —
Разлучил нас случай роковой.

Если ты жива — минует пусть,
Пусть тебя навек минует грусть.
Жизнь угасла, не узнав добра.
С ней, как с днем грядущим, расстаюсь.

Ты—огонь от моего огня.
Век живи, не забывая меня.
Пусть Белек наш вырастет большим,
К памяти отца любовь храня.

Пулей будет пусть, что бьет врагов,
Пусть он будет бодр и здоров,
Пусть он будет добр и правдив,
Пусть стоит он за сирот и вдов...

Народу моему

Ты в жестоких схватках ослаб, народ.
Даже сталь тугую пламя согнет.
Сколько б ни погибло твоих сыновей,
Еще больше встанет, подрастет!

Тот, кто не погиб в жестоком бою,
Смело возвращайся на землю свою.
А о нас, погибших, скажите так:
«Не жалели жизни они в боях!»

Ведь у вас, живущих, на пути
Сзади была пропасть, а свет—вперед.

Я мечтал, скитаясь по дальним краям,
О поре, которую увидеть вам.

**Мне уж не вернуться больше сюда,
Слишком эта яма узка, крута.
За народ не страшно погибнуть в боях —
В памяти останусь и в ваших сердцах.**

Когда я тосковал

Помню, я на прутике тонком скакал,
Смех богатырский мне грудь распирает.
Когда на ладони пичужек держал,
Я повчими птицами всех их считал.

**О детские годы, счастливые дни!
Как их ни зови—не вернутся они.
Ни горя, ни голода, ни маяты —
В те дни только радости знал я одни.**

Когда вспоминаю я те времена,
От памяти этой я пьян без вина.
Все это—по родине милой тоска.
А родина! Родина только одна!..

Буду слухать

**Камней пусть на могиле будет много,
Тогда ее увидят издалека.
Прохожий подойдет—прочтет молитву
Во славу вечной жизни и пророка.**

· **Всем**

**Любите родную землю, любите родной народ,
В них—ваша жизнь и сила, которая не пройдет.
Будьте дружны с чужими землями и людьми,
Славились меж народов гостеприимством мы.**

**Тысячи раз умирает трус, боясь умереть,
Храбрец умирает тогда лишь, когда наступает смерть.**

Живите спокойно, живите, надежду в сердце храня!
Приход и уход от жизни зависит не от меня!

Пусть к вам приходит счастье, пускай вас минует грусть,
Когда на тот свет попаду я, ни капли не огорчусь.
Не надо мне благ небесных, не надо и рая мне,
Только бы был известным навеки родной земле.

Моё слово

Вы мое слово последнее запомните навсегда!
Пусть с вами останется сердце, останется доброта.
Все мысли мои и стремленья уходят навеки со мной,
Осталось одно утешенье—бессмертен народ мой родной!

У могилы

Месяц пятнадцать раз восходил
И пятнадцать раз по небу ходил.
В щели юрты месяц тихонько глядит,
Смотрит рыжий месяц—ребенок спит.

В своей колыбельке проснулся Белек,
Щурит он глазенки на лунный свет.
Видимо, голодным проснулся малыш.
Ах, чего ты, маленький Белек, не спишь?

Марья и старуха не верят глазам:
Юрта опустела. Где же Нурджан!
А Нурджан на мужней могиле лежит,
А Нурджан-красавица плачет навзрыд:

«Не снега ль со склонов высоких гор
Замели могильный твой бугор!
Видно, я для горя была создана,
Видно, я останусь навек одна!

У твоей могилы мне вечно лежать,
От твоей могилы глаз не поднять,

Лучше б мне на белый свет не смотреть,
Лучше бы взяла меня твоя смерть.
От тебя, создатель, я все приму,
Лишь бы ты отправил меня к нему,
Нет мне больше жизни без любви.
Щеки исцарапала я до крови.
Голову кудрявую с земли подними,
Своего Белека, лев, обними!

Кровь, что заструилась по щекам сейчас,
Пусть тебе румянец она придаст,
Слезы, что застлали темный мой взгляд,
Пусть они могилу твою оросят.
Пусть слова, что сердце сжигают мне,
Песней разольются по всей земле!
Пусть они на головы твоих врагов
Упадут, как тысяча острых клинков!
Пусть они прольются, словно ручьи,
Пусть они прольются на раны твои!

II

О, если бы могла я это суметь —
Я бы пристрелила тогда твою смерть,
О, если б можно было спасти тебя —
Спрятала б от смерти возле себя.
О если бы я душу отдать могла —
Я ее, любимый, тебе б отдала,
О, если б было можно—тогда бы, любя,
Выпила бы яду вместо тебя.
О, если бы молитва моя помогла —
Я в твою могилу бы раньше легла.

Камнями обложена могила твоя.
Выйди—раскидаю все камни я!
Слабый этот голос услышишь ты!
Слезы эти горькие увидишь ты!
На судьбу печальную взглянешь ты!
Из своей могилы встанешь ты!
У тебя остался Белек-птенец,
Он еще не знает слова «отец».

Отзовись, любимый, поспеши,
Как мне быть с Белеком, подскажи.

За народ киргизский насмерть стоял,
Крыльями своими его называл.
Смолоду ходила слава с тобой.
Жизнь твоя, любимый,—вечный бой!
Ты поднялся злого врага сломать,
Крылья его темные обломать.
Чем лежать, где вечные холода,
Лучше бы вернулся ко мне, сюда.
Надо успокоить народ в беде —
Слезы льет он горькие по тебе!

Средь друзей-ровесников, любимый мой,
Был с душой, как море, с ясной душой,
Ты сиял улыбкой светел, могуч,
Словно из-за облака солнечный луч.
Был ты ясным соколом, врагов губя,
Была соколицей я возле тебя,
Ласковым и добрым был ты душой,
Забери в могилу меня ты с собой!
Я хочу с тобою рядом лежать,
Губы твои зябкие отогревать.

Словно верблюжонок, одна на тропе,
Плачу и взываю, родной, к тебе,
Если б я лежала в могиле с тобой —
Каждый день тогда бы был, словно той!
Горе мне на сердце набросило ночь.
И теперь мне горе это невмочь!

Даже темной ночью всегда во сне
Ты живой приходишь, родной, ко мне.
И не только ночью—при свете дня
Ты живой, веселый возле меня.
И среди вечерней темноты
Остаешься рядом со мною ты.
Напеваешь песню, печаль гоня,
Долго этой песней не мучь меня!
Долго ты не мучай—к себе возьми!

В огненное сердце мое загляни,
Без тебя, без солнца жить не могу,
Я твою могилу здесь стерегу.
Горькую могилу твою обняла —
Только от нее я не слышу тепла.
Что же буду делать в этот миг,
Если ты не слышишь жалоб моих!

О судьба всеильная, прошу, помоги!
Быструю, короткую смерть мне пошли.
Самые страшные болезни пошли,
Чтобы не могла я подняться с земли.
Где же ты прячешься, смерть-палач!
Если ты всеильная, переиначь
Долю незавидную, злая смерть!
Прикажи, создатель, мне умереть!

III

Как горько ни рыдаю, печаль не тая,
Не слышу из могилы ответа я.
Молчит он под землею, в сон погружен,
Молчит, словно обиделся за что-то он.
От отца оставшееся крыло.
О Белек-сыночек, нам тяжело.
Ты—моя чинара, в твоей тени
Проведу последние свои дни.
О Белек, ты вырастешь, всему вопреки,
Будешь утешителем моей тоски.
Я хочу, чтоб милый сыночек мой
Не возрастал бы круглою сиротой.
В ласке и заботе пусть он растет.
Будет за отца ему весь народ.
Своего любимого я птенца
Выращу достойным сыном отца.

Дерево сломали—осталась ветвь.
Ради нее буду я все терпеть.
Дерево сломали—ветка жива,
С этой веткой крепкой я не вдова!
Дерево сломали в самом соку,

Пусть же дух отцовский поможет сынку.
Дерево сломили—корень живет,
Дерево погибло — живет Белек.
Пока в мои косы не выпадет снег,
Пока не нагрянет смерть, губя,
Мое сердце будет возне тебя!..»

СЛОВО АКИНОВ

В юрте, за пологом, лицом темна,
Плакала по мертвому мужу жена,
Как велит обычай—в горький час
Плачет по три раза в день она.

В юрте причитает горько Нурджан,
А за юртой тоже и здесь, и там
В песнях-причитаниях каждый певец
Изливает горе многих сердец.

Первым на комузе пел Мурат.
Горько и отчаянно струны звенят.
Старый Эсентай домбру берет,
Старый Эсентай по-казахски поет:
«Так звени быстрее, моя домбра,
Ты моя сверстница и сестра,

Ты—моя подруга, ты—мой набат,
Пусть же твои струны за песней спешат.
Ты—домбра двухструнная, огонь-струна,
В бег тебя пускаю, как скакуна!

Так запой сильнее, певчий язык,
Так звени сильнее, наступит миг —
И тебя не станет в мире том,
Где казан бушует над красным огнем.
По жизни я тоскую в песнях всегда.
В мир, покрытый дерном, уйди, беда!

Если б в нашей воле было,
То кто
Жить не захотел бы не раз, а сто!..

Нас надежда водит всегда за собой.
Если человек с бородой седой,
Если уже сверстника—ни одного,
Значит, добирается смерть до него.

Человек стареет, себе на беду,
Слова начинают терять остроту,
Много раз он видел одно и то же:
Встречи и разлуки, снег и дождь!
Начинает жизнь свою он жалеть:
«Если бы не беды—рано стареть!»

Потому, наверно, всякий раз
Утешает ложью надежда нас.
Как ни утешайся ты, а все ж
Молодые годы назад не вернешь.
Силы покидают из года в год,
Твой последний спутник—старость идет.

И уходит сила твоя без следа
И не возвращается никогда,
Зренье покидает тебя и слух,
Кровь твоя слабее становится вдруг.
Жизнь, что находилась в тебе всегда,
Тело покидает твое тогда.

Почему создатель наш в первый раз
Всех не одинаковыми сделал нас!
Например, меня он певцом создал,
В то же время грустное сердце мне дал!
Шестьдесят годов печали моей.
Дал печаль создатель—не дал сыновей ...

Озеро убого, если на нем
Ни гусей, ни уток не видишь кругом,
Пастбище убого, если на нем
Стада не пасутся ни ночью, ни днем.

И убоги степи, если туда
Не течет с ущелий живая вода.
И народ несчастен лишь потому,
Что его владыки жестоки к нему!

Батыр проклинает судьбу свою,
Если не настиг он врага в бою.
Так же я несчастен, мои друзья,
Сына не увидели мои глаза!..

Алымкул, ушедший навеки от нас,
Помогал народу в беде не раз,
Был он, словно факел, для всех людей,
Только этот факел теперь погас.
Выполнили просьбу я и Иса —
Песнь об Алымкуле поют два певца.

Если сын остался после отца,
Значит, жизни этой нету конца,
Если не оставили копыта след,
Значит, человека навеки нет!
Нету Алымкула—но он не умрет!
Сердце Алымкула в сыне живет!

Тот, кто пал в сражение с врагом, друзья, —
Нам его погибшим назвать нельзя.
Стало вас, киргизы, меньше в беде,
Только не иссякнуть горной воде!
Все-таки народ наш—непобедим,
И желаю счастья я всем живым!

Много я увидел на веку,
Умирать приходит черед старику.
Я не буду плакать, печаль храня,
Песня пожалеет пускай меня!
В путь уйдет неведомый песенник ваш,
Я исчезну, словно в степи мираж.

Только вы внимлите моим словам,
Знайте, что казахи—братья вам.
Я уйду, и пусть улетае ввысь
Выпущенной пулей прошлая жизнь.
Только эти пули назад не вернуть.
Тем же, кто останется,— счастливый путь!..»

На руках акына, звонки, добры,
Задрожав, умолкли звуки домбры.

Люди зашумели там и здесь —
Люди одобряют звонкую песнь.
И когда, как пламя, погасла струна,
Наступила сразу вновь тишина.

За комуз рукою умелой взялся
И погладил струны старый Иса.
Вот сверкают ярко струны-лучи.
Комуз этот вырезан из арчи.
Струна за струною вот понеслась —
Песня, словно ливень, со струн полилась.

Вот слова, как птица, летят со струн:
«Если пить захочет сильно скакун,
Если тяжело ему, может быть,
Он и в удилах будет воду пить.
Если же страдает твой народ,
Кто ему на помощь тогда придет?
Каждый из джигитов пойдет в бой
За его свободу,
Дети мои!

Алымкул, погибший в правом бою,
Пал в борьбе за милую землю свою.
Только тот—храбрец, кто вступает в бой,
В смелый бой открытый со смертью самой.
В ужасе склоняется трус до земли.
Лучше уж погибнуть,
Дети мои!

Если от чинары остался побег,
Значит, она вырастет выше всех.
Старый сокол храбрый вдаль улетел —
Новый соколенок в гнездо его сел.
Пусть же крылья вырастут у птенца —
Отомстит он недругам за смерть отца!»

ТОСКА ПО РОДИНЕ

I

Вот осень листья и траву спалила всю дотла...
Земля родная сыновей своих к себе звала.
Она—и в песне, и во сне всегда была близка.

И песнь—тоска. И сон—тоска. И память—все тоска.
А сердце— там, за той грядой, за дальней синевой,
Где Чу-река, пробив хребты,—под пеной снеговой.
Вот бабушка поет всю ночь, качая колыбель.
И колыбельная плывёт за тридевять земель:
«Баю-баю-баюшки,
Улыбнись-ка бабушке,
Соколенок, не горлань —
Мы вернемся в свой Тянь-Шань.
Ну, шагай, шагай, шагай
К Иссык-Кулю...
Баю-бай!
Там реки не кончаются.
Там батыры рождаются.
Вершин седые макушки,
Как голова у бабушки.
Лежит небо на горах,
Как попона на конях!

Баю-баю-баюшки,
Улыбнись-ка бабушке,
Соколенок, не горлань —
Мы вернемся в свой Тянь-Шань.
Ну, шагай, шагай, шагай
К Иссык-Кулю...
Баю-бай!..
Родниковая струя,
Как глаза у журавля.
Где к ручью ведут дорожки,
Архарята моют рожки.
Солнце село за сучок,
Там—твоя земля, внучок!

Баю-баю-баюшки,
Улыбнись-ка бабушке,
Соколенок не горлань —
Мы вернемся в свой Тянь-Шань.
Ну, шагай, шагай, шагай
К Иссык-Кулю...
Баю-бай...»
И каждый ждал, и каждый ждал иных, счастливых дней,
Чтобы к земле родной припасть и поклониться ей.

Узун-кулак, ты слышал, весть разносят скакуны:
«Нет больше русского царя, и, значит, нет войны».
И беженцы спускались с гор и шли с низин на сход.
«Теперь на родину пора!»—так говорил народ.

И вот пошли со всех концов, со всех низин и рек,
И зазвучало далеко: «Мы с родиной навек!»
И женщины, и старики здесь, на краю земли,
Смотрели, как на Иссык-Куль летят вновь журавли.

И вслед за ними побрели туда, где отчий дом,
И на конях, и на ослах, и просто так, пешком.
Голодные брели они—не пасынки судьбы.
Брели старухи позади, горбаты, как серпы.

На посох древний опираясь, в пыли брели отцы,
И с ними малые брели, пока еще птенцы.
Брели джигиты, молодухи,
Взвалив на плечи скорб...
И от утра и до утра средь гор—скрипенье арб.

И по ущельям вековым лишь ветер конских грив...
Идут джигиты впереди, голов не опустив.
Идут, не ведая дорог, идут, забыв про страх.
И дети малые сидят на их крутых плечах.

Туда идут, где на хребтах седой и древний снег,
И помогает им в пути веселый спутник—смех!
Смех, что поможет молодцу идти смелей вперед,
Смех, что уставшему в пути вновь бодрости вольет.

За беженцами следом шел,
Шел слух: «Узун-агач!»
Чем дальше шли,
Тем все сильнее звучал то смех, то плач...

Земля кружится, как волчок, вокруг оси своей.
И тысяча сменилась дней, и тысяча ночей.
Уже видна недалеко граница, наконец...
Но вести страшные привез с родной земли гонец:

«Все это правда, скинут царь, но снова там и тут
Нас баи голодом морят и саблями секут.
Из беженцев один Толек находится в чести,
Грозится он своим врагов давнишних извести.

Два было брата у меня. Все ночи и все дни
Брели со мной из этих мест на родину они.
И вот, когда вернулись мы на родину, назад,
Камнями забросали нас...
Убит был старший брат.

А младший брат! Не знаю я, погиб он или нет.
Он даже юрты не имел и хлеба на обед.
Но он сказал: «Пускай умру—увиджу Балыкчи!»
Нам дали прозвище врагов и нищих — турпанчи.

Никто не трогает опять богатых болушей.
На бедняков обозлены они еще сильнее.
По всей земле идет грабеж, насилие и разбой,
А если слово поперек—расправятся с тобой!

Хотя с престола свергнут царь—не изменилась власть.
Что царь, что Керенский—они для нас одна напасть.
Вот все, что я хотел сказать.
Податься нам куда?
Остаться здесь—опять беда!
Туда идти—беда!»

А беженцы, оцепенев, вздыхают и молчат.
«Пускай Джунуш подскажет выход,—сказал старик
Мурат.—

Он—наша верная опора, он—первый среди нас,
Он в самых трудных испытаниях нас выручал не раз!»

«Видать, родимая земля для нас сейчас тесна.
Туда нелегко будет путь, там гибель ждет одна!
Длинна дорога, труден путь, и нечего нам есть.
И мы на время урожая должны остаться здесь».

У каждого в душе печаль, у каждого тоска.
Все знают, что для них земля родимая тесна.
Ни та, ни эта сторона не хочет уступать.
Но все ж решило большинство уйти в Китай опять.

... Вот снова солнце над горами забрезжило чуть-чуть.
И люди тронулись. Спешат уже в обратный путь.
И вот китайские черю¹ им встали на пути.
У них штыки наперевес...
Не велено идти!

Но беженцы лавиной шли—попробуй их сдержать!
И приготовились черю по беженцам стрелять.
Вот выстрел грянул из винтовки, словно в горах обвал.
И пуля меткая свалила джигита наповал.

Что делать! Впереди беда и позади беда.
Вот так не сдвинется никак стоячая вода.
Остановился у границы растерянno народ.
Беда—назад ему идти, беда—идти вперед!

И каждый день со всех сторон идет одно и то ж.
Но только трудно отличить, где правда, а где ложь.
И что ни день—то новый слух. Где правда, а где ложь?
И в каждом сердце грусть жила: «А как у нас, вдали!»

И что ни день — то новый слух. Где правда, а где ложь!
И кто властитель в Джеты-Суу — никак не разберешь!
Но все равно из них любой безжалостен и лют.
Тех, кто встает за бедняков, тех «красными» зовут.

В Москве восстал голодный люд,— так вести говорят.
Восстала русская страна, и первым — Петроград.
Народ за красных, говорят, весь как один встает,
И Ленин — мудрый их батыр — всех за собой ведет.

Кто может знать!
Никто из них в краях тех не бывал.
А голод лютей все сильнее валит их наповал.
Уже у многих из людей вся кончилась еда.
Что делать!
Впереди—беда и позади—беда!..

¹ Черю — китайские пограничники.

Вот застилает небо
Облако, словно мох.
Только Джунуш придумать все ж ничего не мог.
Он говорит Марии, своей молодой жене:
«Может, своим советом, Мария, поможешь мне!

В это трудное время ты стала моей женой,
В это трудное время ты рядом всегда со мной.
Ты знаешь: сейчас терзает все ночи меня и дни,
Мучает—что мне делать с гибнущими людьми!»
И, улыбнувшись, Мария брови приподняла:
«Я твоего совета тоже долго ждала.
Я чувствую, что в России, из дальней земле моей,
Идет жестокая схватка бедных и богачей.

Если вы на разведку пошлете меня тайком,
Крестьянкой переодевшись, узнаю я обо всем.
Если сменились власти, то я расскажу о вас.
Иного выбора нету, милый Джунуш, сейчас!

Я многое передумала—больше нет ничего.
Иначе люди погибнут, погибнут до одного!»
Эти слова, как стрелы, застряли в его груди.
И тихо Джунуш промолвил:
«Надо тебе идти!..»

Джунуш помолчал, подумал,
Вновь вздохнул нелегко:
«Пошлю я вместе с тобою в разведку друга Токо».
...Глаза их звали друг друга... Тих сердец перестук.
Стоят и глядят друг на друга, не разжимая рук.

ТВЕРДОСТЬ

Мария и Токо не возвращались.
И беженцы дожидаться их старались.
Они весь скот давным-давно поели.
И только ишаки одни остались.

Кто посильней—землянки вырывали.
И в них больных и старых укрывали.
При помощи силков для птиц
Иные
Голодным семьям пищу добывали.

А малым детям снилась хлеба корка.
Проснувшись: «Где мой хлеб!»—кричали
горько.

Давая сыромятину, как соску,
Их мать над ними плакала тихонько.

Их лица, как сухие ветви, стали.
Покрыты мглою беспросветной дали,
И слабые больные, и старухи,
Тепла навек лишившись, застывали.

Искали корни по всему ущелью
И грызли их, как мыши, еле-еле.
И собирали в пригоршни лишайник,
И вместо талкана лишайник ели.

Так жили все—от мала до велика.
Откапывали корни чегельдыка...
Если собрать все пролитые слёзы—
То озеро огромное возникло б!

Голодных этих беженцев, наверно,
Хватило бы на несколько губерний.
И некому закапывать умерших...
Лишь падал ослабевший, как мгновенно

С вершин седые грифы прилетали,
Когтями рвали, клювами клевали.
На головах джигитов знаменитых
Сороки днём и ночью стрекотали.

По всей долине мёртвые лежали.
С земли живые тоже не вставали.
Иссякли сказки старика Мурата,
Что беженцев в лишениях утешали.

Слабеет тело у Мурата снова.
Уже стояла смерть возле больного,
Но продолжал старик упорно думать
О горестной судьбе всего живого.

О собственном народе: «Если б небо
Вдруг подобрело и дало нам хлеба...
А звёзды б нам дорогу осветили —
Без них мы в темноте крошечной слепы.

Тогда бы даль не закрывали тучи,
Тогда бы всходы поднимались тучно,
Сиял бы людям белобокий месяц,
Тогда б народ стал жить, наверно, лучше!

Ах, если бы в моей то было власти —
Я б тучи разогнал и все напасти.
Тогда бы дал я своему народу
Великое и праведное счастье!

О, если б подчинялась мне природа,
Я снял бы месяц и отдал народу.
И солнце бы светить заставил ярче,
И спрятал бы под землю непогоду!..»

Все дни и ночи, брови свои хмуря,
Старик Мурат мечтал об Иссык-Куле
И выхода искал, спокойно сидя,
Но крепко сердце сотрясала буря.

Джунуш лишенья все сносил упрямо,
Он ободрял людей: «Сдаваться рано.
Чего, джигиты, вы сложили руки?
Давайте стрелы делать и капканы!

Пускай судьба к нам, беженцам, сурова.
Я приведу вам Алымкула слово:
«Близка свобода, но бороться нужно,
Тогда мы сбросим навсегда оковы!

К своей земле пора нам возвратиться,
Где скоро знамя красное, как птица,

Взовьется над землей опустошенной.
Кто смелый—тот бороться не боится!

Чтобы добыть желанную победу,
Идите за народом русским следом.
Он старый мир жестокий вырвет с корнем,
И ваше счастье будущее—в этом!

Он поведет нас смело к новым далям!
Такой завет героем был оставлен.
Чтоб выполнить заветы Алымкула,
На наши плечи тяжесть долга взвалим!»

Вот притащил Джунуш капканы, стрелы:
«Добудет пищу смелый и умелый!
Кто не сдается в горе—не погибнет!
Так примемся, друзья, скорей за дело!»

Как будто души к ним вернулись снова,
Как будто воскресило их то слово.
А старики, не сдерживая слез,
Одобрили джигита молодого.

Из глаз Мурата свет веселый льется,
Как блики от воды со дна колодца.
Привыкший помолиться для удачи,
Такое слово произнес он просто:

«Пусть скорее день наступит, над вершинами
горя,

Пусть быстрее разгорится счастья нашего заря,
Пусть же смерть, что всюду рыщет,
Наших недругов найдет!
Жизнь оставив нашим детям,
Мимо наших юрт пройдет!

Пусть хватающий за горло
Прочь уйдет от нас скорей.
Пусть же беженцы-киргизы
Доживут до сытых дней!

Стояли люди
С верою последней,
Джунуша на охоту провожая ...

НА ГРАНИ ЖИЗНИ

Голод свои крылья распростер.
Здесь такого не было до сих пор,
Чтоб людей валили цынга и тиф.
Разве разберешься, кто мертв, кто жив!

И до Иссык-Куля не в силах дойти
Замертво валились люди в пути.
Многие рождались—уже мертвы ...
Далеко до озера, до синевы!

В колыбели плачет Белек больной.
«Что с тобою будет, сынок родной?
Не спастись от смерти, видно, нам, —
Над своим ребенком плачет Нурджан. —

Ты мое копыто, подарок в судьбе.
Тихо, беспечально жить бы тебе.
Как тебе на ножки, маленький, встать!
Если сулит завтра горе опять!

Возраст горя этого—целый век!»
Вот открыл глазенки свои Белек,
Протянул ручонки—матери рад.
Рядом неотступно с Нурджан—Мурат.

У него на сердце печаль, тоска.
И глаза слезятся у старика.
В горле—горе комом, не продохнуть.
Проводил старуху в последний путь...

Все же не сдается в беде аксакал.
Плачущей Нурджан он тихо сказал:
«О дитя, и эта печаль пройдет,
Не все время будет страдать народ!»

Сел на темный камень в бессилье он,
В думы беспросветные погружен.
Взял комуз он в руки—и на лету
Песня зазвучала от хребта к хребту:

«Помню, что когда-то была пора —
Было много горя и много добра.
В сердце я вынашивал тогда мечту,
Что из жизни этой безгрешным уйду.
А теперь промчались те года.
Разодранной повиснет моя борода,
На ветках джерганака повиснет вниз.
Видно, стать гнездом ей для певчих птиц ...

О непостоянные мои года!
Хотя поседела, как лунь, борода,
Все же не насытился жизнью я.
Лучше оборвалась бы жизнь моя
В ту большую пору, той весной,
Когда был свободным народ родной,
Когда мои дети, любовь храня,
Горестно оплакивать могли меня.

Дети мои милые, бессильны вы.
Встать с земли не можете теперь, увы!
Друзья аксакалы в смертный час
Шкурой, а не саваном укроют вас.
О непостоянные мои года!
О, если бы я умер вот тогда,
Стоял бы в изголовье народ мой весь,
Оказав Мурату последнюю честь.

... Зацветшие надежды завяли пока,
Храбрецы лишились теперь языка,
Словно рот засыпали им песком.
Вороны и грифы кружат кругом,
Вороны и грифы, всякая тварь...
Нет, такого не было с нами встарь,
Чтобы самые лучшие храбрецы
Разбрелись с земли своей
Во все концы.

Что ж, еще померимся мы с судьбой.
Много наших черепов набито землей.
Много лбов сияющих—ныне прах.
Ваша кровь застыла теперь, как лед.
Тело ваше смуглое ворон клюет.
Кто цынгой, кто голодом навек сражен.
Стала ваша молодость добычей ворон!

Все же быстролетная мысль моя
Не находит места, грусть затая,
Словно она приняла смертельный яд.
Как живые, думы мои болят!
Со своей печалью один на один
Я борюсь со временем нашим крутым,
Я ввергаю душу в адский костер,
Он сжигает сердце мое до сих пор.
Падаю в бессилье... Судьба, судьба!
Почему ко мне ты, судьба, слепа!
И давно разбились мои мечты,
Как орел, упавший вдруг на хребты!

Где же я, чей голос народ собирал!
Где же я, который о счастье мечтал!
Где же та долина с зеленой травой!
Где же это небо с его синевой!
Где же мой народ, что слушал меня,
Песни мои звонкие в сердце храня!
Где тот быстрый ветер с запахом рос,
Тот, который песни повсюду разнес!

Неужели счастье ушло, как дым,
В годы те, когда я был молодым!
Жизнь моя и молодость скрылись во мгле,
Не приходят люди за песней ко мне.
Нет терпенья больше. Ни встать, ни сесть.
Нечего спеть мне, нечего есть.
Вот сижу на камне, как беркут, суров,
Словно потерявший своих птенцов!

В старину говаривали не раз:
«Пусть создатель мудрый каждому даст
В молодые годы побольше забот,

Тогда каждый в старости отдохнет!
У меня, сознаюсь я, были мечты,
Чтоб пожить в старости без маяты.
Но теперь хожу я еле живой,
Голод заставил кугукать совой.

Высыпались в прошлое мои года,
Стала теперь белой моя борода,
Дни и ночи мучаюсь, друзья, тоской,
Чтоб ступить на землю свою ногой,
Чтобы мои кости лежали там ...
Что желать осталось нам, старикам!
Всюду люди стонут, всюду смерть.
Сколько еще мучиться, сколько терпеть!

Словно мор невиданный на нас напал,
Умирают люди—и стар и мал.
Голод повалил нас, ни встать ни сесть,
Видно, нам, киргизы, остаться здесь!
Всю до капли высушил голод кровь,
Стоит лишь подняться—валишься вновь.
Умирают старые,
Но что больней —
Скоро не останется наших детей!

Говорили, будто бы свергнут царь,
Новый, мол, откроет новую даль.
Говорили—бедным он друг и брат.
Но теперь другое все говорят.
Власть сменилась властью, бедой—беда.
От нее не спрятаться нам никуда!

Неужели многострадальный народ
Темная, глубокая пропасть ждет!
Неужели живший во все века
Он иссякнет, будто в песках река!
Даже больше было б его в сто раз —
Все равно бы голод скосил сейчас!
Сколько еще будет голодная смерть!
Сколько еще грифам на трупах сидеть!
Неужели высохнет источник весь!
И народу нашему пришел конец!

Лучше бы бураны пели взхлеб!
Лучше бы всю землю залил потоп,
Лучше бы нас ветер развеял в прах
И опять посеял в наших краях.
Пусть свободы ветер дохнул бы нам в грудь,
Пусть пришла бы воля откуда-нибудь,
Пусть бы те, что дали по шее царю,
Над землею нашей зажгли бы зарю!»

Сразу обессилев, старик умолк.
Снова его гложет голод,
Как волк,
Но старик в мечтанья свои погружен,
Словно он бессмертным был рожден.

С бороды стекает пот ли, слеза!
Все ему казалось, что смерть близка.
Он сидит на камне, бессилен, тих,
И молчит, запутавшись в мыслях своих.

Женщина с младенцем грудным на руке
Подошла к Мурату:
«Не плачьте, аке,
Поживем, отец, мы еще, говорю,
И еще увидим свою зарю!»

Сами говорили: «Мы, старики,
Это ваши уши и языки.
И народу нашему вечно стоять,
И тому порукой—дита и мать!»

И от этих ясных и добрых слов
В сердце у Мурата—надежда вновь.
Он из рук у матери ребенка взял,
К белой бороде своей крепко прижал.

Над собою поднял он малыша:
«Ты права, конечно,—жизнь хороша!
Как темно бы ни было—вспыхнет свет!
Нет, мы не погибнем! Не сгинем, нет!

Были мы народом, поднявшимся ввысь.
Неужели станем глядеть мы вниз!

Были мы отважными всегда людьми.
Ну-ка, свою ножку, малыш, подними!

Ну-ка, давай, маленький, смело шагать,
Чтобы всем невзгодам нас не догнать!
Ну-ка, загадаем!..
Чего кричишь!
Поднимай же ножку—ать-два, малыш!»

РАЗВЕДЧИКИ

Тяжелый ветер тучи разрывает,
И Иссык-Куль валы приподнимает,
И катятся угрюмые валы,
Как будто разъяренные воны!

Волна к волне вдруг вырастает густо,
Откатятся—и вновь о берег бьются.
Прибой идет на берег широко ...
Стоит Токо, ошеломлен Токо!

Он смотрит—глыбы волн вырастают.
И вот упал и землю обнимает.
«Земля моя, ты—колыбель отцов.
Ответь у этих милых берегов,

Ходить за плугом будем ли мы снова!
Нет у детей твоих ни сил, ни крова,
Они остались умирать в пути,
И ты должна на помощь им прийти!

На берегу, как раненая птица,
Скрываюсь я...
О, скоро ль возвратится!
Уже две ночи и два дня прошло...
Что у врагов случится с ней могло!»

Раскаты грома били в берег с лёта,
Как будто решето с камнями кто-то
Раскачивал меж тёмных, грозных туч
И сыпал на Токо с высоких круч.

«Что делать! Не могу один вернуться».
А гром гремит, и волны глухо бьются.
Лежит, не шевелясь он, не дыша.
Отчаянья полна его душа.

А мысли в голове идут упрямо,
Как будто цепь огромных караванов.
Вокруг него стоит холодный мрак.
Недалеко раздался лай собак.

«Наверно, одичавшие собаки
Пришли за мной!— Токо подумал в страхе.—
Что делать мне! Отбиться нелегко!»
И вдруг знакомый голос: «Ты, Токо!»

«Да, это я!—он крикнул в мрак крошечный
Обрадованно.—Я, Токо, конечно!»
От радости, а может, от тревоги,
Но у джигита подкосились ноги.

Вот вспыхнула одна, другая спичка,
Вот скрипнула возле обрыва бричка,
Мелькнула тень и вновь ушла во мрак.
«Прочь!»— кто-то громко крикнул на собак.

«Мария!—закричал Токо.—Мария!»
И обнялись они, словно родные.
Он за Марией следом зашагал,
Шагал и слов ее не понимал.

Вот к бричке подошли по тропке узкой,
Возле которой—незнакомый русский.
Тот русский произнес:
«Ну, здравствуй, друг!»
Токо вздохнул и рассмеялся вдруг.
Мария смотрит грустно и устало.

«Это Иван, наш друг»,—она сказала.
А русский, улыбнувшись широко,
Рассказывать стал обо всем Токо.

• ...Пока чай распивали у Ивана,
Услышал слов Токо немало странных,

К которым слух джигита не привык.
Что значит «большевик» и «меньшевик»!

Теряется в догадках. Что такое!
Потом зашли в дубленых шубах двое
Киргизов. И наполнен шумом дом.
Рассказывал Токо им обо всем.

Они Токо понятными словами
Растолковали: «Все с большевиками.
Власть перейти должна к большевикам.
И, значит, возвращаться можно вам!»

Провизией набив мешки тугие,
В обратный путь пошли Токо с Марией.
И через семь нелёгких дней в пыли
Стан беженцев увидели они.

ПРАВДИВАЯ ВЕСТЬ

Со всех сторон их люди окружили.
«Скажите, что вы видели, где были!
Обрадуете бедных, может быть».
И вот Мария стала говорить:

«Я по порядку расскажу, как надо.
Что свергнут царь жестокий—это правда.
Сейчас в России временная власть,
Которая должна, джигиты, пасть!»

Рабочие, солдаты и дехкане
Подымут справедливое восстание,
Которое с земли господ сметет.
В последний бой их Ленин поведет!

Срок наступает вековых свершений,
И ясный путь указывает Ленин!
И все народы на моей земле
Идут навстречу солнечной заре!

А в Пржевальске самодур Шабалин
У власти до сих пор еще оставлен.

Он—беженцам заклятый самый враг,
Он вывесил повсюду царский флаг.

Повсюду еще властвуют тираны,
Но их сметут всех
Поздно или рано,
Сметут с лица земли их, как царя!
Не зря уже забрезжила заря».

Старик Мурат вздохнул, зашевелился.
«Дитя мое,— к Марии обратился, —
Что будет делать временная власть?
Даст нам подняться или даст пропасть!»

«Не ждите вы добра от власти этой,
Она оставит просьбы без ответа,
Она прогонит вас в глубины гор,
Ей очень нужен «жизненный простор»!

Но темнота, нависшая над нами,
Рассеется ...
Ведь в руки взяли знамя,
Окрашенное кровью бедняков,
Сплоченные ряды большевиков.

Я в Караколе многое узнала.
Большевиков немало там встречала.
И во главе их—ленинец Иван!
Он обещал помочь, киргизы, вам!

Лихое время миновало.
Скоро
Увидим мы свои родные горы,
Вернемся в край семи раздольных рек.
Лишь павшим не увидеть их вовек!»

Вот показались из-за гор джигиты.
Они на спинах коз несут убитых
И по земле архаров волокут.
Все беженцы навстречу им бегут.

Их лица, как от солнца, засияли.
Вот первыми мальчишки подбежали.

А старики, сгибаясь до земли,
Охотникам навстречу побрели.

Мария и Нурджан едва привстали,
Охотникам руками замахали.
«На храбрецах сама земля стоит!»—
Воскликнул так седой Мурат-старик.

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

I

Как море, нависает небо грозно,
Бездонно, как вселенная сама.
И пулями летят на землю звезды —
Прострелена навывлет ими тьма.

Вселенная—как чаша с золотыми
Крупинками далеких, вечных звезд.
И, словно разговаривая с ними,
Лежит Джунуш. Глаза темны от слез.

Он слышит плач грудных детей, зовущих
В ночи усталым криком матерей
И безмятежно от времен грядущих
Еще не ждущих участи своей.

А под обрывом, под крутой скалою
С далеким эхом говорит сова.
И стражник ночи—филин—за совою
Заухал непонятные слова.

А там, вдали, попискивала птаха,
Как пойманная кем-нибудь в силоч.
А суслики, бессонные от страха,
Стояли и смотрели на восток.

А за лощиной, где тепло и вольно,
Где мертвые лежали здесь и там,
Голодные бродили стаями волки.
Джунуш вдруг вздрогнул,
Вспомнив про капкан.

С земли он поднял толстую дубину
И по тропе, у кручи на краю,
Спускается в глубокую ложину,
Где хищники добычу рвут свою.

«Пусть стрелы мои метко понесутся,
Пусть цель найдут свою».
И вот тогда
Он загадал: «Убью—друзья спасутся!
А если не убью—нам всем беда!»

Вот медленно подполз, почти вплотную,
К голодной стае волчьей.
Вот привстал ...
И выпустил стрелу свою прямую
И понял: промахнулся! Не попал!

И вновь во тьму он взгляд вперяет смелый,
Вперяет, цель наверняка ища,
И выпускает раз за разом стрелы,
Но волки продолжали жрать, рыча.

Джунуш—вперед.
Но волки без испуга
Спокойно отошли во тьму, к лугам...
Но на ноге у одного вдруг туго
Захлопнулся стремительно капкан.

Волк привскочил и рухнул, растопырясь,
И зарычал, бессилен и жесток,
И прыгнул раз, второй и третий, силясь
Сломать капкан—и сразу наутек!

И на Джунуша смотрит хищник дико,
Глаза пылают яростью слепой.
Он бешено желает поединка,
Мол, подойди, разделаюсь с тобой!

И вот охотник из засады вылез
И подошел, чтобы добить дубьем.
Но старый хищник, злобно напружинясь,
Ему навстречу кинулся рывком.

Джунуш отпрянул. Волк бессильной злобой
Дремучею еще сильней объят.
Волк и Джунуш—враги до гроба оба.
Глаза в глаза. Они в упор глядят!

Казалось—шаг, и будешь бездыханным.
Казалось—все! Лишь сделает прыжок ...
Но хищник, крепко схваченный капканом,
Рыча, лежал и кинуться не мог.
Глаза в глаза. Упорный бой, старинный!
Здесь насмерть человек и волк сошлись.
Волк метит в горло.
Человек—с дубиной.
Глаза в глаза. Попробуй, разминись!
Ударить точно, чтоб не промахнуться,
В седую волчью морду между глаз!
Промажу—то тогда не увернуться,
Волк даром своей жизни не отдаст!»

Гнев храбреца вовек не знает страха.
Глаза в глаза. И никого вокруг.
Джунуш рывком шагнул вперед.
С размаха
Дубиной в злую морду волка—бух!

Волк рухнул наземь, лязгая зубами,
Упал, дубиной свален наповал.
А вдалеке, над темными горами,
День утреннее солнце поднимал.

II

В путь тронулся назад издалека
Народ мой, как шуга,
Что берега
Ломают и стремятся на простор.
Навстречу талый ветер веет с гор.

Идут—кто по дороге, кто вразброд,
Кто на коне, кто просто пешеход.
Пусть перевалы на пути встают,
Так войны на штурм пихой идут!

Худы и босы. Горю вопреки,
Джигиты и седые старики,
Поддерживая слабых,
В пыльной мгле —
К своим кочевьям и к своей земле!

А вон Мурат идет, как молодой,
То вставит слово в разговор чужой,
То улыбнется, то молчит опять...
А вон Джунуш несет больную мать.

Чужбина—за спиною, позади.
Встают места родные на пути.
И люди не стесняются, в пыли
Целуют горсть родительской земли.

И обнимают землю у дорог,
Целуют каждый камень и ложок.
Друг с другом обнимаются в слезах.
Опять надежда вспыхнула в глазах.

И внюхивались в травы и цветы,
И пили из ручьев за горстью горсть.
А лица были счастьем залиты,
Что наконец с землей родной не врозь!

Улары—от скалы и до скалы.
И старики, как дети, веселы,
Смеются старики между собой:
«А что! Теперь довольны мы судьбой!

Мы видим наши горы, синеву
Теперь уже не в снах, а наяву!
Невестки, приведите-ка детей
К речонке, искупаются пусть в ней!»

К земле родной ты сердцем припади,
Прижмись к ее родительской груди!
«По вас я стосковалась, сыновья!
И высушу все ваши слезы я!»

«Земля моя! Светлы твои слова!
Земля моя! Крепки твои права! —

Как бы при встрече с матерью своей,
Сказал Мурат при этой встрече с ней. —
Земля моя, где возле рек и скал
Любой из нас на палочке скакал.
Ты сыновей своих, земля, прими,
По-матерински, нежно обними!»

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

I

И вот осталась позади дорога.
Жестоким голод отступил немного,
И беженцы увидели: страна
На лагеря уже разделена.

Все споры, споры. Только нету веры,
Когда с трибуны говорят эсеры.
И люди не смыкают больше глаз,
И думают: чья понадежней власть?

«Как называть, большевиком иль Лениным
Того, с кем мы нашли один язык?»
И кто-то отвечает им уверенно:
«Товарищ Ленин—точно большевик!»

В один из бурных дней поры той давней,
Когда по небу в синей дымке дальней,
По черным высям, в снеговой дали,
Как льдины, облака все шли и шли,
Записана в бессмертье эта дата,
Когда глядели люди на плакаты:
«Вся власть—Советам! Беднякам—весь хлеб!»
Нам не забыть тех справедливых лет!

На улицах народ идет лавиной.
И наглухо закрыты магазины.
И флаги, флаги красные цветут,
Как будто в поле маки, там и тут ...
А люди разношерстные тайком
Еще вчера пришли в «народный дом».

Один стоит пред приставом покорно,
Блестит в николаевской он форме.
Эсеры—болтуны, говоруны —
Разгневаны стоят, возмущены.

В казачьем чекмене сам бай Толек,
Он здесь давно первейший человек!
И шашкою серебряною в ножнах
Играет он—ему теперь все можно!

И керенкам чайханщики не верят,
Они теперь другою мерой мерят:
«От этих денег нам большой урон,
Покамест Ленин-то не побежден!»

«Чтоб нам не подвергаться больше риску,
Вы вместо денег дайте-ка расписку,
Кто знает, победит чья сторона.
А чья-то будет все ж побеждена!»

«А ну, бери! — раздался голос резкий.
Свирепо смотрит тучный бай Толек. —
Ведь это точно—победил Керенский.
Так нам сказал столичный человек!»

«Меньшевики побеждены, я знаю!
И потому вам честно предлагаю —
Ведь всякое на свете может быть! —
Не керенками — овцами платить!»

«Ха-ха, — смеется кто-то. — Мы сочтемся!
Это они, не мы с тобой деремся.
И лучше голодранцев всех оставь
Да поживее чай горячий ставь!»

«Э-эй, чайханщик, шевелись быстрее!
Я — бай Толек! И бородой своею
Клянусь и бьюсь с любым я об заклад:
Эсеры—это точно—победят!

Ведь Керенский — самый надежный русский.
Не бойся—у меня не на макушке

Глаза.
И, верность прошлому храня,
Вы будете, как бая, чтить меня!..»

Вот человек в потрепанных перчатках:
«Прошу всех депутатов по порядку,
Всех партий представителей—всех в зал,
На заседание важное!»—сказал.

Какой-то человек в кожанке рыжей
Спокойно из толпы народа вышел.
И что ни слово, то удар камчи:
«От вас скрывают правду богачи!..»

Зал переполнен.
Ходуном все ходит,
И неизвестно, кто здесь верховодит,
Чьи речи от души, от злобы чьи.
Киргизов переводят толмачи.

Кто говорил правдивыми словами,
Что путь его навек с большевиками.
Одни шумели.
Кто—как меньшевик —
Старался за своих!
Другие — в крик!

Два стана. Две враждебных половины.
Иные в ход не прочь пустить дубины.
А кто пустил листовки по рукам.
Прислушивалась вся к большевикам
Толпа людей на площади, у дома.

Передавали люди возбужденно,
Передавали, кто о чем сказал.
Так с площадью перекликался зал.

На улице поют, кричат и спорят.
И движутся, кто — кучею, кто — в ряд,
И если слов надежных не находят,
Друг другу что-то жестами твердят.

И вот, когда дал председатель слово
Большевику... Третя зала Железнова
Не стала слушать...
Взмыли над толпой
Его слова: «Продажных шкур долой!»

Он говорил в лицо эсерам смело,
И речь его, словно обвал, гремела:
«Народ России старый дряхлый век,
Объединившись, наконец, поверг!»

Одним сердца большевиков согреты:
За батраков, за бедняков—Советы.
«Советы— и заводам, и полям!»—
Так Ленин говорил большевикам.

Эсеры за киргизов!
Кто же в холод
Голодных их с земли отцовской гонит?
Так почему же беженцев они
Ворами звали в горестные дни?

«Гоните прочь оборванных!»—кричали.
И беженцев прозвали турпанчами.
Быть может, не они из мест родных
Прогнали стариков и молодых!

Народ киргизский, сабли в руки взявший,
Веками кровь за волю проливавший,
Что саблю ты занес над черной тьмой —
История запишет за тобой!

Когда вы край отцовский покидали,
Когда в пути без хлеба помирали
И замерзали, на снегу дрожа,
Вам богачи не дали ни гроша!

Весь Туркестан полит был вашей кровью,
Слезой вашей...
Все же брызжет новою
Над вашими кочевьями не зря
Такая долгожданная заря!

Киргизы!
Ваши беды вековые
Теперь будут развеяны впервые.
И мы, большевики, должны помочь
Навек рассеять вековую ночь!»

И загудело, зашумело в зале:
«Давно таких речей мы не слыхали!»—
«Он говорил как надо, напрямик!» —
«А все же кто он! Кто!» —
«Он—большевик!»

II

Только кончится схватка—
И вновь начинается схватка,
Кто же прав, кто не прав!
Разве это сейчас разберешь!
Коммунисты спокойны...
У эсеров коварная хватка —
Чтоб побольше поднять,
Чтоб побольше затеять галдеж.

Людам трудно понять,
Людам трудно пока разобраться.
Все слова и слова,
Так, что кругом идет голова.
И один пред другим,
Словно дети, они петушатся...
На высоком столе
Светит старая лампа едва.

Кто же прав, кто не прав!
«Запишись к нам!»—взывают эсеры,
«Нет, постой, дай подумать!..» —
«Кто запишется в меньшевики!»—
«Ты куда! У эсеров с манапами общая вера,
Богачам там раздолье!
Не в эсеры идут бедняки!»
Вот плечистый матрос
Над людскою поднялся толпою:

«В большевистскую партию
Бедняки записаться должны!
Мы свободу дадим!
Мы наделим всех бедных землею.
Остальное—гнилье!
Остальные — обречены!»

«Не записывай, если
Болуш и толмач записались
К вам в эсеры сейчас!
Затычкой пусть будет другой!»
И к матросу протиснуться
Те, кто беднее, старались,
А матрос возвышался,
Как будто гора, над толпой!

«К нам скорей запишись!
Только мы справедливы к народу». —
«За кого вы стоите!» —
«Мы от временной власти послы». —
«Это к временным, что ли!
К душителям нашей свободы!
К ним лишь только манапы
Да слуги царицы пошли!»

«Власть твоя, я скажу,
Нас от голода не защищала,
Хуже царской она —
Не дала нам она ничего».

«Я пойду только с теми,
Кто спасает голодных, усталых.
Кто голодный — за мной!» —
Призывает джигитов Токо.

«Запишите к эсерам! —
С тощей шеей, с бородкою странной
Суетливый мулла
Оттирается возле стола, —
Буду верой и правдой служить
И обманывать бога не стану...» —
«Запишите меня!» —
Снова просят манап и мулла.

«Я ведь темный мужик,
Подожду, что мне скажет старуха...» —
«Только к тем запишусь,
К тем, кто хлеба семье моей даст!» —
«Ну их!» — «К ним запишусь!» —
Зазывают без толку друг друга.
«Пусть оставят в покое меня,
Запишусь, может быть, в другой раз!»

«Что за деньги у них!
Эти деньги, как будто солома,
Их и скот не жует!..
Лучше буду кричать им «долгой!»
Этим прихвостням царским,
Этим тайным прислужникам трона!» —
Так закончил джигит
И махнул сокрушенно рукой.

«Так за что проливали мы кровь!» —
«Как за что! За свободу, конечно!» —
«Где ж она! Что-то долго ее не видать!
Как и встарь — голодные!
Тот же гнет над страной вековечный.
Так же, как при царе,
Призывают опять воевать!»

«Говорят, что повстанцев
Оттеснят в вековые пустыни.
Чем же лучше царя
Эта подлая новая власть!
Разве может народ,
Разве могут повстанцы быть с ними!» —
«Только партия Ленина,
Только партия эта за нас!»

«Да, — сказала Мария, —
Голодных они собирают,
Выдают им одежду,
А также еду выдают...»
«Запишите нас к Ленину!» —
Громко народ восклицает.
И к матросу они
Друг за другом идут и идут...

«Запишите—Мария Андреева.
Запишите и мужа Джунуша!...»
«Запишите и нас! Запишите!»—
Несется, как вал...

... Вдруг старик на седле
Покачнулся бессильно
И тут же:
«Это ты, моя дочка! Мария моя...»—
Прошептал.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Неизвестно, откуда и как
На трибуну взойшло пять кожанок.
К виду этих кожанок
Покуда никто не привык...
Крепко стиснуты зубы.
Взгляд суровый спокоен и жарок.
Вот один из пятерки
Взялся крепко за свой воротник...

И по этой привычке
Все узнали теперь Железнова.
Зал опять загудел:
«Это тот, что вчера выступал!»—
«Это нового мира посланцы!»
И снова
Понемногу, нескоро
Замолчал настороженный зал!

Люди смотрят: у них
На груди ленты светятся ало.
И хотя все устали,
Но каждый из них удивлен!
Что же скажут они!..
... В тишину беспокойного зала
Железнов произнес:
«На трибуне Андреев Антон!»

На трибуне старик
Поправляет очки удивленно.

Весь, как в пене, седой.
Произносит решительно, всласть:
«Волею бедняков и рабочих
Объявляю: решением ревкома
Установлена здесь, в Семиречье,
Советская власть!»

Зал, как море, гудит...
Словно вихри прошли штормовые...
Захлестнуло волной
Биенье счастливых сердец.
И знакомый, родной,
Этот голос узнала Мария
И заплакала вдруг,
Только губы шептали: «Отец!»

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

Вот тихо ночь покинула отроги,
Прошедшая в бессоннице, в тревоге.
Никто не мог сказать о том точь-в-точь,
Что было, что случилось в эту ночь.

Голодные, оборванные люди
Узнали о свободе, как о чуде,
И, спотыкаясь, падая, крича,
Они бегут на пламя кумача,

Что взреяло на доме, загорелось...
Даже старухам дома не сиделось.
От голода качаясь, все брели
На улицу, где кумачи цвели.

На улице,
Как будто жеребята,
Оборванные, хмурые ребята.
Куда девалась их мальчишья прыть!
Они не в силах даже пошалить!

И все ж в джигитах гордость говорила,
Хотя и их усталость с ног валила.

По улице, расправив плечи, шли,
Поддерживая слабых, как могли!

Возле саманок, камышом покрытых,
Повсюду лужи дождем разлиты,
Зеленая, замшелая вода
Поблескивает тускло, как слюда.

И мимо луж и мимо тех саманок
Конный отряд промчался спозаранок,
По утру, по дождю, по тишине,
Кто в шубе, кто в дырявом чапане.

А люди удивленно толковали
И тихо перешептывались так:
«Того, что возле знамени узнали
Это Джунуш, прославленный земляк!»

И восклицают с восхищеньем давним:
«Да будет этот день навек прославлен!»
И по обычаю над головой
Три раза чаши пронесли с водой.

И каждый вешней радостью согрет.
И видят все:
Несут большой портрет,
Плывет он над потоками колонн.
Гадают: «Кто на нем изображен!»

«Он—большевик!..»
И все же людям странно...
«Разве бывают,— говорит мулла,—
Среди людей такие великаны,
Чтоб с купол юрты голова была!..»

Листва пылает, как кумач, на кленах,
Пылает солнце ярко на знаменах.
И радость, и любовь в глазах горят,
И к площади зеленой все спешат.

На площади среди разногосых
И выкриков, и лозунгов стоит,

Уверенно держась рукой за посох,
И слушает оратора старик.

Все для Мурата, как впервые, ново:
Земля и день, и каждое здесь слово,
И лица земляков, и стук копыт.
Он тихо за оратором следит.

И, как охотник за зайчиным следом,
Настороже, на тропке снеговой,
Прицелился глазами.
И при этом
Трясет своей седою бородой.

Белек бежит за матерью своею
И держится рукою за подол...
А бабушка его стоит, жалеет:
«Этот кумач бы на платки пошел!..»

Как много полотна у нашей власти!...
С глазами, посветлевшими от счастья,
Кричат мальчишки в ярком свете дня:
«Ой, мама, дяди смотрят на меня!»

«И на меня!»—удивлена старуха.
И на меня они глядят сейчас! —
Подталкивают женщины друг друга. —
Они глазами провожают нас!..»

На площадь люди с шумом устремились,
Где на ветру густом знамена бились.
Помолодели лица и глаза.
И радостью наполнены сердца.

Наполненную радостью большою,
Нурджан несет вперед
Людской поток.
Вот подняла Белека над собою —
Пусть видит счастье маленький сынок!..

А старый доктор руки потирает:
«Это Антон, которого я спас!»

И около трибуны размышляет:
«Узнает ли Антон меня сейчас?»

Взяла Мария за руку Мурата,
Ведет к трибуне красной за собой.
Старик глядит вокруг подслеповато,
Смеется и кивает головой.

Вот влез он на трибуну
И смущенно
Стал что-то быстро говорить Антону.
Дырявой своей шапкой помахал,
И радостно его Антон обнял.

Широким лугом площадь показалась.
И, глядя на широкий этот луг,
Старик забыл про старость и усталость,
Лицо его помолодело вдруг.

Старик Мурат сказал Антону: «Здравствуй!»
И осмотрелся медленно кругом,
Где каждый флаг—как будто беркут красный
С косым и трепыхающим крылом.

В глазах Мурата вспыхивают искры.
Помедлил и с трибуны в зал сказал:
«Я кланяюсь земным поклоном низко
Всем, кто для нас свободу добывал!»

И чутко все прислушивались в зале.
Он, слезы не скрывая, произнес:
«Сегодня плачу я не от печали,
И вы не осуждайте моих слез!
Я говорю: спасибо вам за это,
Большевики, киргизский вам «рахмат»,
Что нет над нами хитрого Толека!
Теперь народ и счастлив, и богат!
Теперь Ашимы толстые не в силе,
Не помогли им хитрость и пророк!
Теперь народ свои расправил крылья
И грозно продолжает свой полет!

Пришла заря в бедняцкие аилы
И нам дала и пастбища, и кров...
Народ, стоящий на краю могилы,
Спасла навек заря большевиков!
С Толеками исчезло наше горе,
Лишь только луч свободы проглянул,
И сердце огневое нашей воли
Забилось,
Как мечтал наш Алымкул...»

И синее с каймою красной знамя
Старик Мурат Антону протянул:
«Вот это знамя нашего восстанья
Берег я,
Как велел мне Алымкул.
И этот стяг шестнадцатого года,
Что был прославлен в яростном бою,
Как знак доверья моего народа
В надежные я руки отдаю!..»

Нурджан рукою слезы вытирает,
А мать ее заплакала навзрыд
И над толпою руки простирает,
И, обращаясь к людям, говорит:

«Теперь воочью вижу наше солнце,
Пусть свет его на бедняков прольется.
Как солнце, Ленин светит на земле!
Вот почему так громко сердце бьется!
Так пусть услышит Ленин это слово
От вечнобелых склонов Ала-Тоо!
Я думала, что счастья не дождусь,
Не доживу, бедна и нездорова!
Имели мы хозяйство—только клячу.
Годами счастья ждали наудачу!
Живой воды как будто испила.
Вы видите: от радости я плачу!
На дереве народа я лишь ветка.
Такое, как сейчас, увидишь редко:
Антон с Муратом, словно с братом брат,
Поцеловались, обнимаясь крепко!..»

Старуха речь произнесла такую...
И гул прошел через толпу густую.
Но не сердца гудят—колокола!
Трибуна, как корабль, поплыла
Туда, туда,
Где, как волна морская,
Толпа людей бурлила, широка.
И люди встали все,
Рукоплеская.
Плывет трибуна красная в века!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О современники мои,
Цветы земли моей,
С кем я скитался на чужбине
Среди глухих степей,

Для вас, друзья, и для себя
Пишу я о былом.
Хочу, чтоб каждая строка
Пылала под пером.

Когда скитался на чужбине
В неласковых краях,
Когда за мною следом шли
Отчаянье и страх,

Когда народ мой издалека
Голодным брел домой,
Я мучился, я проверял
Все этою строкой.

И, словно камешки из проса,
Я выбирал слова,
Чтобы история народа
В строке была жива.

И вот, охваченный волненьем,
Я в небесах парил,
И за спиною слышал я
Косую тяжесть крыл.

И плыл я вслед за облаками,
Бродил средь острых скал.
И нужные слова для песни
Своей везде искал.

«О днях тех Расскажи!» — велели
Родные горы мне,
Где словно бусинки из камня —
Валун на валуне.

И для которых тыщи лет —
Как несколько секунд,
Где небо горные вершины
Почти насквозь секут.

Тогда повсюду кровь лилась,
И та святая кровь
Велела мне: «Пиши, поэт,
Пусть говорит любовь!

И ненависть пусть говорит,
И ты над прошлым встань
И напиши, чтоб содрогнулся
От стога твой Тянь-Шань!»

И я писал, глаз не смыкая
С утра и до утра,
Писал, хотя сочились слезы
Тогда из-под пера.

Я видеть все хотел — и видел,
И обо всем писал.
И в мыслях, как мои герои,
Я жил и умирал.

Кто годы те навек запомнил,
Те горькие года,
Когда, казалось, заслонила
Весь белый свет беда!

И я о прошлом написал,
Как наша кровь текла,

Чтоб ненависть к годам проклятым
В нас яростно жила!

И в песне этой человек
Прославлен будет пусть!
Ведь человек — душа земли
И всей вселенной пульс!

Хочу восславить человека,
Что достает до звезд,
В чьих жилах яростная кровь —
Как миллионы солнц!

Россия царская тогда
Была для всех тюрьмой:
Кто в рубище, кто в кандалах,
Кто с горем, кто с сумой.

Когда же великан-народ
Смел темную ту власть,
Тогда в борьбу судьба киргизов
По капельке влилась.

И грянул небывалый бой
Между зарей и тьмой...
Когда писал, то выполнял
Я долг старинный свой —

Тому, кто молод, рассказать,
Что бились мы не зря,
Пусть не в шестнадцатом году
Зажглась для нас заря.

Когда поэму я писал,
То с самых первых строк
Я сомневался и гадал:
«А ты бы сделать смог!»

И все-таки я был доволен,
Гордился я чуть-чуть,
Что я прошел с народом вместе
Тот горький, трудный путь.

Что его муки—мои муки,
Его беда—моя!
Когда с землей своей в разлуке
Прошел я те края,

Где камни мне сбивали ноги
И стужа тело жгла,
И голод гнул, и холод гнул,
Но все ж в меня вошла

Святая память горьких дней,
Как люди в том году
Валились замертво от холода,
Валились на ходу.

Мы не могли их хоронить,
Зарыть их не могли.
И только горсточку бросали
На них родной земли.

Когда писал я эти строки
И их тревожил прах,
Они вставали предо мною.
«Свобода!»—на устах.

Они толпою проходили
Мимо меня в тот час:
«Подумай сам, ведь разве можно
Забыть тебе про нас!»

Передо мною встал Антон...
Провел по волосам,
Вдаль руку он свою простер,
Сказал своим друзьям:

«Смотри, Джунуш,
Смотри, Мурат,
Какой вокруг простор!
Как высоко вознесены
Вершины наших гор!

И реет дружбы нашей знамя,
Над всей землей горит.

Весь мир, Джунуш, уже полвека
На красный стяг глядит!

Смотри, Мурат, как реет знамя,
Как наша даль ясна!
И в памяти, как на граните,
Героев имена!

Пусть молодое поколение
Не знает нас в лицо,
Но пусть на подвиг поднимают
Их подвиги отцов!

И скажут юноши: «Они
Погибли все не зря!
И лучший памятник борцам —
Закошенная заря!..»

Таким вот снился мне Антон,
Вставал передо мной.
И он велел: «Пиши, поэт,
Каленою строкой!»

И видел я его жену,
Глаза его детей.
Они велели мне: «Пиши!
По памяти своей!»

Мне образы большевиков
И совесть их, и честь
Велели подвиг совершить —
За песню эту сесть!

И трудное мое перо
Давало силу мне
И шло покорно по бумаге,
Как плуг по целине!
И все, что, наконец, сбылось,
Мне придавало сил,
И снова я, пока писал,
Те годы пережил.

Полжизни отнял у меня
Тяжелый этот труд.
И вот его
Тебе, народ,
Я отдаю на суд.

1933—1961 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

О романе Аалы Токомбаева «Перед зарёй»	5
От переводчика	15

Часть первая

От автора	19
Пролог	21
Двое	25
Воспоминания	28
У земляного очага	34
Начало	45
Оружие	51
Голос Мурата	59
Горестная память	63
Споры	73
Не сон ли это!	77
Обман	79
Конь и Алымкул	87
В плену	90
Без вины виноватые	95
Песня на дороге	101
Когда Толек разгневался	110
Как хотели убить Антона	113
Столкновение	121
Вестник	129
Вот кто он!	132
Гордые девушки	135
Народ не ошибается	138
Последний сход	143
Перед схваткой	147
Жестокая схватка	151
Ак-Огуз	157
На хребте	165
В больнице	173

Часть вторая

Знакомство	189
Рассказ Алымкула	195

Расставание	203
Встреча на перевале	208
Череп	214
Мы ещё встретимся	216
На базаре	218
Два горячих сердца	223
Сокровенный разговор	228
Сердце не покоряется	227
Надежды	229
Печальная весть	233
Завещания	
Если я умру	240
Жалею	240
Сон	241
Видения	241
К Нурджан	242
Народу моему	242
Когда я тосковал	243
Буду слушать	243
Всем	243
Моё слово	244
У могилы	244
Слово акынов	248
Тоска по Родине	251
Твёрдость	256
На грани жизни	262
Разведчики	267
Правдивая весть	269
Последняя дорога	271
Последняя схватка	275
Незабываемое	282
Утренняя заря	283
Послесловие	289

Аалы Токомбаев
ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Роман

Редактор М. Лукошин. Гравюры Б. Джумабаева.
 Переплет и титул Ю. Кима. Худож. редактор И. Ефимов.
 Техн. редактор П. С. Орёл. Корректор И. Кондратьева.

Сдано в набор 10/VI-1968 г. Подписано к печати 19/VIII-1968 г.
 Бумага типографская № 1 формат 84×108¹/₃₂, 9,25 физич. печ. л.,
 15,5 условн. печ. л., 14,76 учет.-изд. л. Тираж 4000. Заказ № 1703.
 Цена 1 р. 58 к.

Киргизполиграфкомбинат Глашпюлиграфиздата Мин-ва
 культуры Кирг. ССР.